

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. П. КАЖДАН

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ВИЗАНТИИ
XIII-XIV вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И

А. П. КАЖДАН

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ВИЗАНТИИ
XIII—XIV вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва—1952

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик *Е. А. КОСМИНСКИЙ*

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена изучению социальных отношений и классовой борьбы в византийской деревне в XIII и XIV вв., в последний период существования Византийской империи.

Аграрная история Византии изучалась преимущественно русскими византинистами, тогда как западноевропейское и американское византиноведение не уделяло ей должного внимания.

Уже в XIX в. научные интересы русских византинистов были направлены в первую очередь на выяснение экономических, социальных, административных и других проблем внутренней истории Византии. Отечественные историки прошлого столетия уделяли особенно большое внимание изучению положения крестьян и поземельной собственности, форм крестьянской зависимости и развитию сельской общины. Вопросы аграрной истории Византийской империи не сходили с повестки дня¹. Можно без преувеличения сказать, что именно русские историки конца XIX в. положили начало разработке аграрной истории Византии и сделали чрезвычайно много для решения ряда важных проблем в этой области. В известном смысле можно утверждать, что аграрная история Византии в качестве самостоятельного крупного раздела исторической науки была создана русскими исследователями этого времени.

Интерес русских византинистов к проблемам аграрной истории не случаен; он был обусловлен своеобразием социально-экономического развития России, реальной действительностью русской жизни пореформенного периода, когда аграрный вопрос в России стоял необычайно остро: «патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску.

¹ См. Б. Т. Горянов. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении. ВизВ, I (1947), стр. 54—55. З. В. Удалцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского. Вопросы истории, 1949, № 6.

Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой»¹. Это делает понятным исключительный интерес русских византинистов к общине, к ее борьбе с крупным землевладением, к ее судьбам, к истории крестьянства в целом, — интерес, чрезвычайно характерный для всей русской медиевистики того времени.

Основание серьезному исследованию аграрных отношений в Византии положил выдающийся русский византинист В. Г. Васильевский. Он подверг изучению «Земледельческий закон» и все известные в то время источники по аграрной истории Византии X—XV вв.: новеллы императоров Македонской династии, сборник судебных решений — Пиру, письма Феофилакта Болгарского, монастырские акты. Он собрал ценные сведения, характеризующие положение византийского крестьянства, систему обложения, рост монастырского землевладения.

Вместе с тем В. Г. Васильевский первый выдвинул оригинальную концепцию развития поземельных отношений в Византии, явившуюся значительным шагом вперед вообще в понимании византийской истории.

Развитие аграрной истории Византийской империи представляется В. Г. Васильевскому следующим образом. В наследство от Римской империи Византия получила «господство крупного землевладения и колонат, или крепостное право»². Но в VIII—IX вв. положение коренным образом изменилось: в результате славянского вторжения по всей империи распространяются многочисленные крестьянские свободные общины, мелкое землевладение; устанавливается и свобода перехода. Однако свободное крестьянство не сохранилось до конца империи; в X в. начинается яростное наступление крупных собственников (динатов) на крестьянскую общину. Свободная крестьянская община, по мнению В. Г. Васильевского, не выдержала борьбы с династами и в XI в. перестала существовать: свободные крестьяне превратились в париков³. Императорские ленники и рыцари постепенно получили право суда над своими крестьянами и париками, что составляло, как полагал В. Г. Васильевский, «действительный зародыш феодального порядка»⁴.

Таким образом, В. Г. Васильевский поставил вопрос о феодальном развитии Византийской империи, нанеся тем самым

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 183.

² В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, ССП (1879), стр. 160.

³ В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев. ЖМНП, СС (1879), стр. 127.

⁴ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства, стр. 415.

решительный удар антиисторической концепции Э. Гиббона о тысячелетнем вырождении и разложении Византии. В этом заключается коренная заслуга В. Г. Васильевского, обеспечившего русской науке приоритет в области изучения аграрной истории Византии.

Разумеется, характеристика феодализма, данная В. Г. Васильевским, не может быть приемлемой для историка-марксиста. В. Г. Васильевский трактует феодализм не как общественно-экономическую формацию, он усматривает в нем лишь форму политической организации общества. Кроме того, он не видит ни специфики крепостного права, ни своеобразия феодальной ренты, полагая, что крепостная зависимость византийских париков представляла собою возрождение несвободы римских колонов, что византийские подати были тождественны римским налогам. Формально-юридический подход к материалу не позволил В. Г. Васильевскому распознать действительную природу византийской собственности; он искал здесь полную общинную собственность крестьян и полную частную собственность феодалов, землю которых обрабатывали лишенные собственности парики, и не мог понять дуализма соседской общины и двойственности феодальной собственности.

Все это показывает, что В. Г. Васильевский не сумел создать цельной и подлинно научной картины аграрной истории Византии, и, в частности, Византии XIII—XIV вв. При всей тщательности и аккуратности исследования, работы В. Г. Васильевского дают, говоря словами В. И. Ленина, лишь «накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»¹. Но некоторые его исследования, посвященные изучению отдельных конкретных вопросов, благодаря мастерски проведенному им анализу источников, до сих пор не потеряли своего значения.

Для политических воззрений В. Г. Васильевского чрезвычайно характерно выделение общины как центрального фактора аграрных отношений в Византии. При этом, с одной стороны, В. Г. Васильевский идеализирует византийскую общину, затушевывая наличие в ней противоречий, а с другой — изображает государство (и прежде всего императоров Македонской династии) защитником общины.

«Вооруженные старыми государственными преданиями, византийские императоры гораздо яснее и строже (нежели франкские. — А. К.) понимали свои обязанности ко всем подданным и прямо провозглашали, что власть монарха есть общее для

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 40.

всех благо и что защита слабых и бедных против сильных и богатых есть со первейший долг»¹. Изображая византийских императоров как защитников «слабых и бедных», В. Г. Васильевский затушевывал действительную роль византийского феодального государства.

Он стремился представить царскую власть истинной защитницей славянского крестьянства и тем самым как бы «обосновать» необходимость векового подчинения славянского крестьянства царской власти. Но, идеализируя византийское государство, В. Г. Васильевский приходил в противоречие с собственными же суждениями о гнете византийской государственной машины, которая тяжелым грузом податей и экстраординарных повинностей ложилась на подданных, обрекала их на нужду и заставляла искать на частновладельческих землях спасения от бремени податей².

Идеализация В. Г. Васильевским общины и связанная с этим идеализация византийского государства в качестве защитника общины сближают этого историка с более поздними идеологами мелкобуржуазного мещанства. В. И. Ленин показал, что именно реакционному мещанству было присуще представление о государстве как о всемогущем органе, стоящем над классами, способном оказать «поддержку» трудящимся и создать «настоящие», «правильные» порядки³. Именно идеологи мещанства всячески идеализировали общину, видя в ней основу «правильных» порядков.

Реакционность политических взглядов В. Г. Васильевского проявляется и в его осуждении классовой борьбы и в прославлении мелких и постепенных реформ (последнее особенно ярко проявилось в его магистерской диссертации «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка»); реакционность его политических взглядов сказалась также в одобрении им агрессивной политики царского правительства на Босфоре, ясно выраженном в некрологе акад. А. А. Кунику, написанном накануне смерти самого В. Г. Васильевского (1899 г.).

Еще больше внимания изучению истории аграрных отношений в Византии уделял младший современник В. Г. Васильевского Ф. И. Успенский. Он издал большое количество нового, до тех пор остававшегося неизвестным материала, представляющего чрезвычайно большую ценность: сербский хиландарский

¹ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства, стр. 168.

² Там же, стр. 161—162.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 241.

практик¹, трактаты землемеров², монастырский устав св. Маманта³, грамоты монастыря Богородицы Милостивой⁴, постановления константинопольских поместных соборов относительно харистики⁵, акты монастыря Вазелон в Трапезунде⁶. Изучение этого материала позволило Ф. И. Успенскому в ряде случаев прийти к новым решениям тех или иных частных проблем. Рассмотрение харистики, азрикона, зевгаря и многих других явлений византийской аграрной истории даже и в настоящее время невозможно без использования публикаций Ф. И. Успенского.

Вместе с тем Ф. И. Успенский внимательно изучил источники, изданные другими исследователями, и на материале этих источников поставил ряд кардинальных вопросов аграрной истории Византийской империи. Именно им впервые был поставлен вопрос о византийской пронии⁷, о византийских писцовых книгах⁸; он изучил переписку Михаила Акомината, содержащую ценнейшие сведения о положении крестьянства в Византийской империи в конце XII в.⁹. Особенно много внимания Ф. И. Успенский уделил славянской проблеме в истории Византии и, в частности, вопросу о влиянии славянства на аграрный строй империи¹⁰.

Однако сделанные Ф. И. Успенским важные и ценные конкретные наблюдения не могли быть должным образом обобщены в силу классовой ограниченности этого крупного историка.

¹ Ф. И. Успенский. Материалы для истории землевладения XIV в. Учен. зап. Новороссийского ун-та, XXXVIII (1883).

² Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. Труды VI Археологического съезда, Одесса, II (1888).

³ Ф. И. Успенский. Типик монастыря св. Маманта в Константинополе. Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском ун-те. II (1892), Визант. отд., № 1.

⁴ Ф. И. Успенский. Акт отвода земли монастырю Богородицы Милостивой. ИРАИ, I (1896).

⁵ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления Константинопольских поместных соборов XI—XII вв. о раздаче церковных имуществ (харистикарии). ИРАИ, V (1900).

⁶ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927.

⁷ Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской пронии. Сб. статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского, СПб. (1883).

⁸ Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, ССХХХI (1884) и ССXL (1885).

⁹ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии, ЖМНП, ССХХV (1883), № 1.

¹⁰ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ССХХV (1883), № 2. Ф. И. Успенский. Древнейший памятник славянского права. Юридический вестник, 1886, № 4. См. об этом — Б. Т. Горянов. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении. ВизВ, I (1947), стр. 39 и слл.

Идеализация византийских императоров и «древних традиций православного царства»¹ выступает в работах Ф. И. Успенского еще отчетливее, чем в трудах В. Г. Васильевского².

В основе концепции Ф. И. Успенского лежит представление о различии исторических судеб Западной Европы и Византии: в то время как на Западе, по мысли историка, королевская власть беспрепятственно допускала развитие феодального землевладения, византийское правительство при Македонской династии решительно выступило на защиту крестьянства. «Гуманные меры правительства в защиту мелкого землевладения»³ обеспечили сохранение в Византийской империи иных, нежели на Западе, общественных отношений: «господства свободного мелкого землевладения и подчинения государственному принципу интересов поместного и служилого сословия»⁴. Ф. И. Успенский коренным образом расходится с В. Г. Васильевским в оценке судеб славянской общины в поздней Византии: «Новеллы царей Македонской династии,— писал Ф. И. Успенский,— не могут быть приводимы в доказательство, будто мелкая крестьянская собственность в XI в. была уничтожена крупным землевладением и будто свободное крестьянское население обратилось в зависимое. Наоборот, законодательством X и XI вв. общинное землевладение поставлено было под защиту государства, и ему была дана возможность вести успешную борьбу с властями и с крупным землевладением»⁵. Исходя из этого, Ф. И. Успенский приходит к выводу, что с в о б о д н о е крестьянское землевладение и славянская община сохранялись в отдельных местах до конца империи⁶.

Таким образом, идеализация византийского государства, имевшая место в трудах В. Г. Васильевского, становится еще большей в исследованиях Ф. И. Успенского; по мнению последнего, византийские императоры не только защищали крестьянство от натиска властей, но и сумели своими «гуманными мерами» сохранить славянскую общину, на которой основывалось могущество Византийской империи. Этот союз между византийским государством и славянской общиной, по мнению

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи. М.—Л., III (1948), стр. 539.

² См. об этом: З. В. Удальцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского. Вопросы истории, 1949, № 6.

³ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии, стр. 33.

⁴ Ф. И. Успенский. История Византийской империи. СПб., I (1913), стр. 33.

⁵ Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской прони, стр. 30.

⁶ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии, стр. 344.

Ф. И. Успенского, был основанием того, что Византия представляла собою «идеал славянского царства»¹. Таким образом, мы видим, что Ф. И. Успенский, чрезвычайно много сделавший для изучения византийской общины, неправильно усматривал в ней организацию, прежде всего служившую опорой императорской власти. Затуманивая классовые противоречия и классовую борьбу, которая была одним из важнейших двигателей исторического прогресса, Ф. И. Успенский выдвигает на первый план принцип, который уже намечен был В. Г. Васильевским, — борьбу «национальностей», борьбу между эллинизмом и славянством. Именно эта борьба, по мнению Ф. И. Успенского, составляла содержание византийской истории, и «роковым несчастьем для этой империи была именно тенденция дать преобладание эллинизму»².

Таким образом, политическая концепция Ф. И. Успенского имеет отчетливо выраженный классовый характер; в период разложения старых общественных отношений в России, в период распада общины и кризиса русского царизма Ф. И. Успенский выступил с защитой монархического принципа, с защитой православия, с идеализацией отживающей свой век общины³. Эта классовая ограниченность Ф. И. Успенского, естественно, отразилась и на истолковании им конкретных вопросов византийской аграрной истории.

В своих исследованиях, посвященных аграрным отношениям в поздней Византии, Ф. И. Успенский проводил взгляды, близкие к широко распространенной в те времена вотчинной теории, рассматривавшей вотчину как «образующую клеточку» средневекового общества. Сторонникам вотчинной теории было по существу чуждо представление о генезисе феодальной вотчины; они оперировали с таким зародышем вотчины, в котором уже заключались все ее основные элементы; тем самым процесс генезиса подменялся процессом количественного роста, расширения. Для сторонников вотчинной теории не стоял вопрос о создании новой (феодальной) собственности; просто, тот, кто обладал большим количеством земли, нежели сам мог обработать, раздавал эту лишнюю землю свободным и несвободным держателям. Ф. И. Успенский следующим образом формулировал эту точку зрения: «Кто владел большим количеством земли, чем сколько сам мог обрабатывать и употреблять на потребности своего хозяйства, тот обыкновенно удер-

¹ Ф. И. Успенский. Древнейший памятник славянского права, стр. 704.

² Ф. И. Успенский. История Византийской империи. Т. I, стр. 216. Ср. З. В. Удальцова, назв. соч., стр. 120.

³ Подробно о социально-политических взглядах Ф. И. Успенского см. З. В. Удальцова, назв. соч., стр. 118 и сл.

живал только часть земельной собственности в своем распоряжении... Остальная земля или разделяема была на оброчные участки, или отдаваема в бенефицию, это — служебная или зависимая земля. Она раздаваема была или свободным крестьянам, или литам, или рабам»¹.

Крестьянская зависимость, парикия, возникала, по мнению Ф. И. Успенского, в результате поселения свободных крестьян на господской земле: поэтому византийского зависимого крестьянина, парика, он всегда рассматривал как человека неимущего, или лишенного собственности на обрабатываемую им землю. Ф. И. Успенский не видел и не хотел видеть специфики феодальной собственности, отличавшейся своеобразной двойственностью, обеспечивавшей крестьянину известные права на землю («Мы ваши, а земля — наша»). Не понимал он и своеобразие феодальной формации в целом, ибо находил в средневековых урбариях (т. е. в поместных описях) «капиталистическую организацию хозяйства»².

Основанная В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским школа русских византинистов создала большое количество очень интересных работ, посвященных аграрным проблемам. Так, П. В. Безобразов, произведя анализ многочисленных поздне-византийских документов и прокомментировав, в частности, монастырские акты, осветил отдельные частные вопросы аграрных отношений в поздней Византии. Однако, в отличие от Ф. И. Успенского, П. В. Безобразов не стремился к тому, чтобы выработать свой определенный взгляд на историческое развитие Византийской империи, и его работы, как правило, не поднимаются над уровнем простого комментирования документов. Отсутствие цельных представлений об историческом развитии Византии позволяло П. В. Безобразову легко менять свои взгляды на те или иные существенные вопросы. Так, например, он постоянно менял свои взгляды на характер парической зависимости: одно время он (вслед за Ф. И. Успенским) считал париков лишенными права собственности на землю³, затем стал рассматривать их как крепостных⁴ и в конце концов признал за париками право земельной собственности, правда, теоретическое, которое им не часто удавалось осуществить на практике⁵. Столь же резко изменялись взгляды П. В. Безобра-

¹ Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, ССХХХІ (1884), стр. 31.

² Там же, стр. 29.

³ П. В. Безобразов. Крестьяне — в кн.: Г. Ф. Герцберг. История Византии. 1897, стр. 646—647.

⁴ П. В. Безобразов. Патмосская писцовая книга. ВизВ, VII (1900), стр. 69.

⁵ П. В. Безобразов. Афонские акты. Византийское обозрение, I (1915), стр. 61.

зова и на другие спорные проблемы византийской аграрной истории более частного характера, например, по вопросу об азриконе и т. д. Традиции В. Г. Васильевского развивал в своих работах и П. А. Яковенко, написавший специальное исследование по истории византийского иммунитета¹.

С начала XX в. в представлениях русских византинистов об аграрном строе империи происходят значительные перемены, связанные с тем пересмотром старых представлений об общине, который начался с конца XIX в. В. И. Ленин указывал, что в это время распространяется «...безусловная вражда к общине с точки зрения чисто буржуазной...»². В условиях приближения революции 1905 г. эта буржуазная враждебность к общине перерастает в защиту крестьянской частной собственности на землю: представители правящих классов почувствовали, что «...революция связала победу помещичьих интересов с победой частной собственности на землю вообще, победу крестьянских интересов с уничтожением частной собственности на землю вообще, и помещичьей, и крестьянской»³. Таким образом, распространение в буржуазно-помещичьей литературе начала XX в. идеализации частной собственности на землю, в том числе и крестьянской частной собственности, являлось не чем иным, как выражением страха правящих классов царской России перед наступающей революцией, которая грозила уничтожением частной собственности на землю.

Эта буржуазно-помещичья точка зрения на общину и частную собственность отразилась и в работах некоторых русских византиноведов XX в. Впервые она была высказана Б. А. Панченко, который, как бы предваряя исследования А. Допша, начинает критику вотчинной теории справа, отрицает существование в Византии общинной собственности и утверждает, что там господствовала частная собственность на землю.

Б. А. Панченко, резко полемизируя с В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским, объявил неправильной их попытку представить аграрную историю Византии как борьбу «свободного крестьянского землевладения на основе общинности против крупной собственности на почве крепостного труда безземельных париков»⁴. В своей книге «Крестьянская собственность в Византии» Б. А. Панченко выдвинул два основных положения.

¹ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908. Разбор этой работы см. ниже, стр. 95.

² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 469.

³ Там же, т. 15, стр. 280.

⁴ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. ИРАИ, IX, 1904, стр. 136—137.

1. В основе византийских аграрных отношений лежала частная собственность крестьянина, обязанного выполнять определенные повинности по отношению к государству. Государство могло передать эти повинности (тягло) монастырю в вотчину или служилому в пронию, однако это пожалование не означало передачи титула собственности; как говорит Б. А. Панченко, оно «ничуть не колебало собственности париков»¹. И под властью монастыря и под властью прониара парики оставались земельными собственниками, полноправными хозяевами своих наделов.

2. Установив наличие в Византии полной частной собственности крестьянина, Б. А. Панченко отрицал существование здесь общинной собственности, ибо он считал, что «общинное землевладение по природе своей есть форма исключительная, и принадлежность всей территории общине рядом с личной собственностью существовать не может»². Иначе говоря, Б. А. Панченко утверждал, что поскольку в Византии существовала частная собственность крестьян на землю, там не могла существовать общинная собственность; при этом он пренебрегал прямыми известиями византийских источников, свидетельствующих о наличии в Византии общинной собственности.

Даже краткое изложение основных положений книги Б. А. Панченко показывает, что едва ли не основной порок его теории заключался в формально-юридическом подходе автора к основным вопросам аграрной истории: его интересует не реальная историческая действительность, а титул собственности.

Самое право Б. А. Панченко понимает чрезвычайно упрощенно: по его мнению, собственность крестьянина не может сочетаться с собственностью феодала, а собственность общинника — с собственностью общины как коллектива. Б. А. Панченко не видит, что в условиях господства феодальной собственности известные права распоряжения недвижимостью, которыми обладает крестьянин, не исключают верховной собственности феодала, что поэтому подчинение крестьян церковным и светским феодалам означало не только передачу им тягла крестьян, но и захват ими крестьянской собственности; при этом захват феодалами крестьянской собственности (как титула) представлял собою лишь юридическое оформление феодальных производственных отношений; это означает, что создание собственности феодалов на землю завершало процесс феодализации, а отнюдь не служило его началом.

Точно так же неспособен понять Б. А. Панченко и дуализма сельской общины; общинная собственность не только не является

¹ П. А. Панченко. Указ соч., стр. 141. Ср. стр. 230 и особенно 98.

² Там же, стр. 62.

исключительной, как полагал Б. А. Панченко, но, наоборот, сельской общине всегда присуща двойственность, сочетание элементов общей и частной собственности.

Формально-юридический подход Б. А. Панченко к аграрной проблеме заставляет его отказаться даже от такого представления об историческом развитии, которое все же получило отражение в работах сторонников вотчинной теории: крестьянская собственность рисуется ему неизменной на всем протяжении византийской истории; точно так же, по его мнению, обстоит дело и с византийской системой обложения¹.

Далее, теория Б. А. Панченко страдает и еще одним характерным для буржуазной науки пороком: модернизацией общественных отношений. «Нет ничего характернее для буржуа,— писал В. И. Ленин,— как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»². Свободная частная собственность — одна из важнейших категорий буржуазного общества — оказывается в изображении Б. А. Панченко присущей и средневековой Византии. Естественно, что Б. А. Панченко, исходящий из методологически неверных положений, приходит к отрицанию самого существования византийского феодализма³.

Теория Б. А. Панченко была поддержана и развита рядом русских византистов, прежде всего К. Н. Успенским и А. П. Рудаковым. Хотя некоторые представители старой школы (П. В. Безобразов) резко выступили против этой теории, однако глава старой школы Ф. И. Успенский, учеником которого был Б. А. Панченко, в течение долгого времени воздерживался от полемики против Б. А. Панченко, а выступив, ограничился лишь мелочами, уделив основное внимание спору о толковании терминов «хорафий» и «эпик». Более того, в 1922 г. Ф. И. Успенский, назвав книгу Б. А. Панченко «последним крупным трудом» в области аграрной истории Византии, утверждал, что с начала XX в. «наступила пора проверки выводов, сделанных в увлечении живой идеей, и сведения в более узкое русло того потока, который однажды прорвался и потом неожиданно затерялся»⁴. Тем самым Ф. И. Успенский как бы признавал необходимость пересмотра выводов, к которым он пришел в начале своей деятельности.

Ф. И. Успенский в своих поздних работах все же не принял

¹ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 209, прим. 1.

² В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 137.

³ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 220.

⁴ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация в Византии. *Анналы*, II (1922), стр. 95. Подчеркнуто нами.— А. К.

крайних выводов Б. А. Панченко, а предпринятый им пересмотр старых взглядов сводился к признанию более значительной роли вотчинного элемента в аграрной истории Византии, нежели он это делал прежде. Если ранее Ф. И. Успенский отрицал поглощение вотчиной крестьянской общины даже в поздней Византии, то теперь он подчеркивал, что уже «Земледельческий закон» знает существование зависимого крестьянства и вотчинных отношений¹, и в то же время говорил о существовании в Византии лишь «следов» общинной собственности². Правление же Комнинов он рассматривал теперь как период окончательного торжества феодального поместья.

Реакционная западноевропейская историческая наука очень высоко оценила работу Б. А. Панченко³.

Современная западноевропейская и американская буржуазная наука сделала крайне мало для решения узловых проблем аграрной истории Византийской империи. Современные буржуазные историки в силу своей политической реакционности все меньше уделяют внимания изучению положения непосредственных производителей: история церкви, отдельных политических учреждений, войн и, наконец, история императоров, — вот вопросы, стоящие в центре их научных интересов.

Свои основные взгляды на Византийскую аграрную историю современные буржуазные византилисты заимствуют преимущественно из арсенала идей Б. А. Панченко и Ф. И. Успенского.

Взгляды Б. А. Панченко развивал в своих многочисленных статьях Г. Острогорский. Г. Острогорский подходит к истории Византии с идеалистических позиций. «Основным для историка Византии является вопрос, — писал он, — как... греко-христианский дух жил и развивался в римской форме, насколько сам ей подчинился и к ней применился»⁴. Выразителями этого духа и двигателями исторического процесса оказываются в изображении Г. Острогорского отнюдь не народные массы, не классы, но «великие люди»⁵.

К важнейшим факторам, определяющим историческое развитие, он относит также фискальные интересы государства. Установление крепостной зависимости в поздней Римской империи Г. Острогорский рассматривает как результат податной

¹ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация в Византии. *Анналы*, II (1922), стр. 97.

² F. Uspensky. *Notes sur l'histoire des études byzantines en Russie. Byz.*, II (1925), p. 20.

³ Г. Острогорский. *Seminarium Kondakovianum*, XI (1940), стр. 269 и сл. Ср. Г. Вернадский. Заметки о крестьянской общине в Византии. *Учен. зап. Русской учебной коллегии в Праге*, т. 1 (1924), ч. 2.

⁴ Г. Острогорский. *Отношения церкви и государства в Византии. Seminarium Kondakovianum*, IV (1931), стр. 122.

⁵ См. М. В. Левченко. *ВизВ*, II (1949), стр. 323.

реформы Диоклетиана¹; податной реформе Ираклия он приписывает возрождение свободного крестьянства².

В соответствии с этим соседская община оказывается в изображении Г. Острогорского продуктом деятельности фиска, поэтому он категорически отрицает ее органическую экономическую общность и рассматривает ее лишь как фискальное единство³. Существование домашней общины он вовсе отрицает⁴. Византийский крестьянин выступает в его изображении обязанным прежде всего платить подати казне, поэтому Г. Острогорский признает лишь существование фискальной зависимости⁵, как это делал и Б. А. Панченко, но не крепостного права.

В отличие от Б. А. Панченко, Г. Острогорский не отрицает византийского феодализма, пользуется такой терминологией, как *dominium utile* (париков) и т. п., но по существу фискальная теория Г. Острогорского представляет собою несколько замаскированную теорию Б. А. Панченко: отрицание общины и крепостного права.

В то время как Г. Острогорский развивает взгляды Б. А. Панченко и всячески подчеркивает наличие свободы и прав собственности у византийских крестьян, немецкий византист Ф. Дёльгер исходит из установок, содержащихся в концепции Ф. И. Успенского, хотя стремится завуалировать свою связь с взглядами Ф. И. Успенского и русской византистики вообще. С этой целью он постоянно обрушивается на отдельные гипотезы Ф. И. Успенского, называя их иногда «полными фантазиями рассуждениями»⁶. В то же время он приписывает себе некоторые открытия, сделанные Ф. И. Успенским и другими русскими византистами, пользуясь, повидимому, тем, что за границей плохо знают работы русских исследователей. Так, Ф. Дёльгер в 1930 г. выступил со статьей, в которой на материале

¹ G. Ostrogorsky. *Agrarian conditions in the Byzantine empire*. Cambridge Economic History, v. I (1942), p. 194.

² G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1940, S. 89.

³ G. Ostrogorsky. *Die ländliche Steuergemeinde des byz. Staates im X. Jhdt.* Vierteljahrschrift f. Social- u. Wirtschaftsgeschichte, 1927, S. 45. Этот взгляд он заимствовал у П. Мутафчиева. Сельского землевладение в Византии, Сб. за народни умотворения, наука и книжнина. XVII (1910), стр. 54. Критика Г. Острогорского дана Б. Т. Горняковым. Острогорский и его труды по истории Византии. Вопросы истории, 1945, № 3—4, стр. 134 и сл. Ср. М. В. Левченко. ВизВ, II (1949), стр. 325—326.

⁴ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. *Byzantinoslavica*, IX (1948), стр. 242.

⁵ G. Ostrogorsky. *Agrarian conditions in the Byzantine empire*, p. 218.

⁶ Рецензия на книгу П. Мутафчиева. *Войнишки земи и воиници*, ВЗ, XXXVI (1926), стр. 103.

вазелонских актов правильно трактовал значение термина «аэрикон»; однако он «стыдливо» умалчивает, что верное толкование этого термина было дано уже Ф. И. Успенским в комментарии к изданию вазелонских актов, в комментарии, которого Ф. Дёльгер никак не мог не знать, коль скоро он строит свои выводы на материале вазелонских актов. В 1927 г. он выступил со статьей, посвященной хронологическим и топографическим вопросам (на материале грамот кодика Лемвийского монастыря) Ф. Дёльгер «забывает» отметить, что большинство поставленных им самим проблем было давно разрешено В. Г. Васильевским в его «Материалах для внутренней истории Византийского государства». Начиная с 1929 г. Ф. Дёльгер выступает с рядом статей, которым он сам придает очень большое значение. В этих статьях он исследует проблемы византийской дипломатики, устанавливая различия между хрисовулами и простагмами, характер клаузул и т. п. При этом Ф. Дёльгер совершенно умалчивает о том, что еще в 1917 г. вышла книга П. А. Яковенко «Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на Хиосе», в которой были даны решения по всем вопросам, которыми занимается Ф. Дёльгер, и которая делает излишним дополнительное «исследование» немецкого историка.

Ф. Дёльгер, позволяя себе высмеивать отдельные частные ошибки Ф. И. Успенского, все же принимает его общую концепцию, рассматривая именно феодальное поместье как основную ячейку византийского общества. Византийские зависимые крестьяне (парики), по мнению Ф. Дёльгера, не только не являлись собственниками, но и представляли собою «принадлежность земли», «инвентарь поместья»¹. Они платили налог (капникон), принципиально отличный от податей свободного населения (канон), причем капникон парики платили не непосредственно в казну, а через своих господ². Ф. Дёльгер утверждал, что в византийских поместьях были огромные домениальные земли (до $\frac{4}{5}$ всей земли), которые обрабатывались трудом париков³, что парики не могли обращаться к общему суду и выступать в суде в качестве свидетелей⁴. Все эти утверждения, разбро-

¹ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byz. Finanzverwaltung. Münch., 1927, S. 57. Ср. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden, BZ, XXXIX (1939), S. 60. Этому, впрочем, противоречит его же собственное утверждение, что парики обладали *precäres Eigentum* — Die Frage des Grundeigentums in Byzanz, Bulletin of Intern. Committee of Historical Sciences, V (1933), p. 13.

² F. Dölger. Beiträge..., S. 53, и особенно: BZ, XXXIV (1934), S. 371, A. 2.

³ F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz, S. 8—9.

⁴ F. Dölger. Beiträge..., S. 67.

санные в отдельных работах Ф. Дёльгера и не сведенные им самим в систему, представляют собой, по сути дела, крайнее развитие вотчинной теории и именно тех ее тенденций, которые стали особенно отчетливыми в поздних работах Ф. И. Успенского.

В работах других современных буржуазных историков мы находим еще менее самостоятельные суждения. Так, Ж. Братиану выступил с концепцией, представляющей собою эклектичное смешение фискальной и вотчинной теорий. Подобно Г. Острогорскому, Ж. Братиану извращал действительность, приписывая византийскому фиску определяющее влияние на всю систему хозяйства, причем он считал, что это влияние приводило к превращению византийских крестьян из свободных собственников в рабов, близких по положению к античным¹.

Эклектичная теория Ж. Братиану имеет, помимо всего прочего, европоцентристский характер, обусловленный пресмыкательством этого историка перед европейскими империалистами. Автор резко противопоставляет исторический прогресс на Западе «обратному ходу развития» Византийской империи и Восточной Европы, где на протяжении средних веков, по его словам, свобода уступила место рабству. Тем самым его «теория» должна служить «объяснением» мнимой отсталости Востока от Запада.

Однако и эти теории оказываются отвергнутыми современными реакционными буржуазными византиноведами. Американский византист П. Харапис критикует фискальную теорию, но критикует ее отнюдь не с материалистических позиций. Он не высказывает сомнений в том, что фискальная теория правильно объясняет изменение тех или иных явлений; он просто отрицает наличие значительных перемен как в податной системе, так и в общественных отношениях². Отрицание развития и подчеркивание стабильности являются основным стержнем воззрений П. Хараписа. Впрочем, двум факторам он готов приписать творческую силу — войне и религии. «В истории поздней Римской империи (в это понятие он включает и Византию.— А. К.),— говорит П. Харапис,— война и религия были теми двумя основными факторами, которые формировали общественный строй империи и определяли ее внешнеполитическое положение»³.

¹ G. Bratianu. *Servage de glébe et regime fiscal*. Annales d'histoire économique et sociale, V (1933), p. 445.

² P. Charanis. On the social structure of the Later Roman empire. Byz., XVII (1945), p. 47 ff.

³ P. Charanis. Op. cit., p. 57. Те же идеи он развивает и в работе *Monastic properties and the state*, Dumbarton-Oaks papers, 4, 1948, где, в частности, «доказывает», что византийцы не были настроены «материалистически», а императоры были благочестивыми и глубоко верующими.

Американский историк П. Харанис извлекает из фашистского идеологического арсенала старое прославление войны, воспекает ее мнимую творческую роль; эта лженаучная теория призвана лишь содействовать идеологической подготовке новой войны.

Современные буржуазные историки совершенно неспособны поставить проблему генезиса феодальных отношений; феодализация подменяется в их работах становлением крупного землевладения вообще; рост его, по мнению А. Андреадиса, является результатом регламентации городского ремесла, которая устанавливается с конца IX в. Капитал (!), который теперь не может найти себе применения в регламентированном ремесле, вкладывается в землю¹. Г. Острогорский также полагает, что динаты, стесняемые регламентацией ремесла и торговли, находят в сельском хозяйстве «единственный выход для развития частной предприимчивости»². Тем самым А. Андреадис и Г. Острогорский переносят в средние века экономические категории капитализма, с помощью которых пытаются объяснить становление феодальных институтов.

Еще менее, чем проблема генезиса феодальных отношений, может быть понята буржуазными учеными классовая борьба и та роль, которую она сыграла в истории становления феодализма. Во всех построениях буржуазных историков очень большую роль играет императорская власть, которая якобы ведет борьбу с феодальными (под этим термином обычно буржуазные исследователи понимают «децентрализующие») силами и защищает интересы «общего блага». Объясняя тицетность этой политики византийских императоров, Г. Острогорский, например, пишет: «Правительство, которое пыталось защитить мелких свободных землевладельцев, все время сталкивалось не только с оппозицией крупных собственников, но и с противодействием самих крестьян»³. Г. Острогорский, как и другие буржуазные историки, не понимает (или не хочет понять?!), что власть в феодальном государстве принадлежит классу феодалов и, несмотря на частные противоречия между отдельными группировками правящего класса, все его представители выступают противниками непосредственных производителей, за счет прибавочного труда которых существуют. Политическая борьба в феодальном обще-

¹ A. Andr  ad  s. *Floraison et d  cadence de la petite propri  t   dans l'empire byzantin*. M  langes offerts    E. Mahaim, Paris, 1935, v. I, p. 265. Отмечу, между прочим, что этот взгляд давно уже был высказан Дж. Бьюри в приложениях к изданию Э. Гиббона: E. Gibbon. *History of the decline and fall of Roman empire*. Lond., 1898, v. V, p. 532.

² G. Ostrogorsky. *Agrarian conditions in the Byz. empire*. p. 204.

³ Там же, стр. 208. Св и взгляды на этот вопрос Г. Острогорский изложил в статье «The peasant's pre-emption right». *Journal of Roman Studies*, XXXVII (1947), p. 117 f.

стве на самом деле не есть борьба неких абстрактных категорий («императорская власть», «церковь», «децентрализующие силы», «мелкие свободные собственники» и т. п.), как это рисуют буржуазные историки; она является столкновением конкретных классовых сил.

Мы видим, что западноевропейская и американская буржуазная византистика не дала ничего нового сравнительно с работами русских ученых, если не считать отдельных конкретных исследований, посвященных некоторым частным вопросам; она осталась, по сути дела, на тех же порочных методологических позициях. Более того, современная зарубежная буржуазная византистика, собственно говоря, пошла назад в сравнении с В. Г. Васильевским и его школой: отрицание общины, теория «обратного пути развития», идеализм в крайнем его проявлении, подчеркивание ведущей роли религии и войны в качестве движущих сил исторического развития — таковы основные черты современной зарубежной буржуазной византистики.

Значительное внимание аграрной истории Византии уделяют ученые в странах пародной демократии и прежде всего в Болгарии. Болгарский историк Д. Ангелов и в своих общих работах¹, и в специальных исследованиях не только поддерживает лучшие традиции русского дореволюционного византиноведения, но и старается, хотя и не всегда удачно, овладеть марксистским методом и применить его к изучению византийского феодализма.

С порочной методологией буржуазных исследователей тесно связаны и их приемы исследования, в частности тот старый метод, который был выработан буржуазными византистами в конце XIX в. Характеризуя его, Ф. И. Успенский писал: «Когда идет речь о новых наблюдениях, относящихся к внутренней истории Византии и касающихся прямо или косвенно административных, хозяйственных, землевладельческих и сословных отношений, здесь каждый новый факт просто присоединяется к другим без опасения нарушить систему по той или иной причине, что идея системы и строя в учреждениях Византии составляет такую величину, которой еще донскиваются исследователи»². Действительно, работы В. Г. Васильевского,

¹ Д. Ангелов. Феодализм в Византия. Исторически преглед, III (1946—1947), кн. 2. В этой работе Д. Ангелов уделяет первостепенное внимание экономике и социальной структуре общества, старается выяснить классовую природу отдельных ластроечных явлений, останавливается на рассмотрении борьбы классов. Однако он допускает ошибки, проявляющиеся в модернизации (связывание феодализации с ростом пролетариата — стр. 62) и в известной идеализации византийского самодержавия (стр. 38, 63).

² Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ССХХV (1883), стр. 30—31. Подчеркнуто нами. — А. И.

Ф. И. Успенского, Б. А. Панченко, П. В. Безобразова и других русских византинистов строились почти всегда как комментарий к тому или иному источнику, и каждый прокомментированный источник просто присоединялся к другим. Такой метод исследования особенно выпукло проступает в книге Б. А. Панченко, где одни и те же термины и проблемы трактуются по несколько раз в разных местах книги, каждый раз на основании нового конкретного текста источника. Такой метод, естественно, не позволял собрать воедино всех данных по тому или иному большому вопросу, который невозможно было решить в плане комментария; этот метод тем самым приковывал внимание к мелочам и частным вопросам, которые, надо сказать, сплошь да рядом блестяще разрешали русские византилисты. Общей же идеи они «доискивались» вне источника. Такая методика определялась порочной методологией буржуазных византинистов, их идеалистическим (осознанным или неосознанным) представлением о том, что историческая закономерность представляет собой логическую категорию, привносимую исследователем в неупорядоченную массу фактов исторической действительности.

Другой порок метода работы буржуазных византинистов состоит в том, что в своих работах они обычно исходят из формального анализа термина, между тем, формально-юридическое толкование средневековых терминов, как правило, является бесплодным занятием.

Т е р м и н ы «эпик», «аэрикон», «воидат» и т. п. должны быть основным предметом исследования, но т е р е а л ь н ы е в з а и м о о т н о ш е н и я, которые скрываются под византийской терминологией, посящей подчас книжный характер и не отражающей конкретной действительности.

Далее, для буржуазной исторической науки, в том числе и для византистики, характерна привычка «приводить доказательства и примеры из всех эпох рядом и вперемежку»¹. Этот методический порок вытекает из присущего большинству буржуазных исследователей представления об отсутствии коренных исторических перемен на протяжении всей византийской истории. Этот порок особенно отчетливо сказался в работах Ф. Дёльгера, а из русских историков — в книге А. П. Рудакова «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии».

В то же время буржуазные византилисты не поставили вопроса о локальных особенностях исторического развития Византийской империи, полагая, что «от X до XV столетия и далее в существенных чертах получается одинаковый тип социальной и экономической эволюции во всех областях, о земельных отно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 599.

шениях которых сохранились известия»¹. Они не понимали значения того, что империи средневекового периода, и в том числе Византийская империя, «не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»². Естественно, что экономическое и социальное развитие отдельных областей Византийской империи должно было иметь и имело свои специфические и при этом весьма существенные особенности.

Марксистская историческая наука складывалась в непримиримой борьбе с методологией и методикой буржуазных исследователей. Советские исследователи-марксисты кладут в основу своей работы диалектический и исторический материализм — философию марксизма-ленинизма. Для исследователя аграрных отношений феодального общества в Византии путеводной нитью служит марксистское учение о феодальной формации, которое исходит из того, что прибавочный продукт, создаваемый непосредственным производителем, наделенным средствами производства, присваивается феодалом в виде феодальной ренты.

Основой производственных отношений в феодальном обществе является феодальная собственность на землю. Существенную, хотя и не определяющую роль в эксплуатации непосредственных производителей играло «внеэкономическое принуждение», важнейшим средством которого являлось крепостное право; историк аграрных отношений в Византии должен вскрыть наличие здесь феодальной собственности и показать ее своеобразие, должен проследить и складывание крепостного права.

Аграрные отношения в Византии должны изучаться в развитии, ибо «непрерывно совершается движение роста производительных сил, разрушение общественных отношений, возникновение идей, неподвижна лишь абстракция движения»³. Но процесс исторического развития не есть мирный процесс, протекающий «гладко, без конфликтов, без потрясений»⁴. Развитие общества протекает в ожесточенной борьбе классов, и классовая борьба есть движущая сила развития общества. «Классовая

¹ Ф. И. Успенский и В. Бенешевич. Вазелонские акты. М., 1927, стр. С. По существу, Ф. И. Успенский не проследивает никакой эволюции, ибо оказывается, по его словам, что парик X в. тождествен «кулиге» XIX в. (там же, стр. XCIV).

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 12.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 364.

⁴ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 561.

борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя»¹. Изучение классовой борьбы в Византии — важнейшая задача марксистского исследования.

Марксистско-ленинское учение о феодальной формации было положено в основу работ советских историков, занимающихся изучением аграрных отношений², в том числе и советских византинистов. Собрав значительный фактический материал, советские историки показали, что классовая борьба в Византии являлась движущей силой исторического прогресса; они уделили большое внимание борьбе классов в момент складывания феодального общества, указали на ее взаимодействие со вторжением «варварских» народов и прежде всего славян³. Было подвергнуто изучению движение закрепощаемого византийского крестьянства⁴ и, что особенно важно для нашей темы, движение народных масс в период кризиса и разложения византийского феодализма⁵. Изучая крупнейшее восстание народных масс в середине XIV в. — восстание зилотов, советские историки рассматривали его как результат нарастания противоречий, сложившихся в византийском обществе в результате его экономического развития. При этом советские историки подчеркнули, что восстание зилотов было связано с крестьянским движением⁶.

Советские историки поставили и в основном разрешили проблему складывания в Византии новых общественных отношений — феодальных. Н. В. Пигулевская в многочисленных работах, затрагивающих аграрную историю Византии в V—

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 556.

² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М., 1947; Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в., М., 1947, и ряд других.

³ Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. Труды Ин-та востоковедения АН СССР, т. XLVI (1946), стр. 135 и сл. Она же. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием. Вестник Ленинградского ун-та, 1948, № 4, стр. 73 и сл. М. В. Левченко. Византия и славяне в VI — VII вв. Вестник древней истории, 1938, № 4, стр. 23 и сл. А. П. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII веков. ВДИ, 1946, № 1, стр. 34.

⁴ Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX веков. Вестник древней истории, 1939, № 1.

⁵ М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 245 и сл.; Б. Т. Горянов. Восстание зилотов в Византии (1342—1349). Известия Академии Наук СССР, серия истории и философии, III (1946), стр. 92 и сл. А. К. Бергер. Демократическая революция в Византии в XIV в. Архив Маркса и Энгельса, т. V (1930).

⁶ Б. Т. Горянов. Основные проблемы поздневизантийского феодализма. АН СССР, Отд. ист.-фил. Пригласительный билет и тезисы докладов сессии Отделения 27—28 ноября 1947 г., стр. 13.

VI вв. показала, что «среди непосредственных производителей на земле наибольшее количество составляли колонны»¹. Она проанализировала положение епископских и монастырских париков, которые в сирийских источниках V—VI вв. носят название *tautche*². В то же время она уделила большое внимание свободному крестьянству, в среде которого в это время сохранялись общинные отношения³. Она изучила сложную систему ранневизантийских податей⁴, уделив особое внимание натуральным повинностям, и показала, с какой жестокостью византийские податные сборщики взимали налоги.

Аграрные отношения в ранней Византии были предметом специального изучения М. В. Левченко, который подробно остановился на рассмотрении внутренней истории Восточной Римской империи в V—VI вв. и проанализировал те причины, которые объясняют глубокий экономический кризис, пережитый Византийской империей в первой половине VII в.⁵ Он подверг специальному изучению вопрос о природе церковного землевладения в ранней Византии⁶. В то же время М. В. Левченко написал первую марксистскую историю Византии, в которой наметил общие проблемы развития аграрных отношений в империи. Он остановился в этой работе и на проблемах аграрной истории поздней Византии, показав, как противоречия феодального общества приводят в XIV в. к ожесточенной вспышке классовой борьбы⁷.

Если Н. В. Пигулевская и М. В. Левченко изучали преимущественно аграрные отношения V—VI вв., то Е. Э. Липшиц осветила в своих работах историю византийского крестьянства в VII—VIII вв.⁸ Она изучила судьбы византийской общины, проникновение в Византию славянства, принесшего сюда своеобразные аграрные отношения; она проследила пути разложения славяно-византийской общины и развития в ее недрах феодальных отношений. Этому же периоду посвящены некоторые

¹ Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.—Л., 1940, стр. 36.

² Там же, стр. 39—40 и 47.

³ Н. В. Пигулевская, К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием. Вестник ЛГУ, 1948, № 4, стр. 67.

⁴ Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию, М.—Л., 1951, стр. 19—23.

⁵ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. Византийский сб., М.—Л., 1945, стр. 12 и слл.

⁶ М. В. Левченко. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи. ВизВ, II (1949).

⁷ М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 237—238.

⁸ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Византийский сб., М.—Л., 1945, стр. 96 и слл.

разделы работы М. Я. Сюзюмова, исследовавшего проблемы иконоборчества, которое он совершенно правильно рассматривает в связи с историей аграрных отношений¹.

Все эти работы позволили советским византинистам решить проблемы генезиса византийского феодализма.

Истории поздневизантийского феодализма советские историки уделяли до последнего времени сравнительно мало внимания. А. Ф. Вишнякова и И. И. Соколов осветили некоторые моменты из истории монастырского землевладения XIII—XIV вв.² Отдельные частные проблемы истории аграрных отношений в поздней Византии (техника сельского хозяйства, структура поселения, становление крепостной зависимости) рассматриваются в работах автора этих строк³.

Попытку всестороннего освещения истории поздневизантийского феодализма с марксистских позиций впервые предпринял Б. Т. Горянов⁴. В большой работе «Византийское крестьянство при Палеологах» Б. Т. Горянов подверг изучению вопросы о характере крестьянской собственности, формах феодальной зависимости, налоговом обложении и судьбах сельской общины в поздней Византии. Однако статья Б. Т. Горянова обладает рядом существенных недостатков и не дает правильного решения поставленной проблемы⁵.

Основной недостаток работы Б. Т. Горянова состоит в том, что он не сумел полностью порвать с традициями русского дореволюционного византиноведения. Еще ранее Б. Т. Горянов утверждал, что «основные положения Ф. И. Успенского послужили базой для советских византинистов», на долю которых досталось лишь развить его взгляды на основе марксистского учения⁶. Тем самым он стремился свести задачи советского византиноведения к продолжению одной из буржуаз-

¹ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. Учен. зап. Сverdловского пединститута, IV (1948).

² А. Ф. Вишнякова. Хозяйственная организация монастыря Лемвотиссы. ВизВ, XXV (1927). И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту в Византии. Известия АН СССР, ООИ, 1931.

³ А. П. Каждан. Византийское сельское поселение. ВизВ, II, (1949) и Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севастьянова. ВизВ, II (1949).

⁴ Основные выводы были им изложены на сессии Отделения истории и философии АН СССР в ноябре 1947 г. Б. Т. Горянов. Основные проблемы поздневизантийского феодализма. АН, Отд. ист.-фил. Пригласит. билет и тезисы докладов сессии Отд. 27 — 28/XI 1947.

⁵ Об этой работе см. М. А. Заборов. Вопросы истории, 1951, № 4, стр. 117 и сл.

⁶ Б. Т. Горянов. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении. ВизВ, I (1947), стр. 58.

ных школ, одного буржуазного направления. Пытаясь превратить советских византинистов в последователей Ф. И. Успенского и полемизируя только с Б. А. Панченко, Б. Т. Горянов не видит, что между этими последними гораздо больше сходства, нежели различия,— сходства, обусловленного их классовой ограниченностью: ни тот, ни другой не понимают сущности феодальных отношений, не ставят проблемы феодальной ренты; и тому, и другому чужда идея развития; и тот, и другой не рассматривают народные массы как активную движущую силу исторического развития и т. д.

Идеализация Б. Т. Горяновым трудов Ф. И. Успенского была подвергнута критике в советской исторической науке¹, но и в статье «Византийское крестьянство при Палеологах» традиции Ф. И. Успенского продолжают еще довлеть над Б. Т. Горяновым. Это проявляется прежде всего в формально-юридическом подходе к материалу, сказавшемся уже в самой постановке вопроса, ибо Б. Т. Горянов считает, что «о с н о в н ы м вопросом при анализе положения византийского крестьянства в позднее время является вопрос о характере крестьянской собственности»². На самом деле это вопрос второстепенный, ибо собственность является лишь юридическим выражением производственных отношений, и историку-марксисту следует уделить основное внимание анализу самих производственных отношений, характеру присвоения прибавочного продукта, т. е. форме ренты. А этот кардинальный вопрос, по существу, выпал из поля зрения Б. Т. Горянова: вопрос о характере ренты подменен вопросом о палоговом обложении. В работе Б. Т. Горянова совершенно не поставлены вопросы о феодальной природе византийской ренты, о соотношении различных типов ренты, о движении (росте) ренты, о борьбе за ренту. Поэтому произведенная им классификация типов зависимых византийских крестьян построена не на основе анализа характера ренты, а в соответствии с византийской терминологией, отражавшей в лучшем случае лишь юридические различия.

Следуя за Ф. И. Успенским, Б. Т. Горянов не может дать и правильной характеристики крестьянской собственности в Византии. По его мнению, личной наследственной собственности париков не существует, и крестьяне рассматриваются им как безземельные, помещенные на помещичьей земле люди. «Теория

¹ См. «Против буржуазного космополитизма в советском византиноведении». ВизВ, II (1949), стр. 8—9. З. В. Удадьцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского. Вопросы истории, 1949, № 6.

² Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВизВ, III (1950), стр. 19. (Разрядка моя. — А. К.).

о личной наследственной собственности париков,— говорит Б. Т. Горянов,— должна быть отвергнута»¹. Однако это положение противоречит руководящему указанию И. В. Сталина о том, что при феодализме «существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде»².

Подобно Ф. И. Успенскому и Б. А. Панченко, Б. Т. Горянов односторонне подошел к крестьянской собственности в поздней Византии и не смог вскрыть ее двойственности.

По существу Б. Т. Горянов следует за Ф. И. Успенским (хотя формально и критикует его) и в вопросе об общине, ибо он ограничивается лишь констатированием факта существования общины, но не выясняет дуализма, разъедавшего соседскую общину. Б. Т. Горянов следует за Ф. И. Успенским и в том отношении, что ограничивает себя старым материалом, давно уже изданным и изученным В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским: так, первый и четвертый разделы его работы написаны целиком на основе старых «Акт» Миклошича и Мюллера, которые и в остальных частях статьи являются доминирующим источником. Совершенно неудовлетворительно использованы публикации афонских актов в Приложениях к Византийскому временнику; нет следа использования ватопедских актов, изданных В. Регелем, публикаций Александра Афонского, вазелонских актов, актов монастыря св. Павла и Кутлумушского монастыря и ряда других публикаций. Разумеется, использование этих актов, изданных после выхода в свет основных работ В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, было бы особенно интересно и могло бы пролить новый свет на аграрную историю поздней Византии.

Таким образом, появление статьи Б. Т. Горянова не снимает задачи создания обобщающей марксистской работы по истории аграрных отношений в Византии XIII—XIV вв.

* * *

Изучение аграрной истории поздней Византии представляет чрезвычайно большие трудности в силу ограниченности источников. Важнейшим источником для изучения аграрных отношений в Византии XIII—XIV вв. являются акты, которые в основном можно разделить на три категории: императорские дипломы, описи и купчие грамоты. П. А. Яковенко доказал, что к концу XIII в. создается устойчивый формуляр императорской жалован-

¹ Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. Стр. 25.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 41-е, стр. 556.

ной грамоты¹, а это говорит о том, что императорские дипломы изготовлялись в центральной канцелярии по определенному шаблону; они, следовательно, являются скудным источником, не отражающим разнообразия местной терминологии, локальных условий.

Гораздо более содержательный источник представляют собой византийские описи (писцовые книги), исследованные русскими историками Ф. И. Успенским², П. В. Безобразовым³, Б. А. Панченко⁴. Сравнительно недавно основная масса византийских описей была подвергнута исследованию Г. Острогорским⁵, который, рассмотрев ряд писцовых книг, все же не дал историко-ведческого анализа этого рода памятников.

Мы можем проследить наличие в Византии двух типов описей. Государственные описи X—XI вв., как показывает «Трактат об обложении», составлялись по территориальному признаку, т. е. в опись вносился участок земли, а далее приписывали: «Платил такой-то». По этому принципу составлена и трапезундская опись конца XIII в., ускользнувшая от внимания Г. Острогорского; в ней одно и то же лицо записано по нескольку раз, поскольку оно имеет земли в разных местах, разных стасях⁶.

Но уже в это время появляются, получая в дальнейшем все более широкое применение, описи иного типа — так называемые практики. Здесь в основу описи положена личность, и все владения одного крестьянина, хотя бы лежащие в разных местах, описываются вместе. Практик фиксирует феодальную ренту; в нем мы встретим и оброки, и барщины, которыми крестьяне были обязаны своим феодалам. Практики являются, таким образом, частновладельческими описями типа западноевропейских экстенс и полиптиков.

Рядом с поместными описями-практиками в XIII—XIV вв.

¹ П. А. Яковенко. Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на Хиосе. Учен. зап. Юрьевского ун-та, 1917, стр. 103. Как мы уже указывали, исследования Ф. Дельгера в области византийских грамот в значительной мере повторяют работу П. А. Яковенко, на которого Ф. Дельгер, тем не менее, не находит нужным сослаться.

² Ф. И. Успенский. Материалы для истории землевладения XIV в. Зап. Новорос. ун-та, XXXVIII (1883), и Следы писцовых книг в Византии, ЖМНП, CCXXV (1883), CCXXXI (1884), CCXL (1885).

³ П. В. Безобразов. Патмосская писцовая книга. ВизВ, VII (1900). Об актах Зографского монастыря, ВизВ, XVII (1910). Афонские акты. Византийское обозрение, I (1915).

⁴ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. София, 1904.

⁵ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, Byzantinoslavica, IX (1948), № 2. Ср. еще Вл. Мошин. Зографские практики. Сб. в память на проф. П. Никова, София, 1940.

⁶ Вазел., № 106.

существовали и государственные описи¹. Вскоре после восставления империи в Солунской феме была составлена «Царская книга» переписчиков Фарисея и Пергамена, где фиксировался «размер каждой земли в модиях»². Эта «Царская книга» Фарисея и Пергамена, как мы можем судить по сохранившимся от нее отрывкам, была составлена по образцу частновладельческих практиков.

Византийские практики сами не были единообразными. Милетский митрополит Мануил упоминает следующие описи богородичного монастыря Всечистой:

1. Списки париков и рент монастырских метохов.
2. Списки всех монастырских владений³.

И среди афонских актов мы находим два типа описей. Иногда опись представляет собою перечисление париков, указывает число членов их семей, количество скота, размер виноградника, сада и пахотной земли. При этом не следует забывать, что парик мог иметь землю, «не записанную в практике»⁴, и что опись, таким образом, может опустить часть крестьянских земель. В некоторых случаях опись вообще не указывает размеров парической пахотной земли. Далее, опись фиксирует денежную ренту каждой крестьянской семьи, а иногда упоминает об обязанности крестьян приносить феодалу «подарки» в дни праздников и нести барщину. Кроме того, такая опись перечисляет другие доходы монастыря: от мельниц, рыбных ловель, земли, сдаваемой в аренду, и пр. Описи такого типа — ценнейший источник для историка аграрных отношений.

Описи другого типа подробно прослеживают границу владения, называют имена соседей, указывают пограничные камни и другие приметы на границе. В заключение опись говорит о размере земли в модиях. При этом иногда упоминаются люди, живущие на этой земле, но без указания их ренты. Эти два типа афонских описей соответствуют двум видам милетских. Следует отметить, что некоторые афонские описи соединяют черты обоих типов.

Третий тип актов — купчие грамоты. Если при изучении западноевропейских грамот давно уже было установлено существование локальных формуляров⁵, то до последнего времени, насколько нам известно, не был поставлен достаточно четко вопрос о том, существовал ли на всей территории Византийской империи единый формуляр купчих грамот или же были налицо формуляры отдельных канцелярий.

¹ The Cronicle of Morea, ed. I. Schmitt, Lond. 1904, v. 1908.

² Зорг., № 44. 44.

³ παροίκων ὑπογραφαὶ καὶ τηλεσμάτων τῶν μετοχίων αὐτῆς ...περιορισμοὶ τῶν ὅλων κτημάτων αὐτῆς — MM, VI, 178. 10.

⁴ MM, IV, 70. 19.

⁵ O. P o s s e. Die Lehre von den Privaturkunden, Lpz. 1887, S. 92.

Только Дж. Феррари утверждал, что византийские купчие грамоты имеют единую внешнюю структуру — ту же, что и греческие купчие из Южной Италии¹.

Однако, анализируя формулы текста, мы должны, в отличие от Дж. Феррари, признать, что в Византии XIII—XIV вв. существовали местные канцелярии, имевшие свой определенный формуляр купчих. Не останавливаясь на всех сохранившихся византийских купчих грамотах, постараемся выделить сейчас четыре локальные канцелярии: в Солуни, Серрах, Милете и Смирне.

Из грамот Солунской митрополичьей канцелярии нам известны:

- Хил., № 12—1296 г. — составил тавулярий Иоанн Пердикарий
- Хил., № 25—1309 » — второй скевофилак и тавулярий Василий Веаск
- Ксен., № 5—1309 » — клирик и тавулярий Димитрий Диавасимери
- Хил., № 28—1314 » — он же
- Хил., № 29—1314 » — он же
- Хил., № 84—1322 » — скевофилак и тавулярий Димитрий Диавасимери
- Хил., № 106—1326 » — он же
- Зогр., № 25—1327 » — логофет и тавулярий Николай Синадин
- Хил., № 112—1327 » — Диавасимери
- Зогр., № 28—1330 » — он же
- Хил., № 123—1330 » — он же
- Хил., № 125—1335 » — он же
- Виз В, т. IX—1341 » — диакон и тавулярий Иоанн Анастасиопул, стр. 132.

Димитрий Диавасимери, которым составлено большинство грамот Солунской митрополичьей канцелярии, последний раз упоминается в 1339 г., когда он занимал должность великого эконома и тавулярия².

Для грамот Солунской митрополичьей канцелярии, хотя некоторые из них имеют незначительные отличия, характерен следующий формуляр:

Формула сделки вводится словами: «продал и действительно передал» (πέπρακα καὶ σφρατίζῃς παραδέδοκα). Указав далее покупателя — всегда во втором лице — и описав предмет сделки, акт переходит к установлению цены в клаузуле: «продал за ципу..., которую получил в присутствии подписавшихся свидетелей» (πέπρακα ἐπὶ τιμῇ... ἀπὲρ ἑλάβον ἀπαρδείπτως τῶν

¹ G. Ferrari. I documenti medioevali di diritto privato dell'Italia meridionale e loro attinenze con quelli bizantini d'Oriente. — Byzantinisches Archiv, 1 (1910), S. 100; I. Horwitz (The Structure of a Coptic Donation Contract. Chicago, 1942, p. 13) утверждал, что и коптские купчие имеют тот же формуляр. Локальные особенности некоторых грамот отметил Г. В. Вернадский. Заметки о византийских купчих грамотах XIII в. Об. в честь на В. П. Златарски. София, 1925. См. А. П. Каждан. Локальные формуляры поздневизантийских грамот, ВизВ III (1950).

² Хил., № 129. 77. Ср. еще Хил., № 117. 145 и 126. 49.

ἐνοπογραφάντων μαρτύρων ἐνώπιον). Распоряжение вводится клаузулой: «должен владеть» (ὀφείλει κατέχειν).

Клаузулы очистки и пеустойки чрезвычайно подробны, распадается на несколько частей. Сперва продавец гарантирует, что он не вернется к пересмотру сделки (ἡμῶν μεταμέλειται μὴ ἰσχυόντων), иногда ¹ он особо оговаривает, что не станет требовать увеличения цены. Далее, повторяя по сути дела то же самое, он обещает «придерживаться содержания этого акта» (στοιχεῖν τῇ περιλήψει ταύτης).

Вторая клаузула подчеркивает обязанность продавца принять на себя иски, которые могут возникнуть из-за отчуждаемой недвижимости (τῶν καθολικῶν δεφενσίωνα ποιεῖν). Затем и эта клаузула повторяется в других словах: ἀζήμιον ταύτην διατηρεῖν ἐκ συμπάντος διανοχλήσαντος. Затем опять следует повторение первой клаузулы, когда продавец говорит о своем отказе от пересмотра, обмана, насилия, принуждения, грабежа и т. д.

Третья клаузула оговаривает: если продавец попытается нарушить эту грамоту (πειρασόμεθα ἀνατρέφαι τὸ πατῆριον ἔγγραφο), никто не должен его слушать (ἵνα μὴ εἰσακουσόμεθα), и, кроме того, он обязан платить штрафы: двойную цену (διπλάσιον), судебные издержки (δόσις πασῶν ἐξόδων) и в соответствии с законами пени (πρόστιμον) покупателю и казне ².

Из грамот митрополичьей канцелярии города Серры нам известны:

- Кутл., № 4—1287 г. — протоноторий и примикирий тавуляриев Феодор
Эсф., № 3—1301 » — тавулярий Иоанн Фалакар
Кутл., № 7—1305 » — он же
Хил., № 89—1323 » — тавулярий Федор Логариаст
Хил., № 93—1323 » — он же
Хил., № 98—1324 » — он же
Хил., № 105—1325 » — он же
Хил., № 107—1326 » — он же
Хил., № 108—1326 » — он же

Формуляр этих грамот близок к солунскому, но гораздо более сжат. В отличие от первых грамоты из Серр не называют имени продавца в тексте (а только в протоколе); покупателя называют и во втором, и в третьем лице ³. Формула сделки сокращена; в ней отсутствует клаузула: σωματικῶς παραδέδοχα. Формулы очистки гораздо более сжаты, хотя и имеют все элементы солунских грамот. Только в акте 1301 г., хотя он и содержит все элементы этих формул, клаузулы идут в ином порядке, нежели в поздних купчих. Штраф, по большей части, только πρὸς τὸ δημόσιον, в казну, или же его вовсе нет.

¹ Хил., № 12. 34.

² Грамота 1097 г. (ВизВ, IX, 128—129) имеет совсем иной формуляр.

³ Напр., πρὸς τοὺς τιμωτάτους. — Хил., № 105. 7; πρὸς σέ — Хил., № 107. 7.

Из милетских купчих нам известны:

MM, VI № 47—1212 г. — номик Константин Мирсинаит

MM, VI № 48—1213 » — он же

MM, VI № 49—1213 » — он же

MM, VI № 50—1213 » — он же

MM, VI № 51—1213 » — он же

MM, VI № 71—1250 » — Николай Карантин

Милетские купчие называют продавца в тексте, а покупателя вводят во втором лице. Формула сделки в них отлична от формул Солуни и Серр. Здесь продавец говорит сперва о составлении документа (*τὸ παρὸν πρατῆριον ἡμῶν ἐνυπόγραφον ἔγγραφον τιθῆμεθα καὶ ποιοῦμεν*), а затем вводит самую сделку через клаузулу: «как явствует» (*καθὼς δηλωθήσεται* или *καθὼς ὁπρακτιῶν ὁ λόγος δηλώσει*).¹

И распоряжение здесь своеобразно¹. Указав на полную уплату цены (*τελείως ἐπληρώθη τὸ ὅλον τίμημα*), продавец говорит, что предмет сделки «действительно передается» (*παραδόθη πραγματικῇ παραδόσει*) без препятствия с чьей-либо стороны (*μη παρὰ τινος κωλύμενος*).

Формула очистки хотя и говорит по существу о том же, что и солунские формулы, но состоит из иных клаузул. Сперва продавец отмечает свою обязанность принять на себя всевозможные иски (*ἐκδίκεῖν σοι ὀφείλομεν ἀπὸ παντὸς δικαστηρίου*) после чего указывает, что всякий рискнувший на пересмотр (*πρὸς ἀνατροπῇ*) акта подлежит штрафам. Штрафы окрашены здесь и религиозные тона: мы найдем здесь и анафему, и обещание «пудиной доли», и проклятие 318 никейских отцов²; не забыты, впрочем, и двойное возмещение покупателю, и штраф казне.

Наибольшее количество грамот дошло до нас от Смирнской митрополичьей канцелярии; они охватывают почти целый век (1207—1283). К сожалению, они сохранились не в подлиннике, а в виде кодика, к тому же плохо изданного Миклошичем и Мюллером. Поэтому в некоторых купчих отсутствуют, искажены или сокращены отдельные клаузулы³.

¹ Несколько отлично в акте 1250 г.

² Эта клаузула встречается не только при отчуждении недвижимости. Так, неизвестный ктитор монастырька св. Антония, живший, видимо, в XIV—XV вв., подарил этому монастырьку евангелие, в начале которого он сделал надпись, угрожая проклятием 318 отцов тому, кто похитит эту книгу.—Надпись на рукописном евангелии Библиотеки им. В. И. Ленина, Ин. 460.

³ Резкую критику этого издания дал В. Г. Васильевский [Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1880, июль]. Не ссылаясь на В. Г. Васильевского, его замечания повторил F. Dölger. *Chronologisches und prosopographisches zur Geschichte des 13. Jahrh.*—BZ., XXVII (1927), 297 ff.

Нам известны следующие акты, вышедшие из Смирнской митрополичьей канцелярии:

- ММ, IV № 106—1207 г.— номик и скевофилак Константин Ксанф
№ 104—1208 » — он же. (Известен как примикирий тавуляриев из ММ, IV, 121. 27 от 1210 г.)
№ 54—1213 » — номик Феодор Каллист
№ 109—1225 » — он же
№ 11—1231 » — номик и архонт монастырей Смирны Николай Сироцул
№ 17—1231 » — Феодор Каллист
№ 25—1232 » — он же. (Упомянут еще в ММ, IV, 81. 27 от 1251 г.)
№ 66—1232 » — нет подписи
№ 34—1237 » — номик Лаодикин. (Известны два номика с этим именем: Николай — ММ, IV, 38. 15 от 1235 г., ММ, IV, 81. 23 от 1251 г. — и Иоанн — IV, 83. 33 от 1251 г., ММ, IV, 133. 22 от 1259 г.)
№ 85—1239 » — domestик Смирнской митрополии Иоанн Куналис
№ 81—1254 » — он же, но в чине протекдика и тавулярия
№ 89—1255 » — великий эконоом Смирнской митрополии Константин Кафара
№ 64—1259 » — Лаодикин
№ 54—1272 » — номик Михаил
№ 38—1274 » — номик Николай Филокинегит
№ 68—1279 » — он же, но в чине примикирия тавуляриев
№ 67—1281 » — он же
№ 56—1281 » — он же
№ 61—1282 » — он же
№ 63—1283 » — он же
№ 62—1283 » — он же
№ 42—1283 » — он же. (Известен еще в 1285 г. — ММ, IV, 138. 6 и в 1291 г. — ММ, IV, 141. 3)

Смирнские грамоты приводят имена продавцов в тексте, вводят покупателя во втором лице и имеют формулу сделки, близкую к милетским грамотам: *πρᾶσιν τιθέμεθα καὶ ποιοῦμεν... καθὼς δηλωθήσεται*. Рассмотрение дальнейшего текста позволяет выделить две различные группы грамот. Все акты, подписанные Филокинегитом (1272—1283), имеют очень близкий друг к другу формуляр. В них цена устанавливается в клаузуле: «продаем за... перперов» (*πῖπρᾶσχομεν εἰς ὑπέρπερα...*), затем купчая отмечает факт передачи земли (*ἃ δὲ λαβόντες... τοῖνον παραδεδώκαμεν*). Описание прав покупателя вводится клаузулой: «пусть владеет как господин...» (*ὥς ἂν καὶ ἔχη κυρίως...*).

Формула очистки состоит из двух частей: продавец обязуется защищать покупателя от третьих лиц (*ἀπὸ παντός μέρους*) и не претендовать на проданное владение. Если кто-либо из сторон задумает изменить сделку (*βουλήθῃ ἀνατρέψαι*), пусть его не слушают и подвергнут штрафу.

Вторая группа актов приходится на 1207—1237 гг. и характеризуется подробной клаузулой установления цены: «Мы договорились о цене и установили ее во столько-то номисм» (λόγων μέσον ἡμῶν γενομένων περὶ τῆς τιμῆς καὶ περιστήσαν αὐτὴν εἰς νομίσματα...). Говоря о передаче владения, эти акты употребляют *testatio vacuae possessionis*, формула которой: «уступаем тебе, чтобы ты обладал и пользовался» (ἐκχωροῦμέν σοι ἐπιλαβεσθαι καὶ χρᾶσθαι). Что же касается формул очистки и неустойки, то они различны у разных актов этой группы. В актах № 106, 104, 109, 25, 34 она подробна и состоит из двух частей: а) обязательства не изменять условий и защищать от третьих лиц (μὴ ἐναλλάξαι ἢ πρὸς τὸν δεφευσίωνα ἀμελεῖν) и б) запрета выслушивать продавца на суде (μὴ εἰσακουώμεθα) при попытке пересмотреть условия. Штрафы: возвращение цены, уплата издержек в двойном размере и пени вестиярию. В актах № 54, 17, 66 эта формула очень сокращена и начинается прямо с кары за нарушение условий обеими сторонами (ὅστις δὲ ἐξ ἡμῶν βουληθῇ ἀνατρέψαι), т. е. близка к последней клаузуле купчих, составленных Филокинегитом.

В грамотах, датированных тридцатыми-семидесятыми годами, можно наблюдать постепенное оформление клаузул поздних актов (грамоты Филокинегита). Так, напр., акты № 11, 80, 81 устанавливают цену в клаузуле, характерной для грамот Филокинегита; *πιπράσκω ἐπὶ τιμῇματι, πιπράσκομεν εἰς ὑπέρπυρα*, но в № 89 вновь оживает старая клаузула: *τὴν πρᾶσιν διεφθίσαμεν καὶ περιστήσαμεν εἰς νομίσματα...*

Результаты нашей классификации грамот сводим в таблицу на стр. 34—35.

Анализ формуляра грамот, вышедших из различных локальных канцелярий, сводимый для большей наглядности в таблицу, показывает, что в Византии не существовало единого для всей империи плана купчих грамот, что в Византии, как и на Западе, в каждой крупной канцелярии существовал свой формуляр. Кроме того, как показывает история Смирнской канцелярии, этот формуляр мог меняться даже на протяжении одного века. Интересно отметить, хотя возможно, что это случайное совпадение, что устойчивый формуляр в Смирнской митрополичьей канцелярии складывается лишь в семидесятых годах, т. е. после восстановления империи.

Тот факт, что формуляр купчих грамот Смирнской канцелярии изменялся на протяжении XIII в., дает основание для датировки некоторых актов, даты которых не сохранились в кодексе. Так, напр., купчая MM, IV, № 19 имеет формуляр ранних смирнских грамот 2-й группы и особенно близка к № 17 от 1231 г. Она датирована сентябрем VIII индикта, что соответствует 1219—1234—1249... гг. Более ранние даты, пожалуй,

Таблица локальных формуляров

Формула	Серры	Солунь
Продавец Покупатель	Без имени Произвольно	И м е н а В о в т о
Формула сделки	Продаю	Продаю и действитель- но передаю
Установление цены	Продаю за цену, которую и получил	
Распоряжение	Должен владеть	
Формула очистки	Гарантирую, что не вернусь к пересмотру сделки. Обещаю держаться содержания этого акта. Обязан принять на себя все иски, которые могут возникнуть из-за отчуждаемой недвижимости	и не претендовать на проданную недви- жимость. Отказываюсь от пересмотра, обме- на и пр.
Штрафы	Если попытаюсь нарушить грамоту, пусть не буду выслушан в суде В казну	Двойная цена, судеб- ные издержки, пени покупателю и казне

Восточновизантийских грамот

Милет	Смирна 1207—1237 г.		1274—1283 гг.
	Группа I	Группа II	
п р о д а в ' ц о в р о м л и ц е			
Составил настоящую купчую грамоту, как явствует ниже			
Полностью получил цену	Мы договорились о цене и установили ее во столько-то номисм	Продаю за пер-перы	
Действительно передаю для владения без препятствия с чьей-либо стороны	Уступаю тебе, чтобы ты обладал и пользовался	Продаю, чтобы ты владел как господин	
Должен защищать покупателя от всякого суда	Обязан не изменять условий и защищать от третьих лиц	Обязан защищать от третьих лиц. Не должен претендовать на проданное владение	
Кто нарушит, подложит штрафу	Пусть не буду выслушан	Если кто-нибудь из сторон задумает изменить сделку, пусть его не слушают и подвергнут штрафу	
Двойное вознаграждение покупателю, штраф казне, анафема, «иудина доля» и пр.	Возвращение цены, издержки в двойном размере, пени вестарию	Возвращение цены	Штраф покупателю и казне

невозможны, так как упомянутый в нашем акте Иоанн Манкафа назван еще в ММ, IV, 133. 1 от 1259 г. Подтверждение нашей датировки дает опись стратопедарха Фоки от 1236 г., в которой упомянут некто Канти, подаривший монастырю Лемвиотиссы 5 олив в Паракалеме. Он, повидимому, тождествен Иоанну Ханте, составителю грамоты № 19 о продаже монастырю Лемвиотиссы олив в Паракалеме, и его продажа названа в описи Фоки дарением. Эту продажу, таким образом, следует относить

ко времени до составления описи Фоки, т. е. к 1234 г., как и следовало предполагать по формуляру грамоты.

Гораздо сложнее датировать купчую ММ, IV № 65, которая построена по типу ранних смирнских грамот 1-й группы (с незначительными изменениями). Дата имеет месяц, индикт и год: июль VI индикта, год от основания мира ϥφω',—однако такого числа в греческом языке нет. Наш акт называет игумена Лемвиотиссы Клима, которого В. Г. Васильевский отождествляет

с Климентом¹; последнего легко датировать по акту, упоминающему Климента и в то же время ссылающемуся на опись стратопедарха Фоки, составленную «59 лет тому назад» (ММ, IV, 179. 10). Так как опись Фоки была составлена в 1236 г., то время Климента (корректируем по месяцу и индикту) приходится на 1293 г.

Свидетели, подписавшие грамоту № 65, тоже известны по актам 80—90-х годов, а составитель грамоты № 65 Иоанн Пардалеон назван в документе от 1293 г. (ММ, IV, 229. 31). Исходя из всего этого, мы можем отнести грамоту № 65, корректируя по индикту, к 1293 г.

Однако, поскольку мы знаем, что в конце XIII в. в Смирнской канцелярии сложился устойчивый формуляр купчих грамот, следует предположить, что купчая № 65 поддельна. В связи с этим стоит и ни с чем несообразная датировка. Впрочем, может быть, после Николая Филокинегита номики Смирнской канцелярии возродили старый формуляр.

Несмотря на незначительное количество сохранившихся византийских купчих грамот, несмотря на некоторые отличия в грамотах одной и той же канцелярии, можно с известными основаниями допустить наличие в Византийской империи различных локальных формуляров купчих грамот. В Византии грамоты не строились по мертвому шаблону, но их формуляр изменялся во времени и разнообразился в зависимости от места их изготовления.

Византийских актов сохранилось сравнительно немного. Достаточно сказать, что даже наиболее богатый в этом отношении византийский монастырь Лемвиотиссы (близ Смирны) оставил нам лишь около полутораста документов. Мы почти никогда не можем проследить историю одной деревни на протяжении хотя бы полувека. Сплошные описи, подобные «Царской книге», не сохранились до нашего времени, и поэтому мы лишены возможности более или менее подробно охарактеризовать целый район.

Далее, до нас дошли почти исключительно описи монастырских владений, поэтому мы почти не можем представить себе светское феодальное землевладение, его своеобразие, его отличие от церковного. Наконец, поздневизантийские акты освещают аграрные отношения далеко не на всей территории империи; они затрагивают по преимуществу районы Смирны и р. Стримон.

Наконец, акты относятся преимущественно к очень узкому отрезку времени, охватывая в основном середину и конец

¹ В. Г. Васильевский. Материалы по внутренней истории Византийской империи. ЖМНП, 1880, июль, стр. 116.

XIII в. и первую половину XIV в. (именно это время и является предметом нашего исследования).

Такое состояние актового материала делает почти совершенно невозможным локальное исследование; в то же время оно заставляет обращаться к источникам другого типа. Историк аграрных отношений в Византии не может пренебрегать ни данными нарративных памятников, ни сведениями агиографии, ни какими-либо другими источниками.

Византийские историки, однако, могут сообщить очень немногое для характеристики аграрных отношений; они искали свои сюжеты на поле брани и в интригах императорского дворца, обращаясь к событиям повседневной жизни только в случае каких-либо необычных явлений. Их внимание могли остановить лишь голод и неурожай, крупное восстание крестьянства. У византийских историков мы найдем очень немного данных для характеристики техники сельского хозяйства, форм ренты, природы византийской общины. Не многим более ценные известия найдем мы и в произведениях поздневизантийских риторов, которые хотя и изображают социальные противоречия, но рисуют их по шаблону, как насилие богатых над бедными вообще. Вряд ли можно что-либо извлечь для характеристики аграрных отношений поздней Византии из таких слов ритора XIV в. Димитрия Кидониса: «Земля считалась нашей, однако обрабатывалась могущественными. Море было заперто, а города могли только тогда вздохнуть, если вовсе отказывались от своей свободы»¹. И другие византийские риторы и богословы (Фома Магистр, Григорий Палама, Николай Кавасила) редко рисуют конкретную картину, довольствуясь обычно абстрактными и шаблонными фразами. Риторичность пронизывает и византийскую переписку; при этом надо отметить, что лучшие памятники византийской эпистолографии (письма Феофилакта Болгарского и Михаила Акомината), обследованные русскими историками В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским, относятся к несколько более раннему периоду.

Гораздо больше подробностей для изучения византийской культуры и быта сохранили жития святых, изученные преимущественно русскими историками В. Г. Васильевским, Хр. Лопаревым и А. П. Рудаковым. Жития уводят нас в провинцию, раскрывают мелочи повседневного быта, ускользающие от гордого внимания историков. В житиях выступают стратиоты и монахи, ремесленники и крестьяне, ростовщики и нищие. Однако расцвет агиографической литературы относится к гораздо более раннему периоду византийской истории, чем тот, который интересует нас; лишь очень немного житийных

¹ Migne PG, t. CLIX, col. 644.

памятников было создано позднее X в., да и те уже окрашены риторичностью, присущей поздневизантийской литературе.

Зато для поздней Византии имеет очень большое значение светская литература: повести в стихах и басни, написанные народным языком и отражающие народный быт. Среди этих памятников особенно большое значение имеет «Странная повесть» критского поэта Стефана Сахликиса, жившего в первой половине XV в., представляющая собой автобиографию мелкого феодала, выросшего в деревне и хорошо ее знающего.

Большее значение, нежели литературные памятники всех видов, имеют разнообразные трактаты: трактат по сельскому хозяйству (Геопоники), военные трактаты, известный «Трактат об обложении», юридические трактаты. Однако большинство этих памятников относится к более раннему периоду, а произведения юристов XIII—XIV вв. почти совершенно не выходят из сферы римских терминов и понятий. Интересный материал можно было бы почерпнуть из сборника судебных решений магистра Евстафия Романа (так называемая Пира), но и он относится к XI в.

Немногое прибавляют и произведения византийских канонистов XII в. Вальсамона и Зонары, хотя они интересуются не только ересями и нарушением постов, но и вопросами, связанными с церковным землевладением.

Более важным памятником являются монастырские уставы, подробно описывающие не только самый монастырь, но и его владения; они содержат ценные сведения, характеризующие организацию труда в монастырских владениях, рассказывают о харистии и т. п. Большинство монастырских уставов относится к XI—XII вв. и лишь немногие — к более позднему периоду.

Этот краткий обзор источников, привлеченных нами, свидетельствует о скудости материала для характеристики аграрных отношений в поздней Византии. Это обстоятельство в значительной мере обусловило неполноту настоящей работы, не позволив поставить ряд вопросов, как, например, проблему различия судеб церковного и светского землевладения или судеб мелкой и крупной вотчины. Скудость источников в значительной мере определила гипотетичность отдельных выводов, что признает и сам автор. В то же время автор сознательно оставил в стороне вопрос о роли латинского завоевания, ибо он полагает, что развитие феодальных отношений в Византийской империи должно быть рассмотрено прежде всего как внутренний процесс. Несомненно, на содержании работы отразилось и отсутствие специальных исследований по истории поздневизантийского города, торговли и ремесла;

собранные же автором по крохам данные для характеристики этих явлений не могут ни в коей мере претендовать на исчерпывающую полноту.

* * *

Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность всем тем, кто своей строгой критикой и товарищескими советами содействовал созданию этой книги: А. В. Банк, А. К. Бергеру, Н. А. Боровской, А. Ф. Вишняковой, М. А. Заборову, Е. А. Косминскому, Я. А. Левицкому, М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц, А. И. Неусыхину, Н. В. Пигулевской, Е. Ч. Скржинской, П. А. Стародубцу, А. В. Старостину, М. Я. Сюзому, М. А. Тихановой, З. В. Удальцовой, М. М. Фрейденбергу.

Глава I

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНИКА

Одной из основных задач, встающих перед историком-марксистом при исследовании аграрных отношений Византии, является изучение производительных сил и, в частности, техники сельского хозяйства. Буржуазные историки не уделяли должного внимания этим проблемам. А между тем, «первое историческое дело, это — производство средств, необходимых для удовлетворения... потребностей, производство самой материальной жизни»¹. Именно производительные силы, согласно учению классиков марксизма, являются «определяющим элементом развития производства»². Состояние производительных сил общества определяет в конечном итоге его производственные отношения: «каковы производительные силы, — таковыми должны быть и производственные отношения»³. Как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс: «ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»⁴.

Вопрос о характере византийской сельскохозяйственной техники впервые был поставлен советской исследовательницей Е. Э. Липшиц, которая убедительно показала, преимущественно на материале «Земледельческого закона» и археологических данных, хронологически близких к нему, что «в византийской деревне VI—VIII вв. было развито земледельческое хозяйство в его разнообразных видах (хлебопашество, виноградарство, садоводство)»⁵. Настоящая глава примыкает к названному исследованию Е. Э. Липшиц. При этом автор опирался на известия письменных источников, оставив в сто-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 18.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 553.

³ Там же, стр. 553.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 364.

⁵ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Византийский сборник, М.—Л. (1945), стр. 116.

роне археологический материал, который до настоящего времени еще не обработан специалистами.

Ведущей отраслью в поздней Византии оставалось хлебопашество. Каков был его характер, что представляла собой в это время система земледелия в Византии? Е. Э. Липшиц, впервые поставившая этот вопрос на материале более раннего времени, утверждала, что в Византии в эпоху «Земледельческого закона» существовала подсечная или лядная система полевого хозяйства¹. «Постоянно встречающийся на протяжении текста («Земледельческого закона». — А. К.) термин «новъ» (с производными от него глаголами — *νεώσειν* и др.), — писала Е. Э. Липшиц, — лишь в позднейшем тексте уступающий место другим терминам для обозначения пахоты, с очевидностью показывает, что дело идет по преимуществу о разработке лядины, лесных зарослей, целины»². Такое истолкование термина «новъ» подвергалось критике в советской исторической науке³. Было указано, что этот термин встречается в таком памятнике, как Геопоники⁴, которые представляют собой компиляцию из трудов античных писателей по аграрным вопросам; но античная сельскохозяйственная техника, отраженная в Геопониках, ни в коей мере не может быть совмещена с подсечным земледелием. Значит, этот термин не может быть истолкован как обозначающий разработку лядины. Термин «новъ» продолжал применяться и в более позднее время. Историк начала XIII в. Никита Акоминат иносказательно говорит, что император Маниул Комнин любил «поднимать новъ на полях (*νεώματα ἐν ἀρούραις*) и собственным плугом проводить борозды, из которых для него поднимался колос в человеческий рост»⁵. В актах XIV в. также встречается термин *νεάσειν*⁶. Однако трудно было бы предположить, что подсечная система земледелия сохранилась в Византии XIII—XIV вв. и что ее имел в виду Никита Акоминат.

Отвергая предложенное Е. Э. Липшиц толкование термина *νεώσειν*, мы все же вынуждены признать, что в отдельных областях Византии подсечное земледелие еще могло существовать. Для решения этой проблемы важное значение имеет одно место из жития каппадокийской святой Ирины (X в.), в

¹ Е. Э. Липшиц, назв. соч., стр. 111.

² Там же, стр. 106. Ср. ее же. Славянская община и византийский феодализм, ВизВ, I (1947), стр. 150.

³ А. П. Каждан, Известия АН СССР, серия ист. и фил., V (1948). № 1, стр. 116, М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. Учен. зап. Сverdловского пединститута, IV (1948), стр. 61.

⁴ *νεάσειν* — Геопоника, ed. H. Beckh, Lpz., 1895, p. 59. 4.

⁵ Nicet. Chon., p. 266. 1.

⁶ Русик, стр. 94.

котором героиня сравнивается (художественную ценность этого сравнения мы оставляем на совести агиографа) с «землей хорошей и тучной, очищенной от всякого леса»¹. Если мы правильно понимаем это место, оно может служить серьезным аргументом в пользу признания того, что в Византии X в. кое-где (может быть, в Каппадокии) сохранялась подсечная система земледелия, ибо в приведенном выше отрывке расчистка леса и обработка земли как бы ставятся в один ряд, в качестве необходимых предпосылок хорошего урожая.

Впрочем, возможно, что в житии Ирины имеется в виду не подсека, а лишь расчистка леса.

О расчистке (*ἀποκάθαρσις*) лесов говорят иногда и другие жития². Особенно следует отметить свидетельство греческого жития Нила Младшего (правда, относящегося к Ю. Италии), подробно повествующего о том, как монахи выжигают лес и устраивают на его месте пашню³. Повидимому, на протяжении X—XIII вв. значительное количество лесов было расчищено и распаханно; в памятниках XIII—XIV вв. они упоминаются гораздо реже, нежели в источниках X—XI вв.

В поздневизантийских документах мы не находим никаких свидетельств в пользу существования подсечного земледелия. Повидимому, в это время повсеместно распространяется трехполье; Никифор Григора определенно говорит о существовании ярового и озимого клина, когда он отмечает, что на полях византийских земледельцев можно было одновременно видеть и молодой, зеленый еще хлеб и уже совершенно созревший⁴.

Византийские крестьяне знали разнообразные зерновые культуры: наиболее распространенными были пшеница и ячмень⁵. Ячменный хлеб считался низкосортным; авторы византийских житий подчеркивают, что подвижники питались им, отказываясь от лучших яств⁶. Византийским крестьянам XIII в. сплошь да рядом приходилось есть хлеб,

¹ ὡς γῆ καλή τε καὶ πῶν τὸν θεῖον δεξαμένη καὶ κεκαθαρισμένη πάσης ὕλικῃς προπαθείας καὶ σφέσεως. AASS Juli, VI, 606 sq. Термин ὕλικός может означать и лесной, и плотский. Агиограф, повидимому, играет словами, как это часто делали византийские писатели.

² Analecta Bollandiana, XIV, 150.8.

³ Migne PG, t. CXX, col. 81. C.

⁴ Gregoras, I, 346. 21.

⁵ MM, VI, 6.17; Лавра, № 37.45, Русик, 56.25. Ср. термин βρωμοκριθάριν — С. Пападимитриу. Стефан Сахликис и его стихотворение Ἀφῆγους παράξενος, Летопись ист.-фил. об-ва при Новорос. ун-те, XI (1896), стк. 139 и 148.

⁶ Analecta Bollandiana, XIII, 84.10. И Михаил Акоминат говорит о ячменном хлебе как о худшем. — Ф.И. Успенский. К истории крестьянского земледелия в Византии. ЖМНП, CCXXV (1883), стр. 34—35. Ср. Theoph. Contin., p. 10.13.

выпеченный из ячменя, смешанного с отрубями¹. В поздней Византии получило распространение и просо². Кроме злаков поздеывались бобы³, которые, подобно ячменному хлебу, считались скверной пищей; вареные бобы без масла упоминаются в житиях в качестве обычной еды отшельника, лишаящего себя мирских радостей⁴. Геопоники рекомендуют применять севооборот: смену бобовых и хлеба⁵, однако у нас нет сведений о том, что такой севооборот действительно имел место в Византии. Наконец, знали византийцы и культуру льна⁶.

Для пахоты обычно применялся плуг (*ἄροστρον*), в который впрягалась пара волов (*ζευγάριον*). Византийский плуг не имел колес и был легок; в житии Филарета Милостивого (IX в.) рассказывается о том, как герой отправляется домой с поля, взвалив на единственного оставшегося у него быка ярмо и плуг⁷. Наличие легкого плуга подтверждается и системой упряжки: в Византии сохранялась античная система упряжки, при которой животные запрягались непосредственно за шею, поэтому они могли тащить лишь легкие повозки⁸ и, как мы видели, лишь легкий плуг, царапающий землю. Сошник, видимо, железный, мог надеваться и сниматься. Подобный плуг, не имевший отвалов, по выражению римского писателя Варрона, только «кусал» землю; при пахоте приходилось проходить по полю несколько раз: сперва вдоль, а затем поперек поля.

Такое представление о византийском плуге подтверждается и изображением его на миниатюрах, которые помещались при 44-м «Слове» в лицевых списках «Слов» Григория Назианзина XI—XIII вв. Этот плуг запряжен парой волов и принадлежит к типу плугов с подошвой и дышлом (грядилем); при этом грядиль сильно изогнут, — особенность характерная и для древнегреческого плуга⁹.

¹ Acropolites, p. 130.7.

² Хил., № 27.48.

³ φάβα — MM, XI, 6.17, κόκκοι — AASS Novembris, III, 520. Λ, κοκκία — Русик, стр. 56. С. Пападимитриу. Стефан Сахликис, стр. 148, ὅσπρια — Analecta Bollandiana XI (1892), 136.4. В одной из грамот Лемвийского кодекса различаются два вида бобовых: ὅσπρια φάβατα (бобы) и βρεβίνθια (горох) MM, IV, 202. 20—21.

⁴ AASS Novembris. III, 523. E. и 534. B.

⁵ Geoponica, p. 52.10. Cp. ibid., p. 59.5.

⁶ λιναρόκλων — MM, VI, 6.17, λιναρίον — Лавра, № 41.53. С. Пападимитриу. Стефан Сахликис, стк. 139.

⁷ Житие Филарета Милостивого, изд. А. Васильев, ИРАИ, V (1900), стр. 67.28.

⁸ Lefebvre de Noettes, Le système d'attelage du cheval et du boeuf à Byzance. Mélanges Ch. Diehl, v. I, Paris 1930. Критические замечания L. Bréhier, La civilisation byzantine, Paris, 1950, p. 175 sq, представляются нам неубедительными.

⁹ Подробнее об этом изображении плуга см. А. К а ж д а н. Византийское сельское поселение. ВизВ, II (1949), стр. 220.

Повидимому, плуг такого же типа сохранялся и в более позднее время. В описи поселения Варис, составленной в 1073 г., упомянуты два плуга, соединенных с ярмом (ζυγάροτρα), а также названы их принадлежности (μετὰ τῶν ἐξοπλίσεων)¹. Упоминание сошника (σύνι) мы неоднократно встречаем в поздневизантийских актах². В XIII—XIV вв. византийские крестьяне попрежнему впрягали в плуг пару волов. Даже и в гораздо более позднее время здесь сохранялся подобный легкий плуг, запрягаемый парой волов; изображение этого плуга можно видеть в зарисовках русского путешественника XVIII в. Григоровича-Барского³, да и среди современных плугов Пелопоннеса и Фессалии еще встречаются «дедовские» плуги такого типа⁴.

Сохранение в поздней Византии легкого плуга, сходного с древнегреческими плугами, объясняется в значительной мере особенностями почвы и климата страны.

В упряжку впрягали не только волов; в описи патмосского монастыря названы, кроме ζευγάρια βοικᾶ, еще и ζευγάρια βουβαλικά⁵, т. е. упряжки буйволов. Иногда при пахоте применялся труд погонщика волов, так называемого ζευγηλάτης⁶.

Византийцы применяли удобрение; о нем говорится в латинской описи из Мореи⁷. Вопрос об удобрениях очень подробно разбирается в Геопониках⁸, но трудно сказать, отражают ли они в данном случае действительность или только передают античные традиции.

Орудие жатвы называлось δρέπανον⁹ (серп или коса?). После уборки снопов крестьяне выгоняли скот на поля¹⁰. Скот выгоняли пастись, видимо, и в сады и в огороды¹¹.

Молотьба производилась путем вытаптывания зерна с помощью скота: характерно, что у византийцев сохранился

¹ ММ, VI, 6.21.

² ММ, IV, 267.3 и Русик, стр. 56.3.

³ В. Григорович-Барский. Странствования. СПб., 1887, т. III, стр. 250, 268; т. IV, стр. 156.

⁴ Р. Leser. Entstehung und Verbreitung des Pfluges. Münster, 1931, S. 270—273. Ср. Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Стр. 107 и слл.

⁵ ММ, VI, 6.20. Ср. ММ, IV, 267.2. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. Известия АН СССР, ООИ, 1931, стр. 689.

⁶ «Каллимах и Хрисороя», vv. 1501, 1511, 1530 (ed. Sp. Lambros, Collection de romans grecs vulgaires, Paris, 1880).

⁷ fimus, qui ibidem ponitur—Buchon. II, 78.3.

⁸ Geoponica, p. 60.6; 62.7.

⁹ Земледельческий закон, § 22, Analecta Bollandiana, XIV (1895), 160.27, Русик, 56.4, ММ, IV, 202.13.

¹⁰ Земледельческий закон, § 76, AASS Novembris, III, 531.

¹¹ См. ἐνὸριον κατ' ἔτος τοῦ κτηνῶρειου—Хил., № 92. 144. Ср. Земледельческий закон, § 79.

библейский образ «быка молотящего». Автор одного письма, вспоминая ветхозаветное изречение «не заграждай рта быку молотящему», аллегорически сравнивает с молотящими быками церкви, якобы очищающие от «мякины рассудочных примесей» человеческие души для того, чтобы они «сохранялись, достойнейшие, в вышних закромах»¹. Система молотбы при помощи скота продолжала существовать сотни лет: она сохранилась и во времена турецкого господства. Молотбу с помощью скота на гумне, вымощенном камнем, видел еще в XVIII в. Григорович-Барский². Путешественник начала XIX в. следующим образом описывает молотбу в поместье близ Константинополя: «Жатва была уже снята; поселяне молотили хлеб на току. Для этого они употребляли не цеп, но деревянный тес с зубчатыми камнями, плотно воткнутыми в нижнюю его сторону для растирания колосьев. Две лошади с завязанными глазами были запряжены в эти сани особого рода, и поселянин, стоя, погонял их во весь опор и чертил спирали по всему пространству тока, покрытого высоким слоем колосьев»³.

Для хранения зерна крестьяне вырывали вблизи от дома ямы, так называемые γούβαи; такие ямы упомянуты в житиях Луки Элладского⁴ и Евфимия Мадитского⁵; оба эти памятника относятся к балканским областям империи.

Размалывали зерно на мельницах, упоминаемых еще в «Земледельческом законе» (§§ 78—80). Вплоть до X в. сохранялись ручные жернова. В житии Луки Элладского рассказывается, что герой его имел «ручную мельницу»⁶, которую у него украли воры, впоследствии жестоко наказанные за покушение на собственность «святого». Такие же «ручные мельницы» везли обычно в обозе войска⁷. Позднее, видимо, они исчезают. В X—XII вв. мельницы приводились в движение силой животных⁸.

¹ В. Васильевский. Обновление болгарского патриархата при царе Иоанне-Асене II в 1235 г. ЖМНП, ССXXXVIII (1885), стр. 236—237.

² В. Григорович-Барский, назв. соч., IV, стр. 138 и 168.

³ К. М. Базили. Босфор и новые очерки Константинополя. СПб. 1836 Ч. II, стр. 68—69.

⁴ *Analecta Bollandiana*, XIII, 113.32. Стефан Сахликис рассказывает, что крестьяне с гумна уносят зерно и наполняют кучи: τοὺς σωροὺς τοὺς ἐγερμόναι (изд. С. Пападимитриу, назв. соч., строка 137, стр. 145). Может быть, нужно читать σιρούς, ямы?

⁵ σίτου ταμίειον ὑπόγειον. Изд. еп. Арсений, Чтения в Общ. ревнителей дух. просвещения. 1889, № 3, стр. 47, 30.

⁶ χειρόμυλον — *Analecta Bollandiana*, XIII. 103.31.

⁷ Leonis Tactica, V. 6.

⁸ ζωοκίνητα — Бакур, 13.33; ὄνομολοι — Косм., 60.25. Ср. еще «Книгу эпарха», XVIII. 1.

В поздних актах особенно часто упоминаются водяные мельницы, которые действовали лишь в зимнее время (*ὕδρου μύλωνες χειμερινοί*), ибо летом подавляющее большинство речек пересыхало.

Однако были мельницы, действовавшие круглый год (*μύλωνες ὁλοκαιρινοί*)¹, в которых, может быть, следует видеть ветряные мельницы.

Просеивали муку византийцы в XI в. через сито². Для выпечки хлеба в византийских монастырях имелись специальные печи, но весьма вероятно, что византийские крестьяне еще в XIV в. пекли хлеб в золе — так же, как это делали в то время болгарские крестьяне; Никифор Григора жалуется, что ему приходилось в Болгарии есть хлеб, испеченный в золе (*ταῖς σποδιαῖς*)³.

Кроме хлебопашества, в Византии большую роль играли также садоводство и виноградарство. Жития и поздневизантийские акты часто упоминают плодовые деревья: грушу⁴, смоковницу⁵, орешник⁶, каштаны⁷; иногда просто: «всевозможные плодовые деревья» (*ὁπωροφόρα δένδρα διάφορα*)⁸. Повсеместно в Византии была распространена маслина; мы встречаем оливковые деревья и в Трапезунде⁹, и в районе Смирны¹⁰, и на Балканах¹¹. Иногда участки с оливами были небольшие, карликовые: так, крестьяне деревни Мантея дарили Лемвийскому монастырю участки с 5—10 оливами¹². В то же время в источниках упоминаются и целые «масличные плантации»¹³.

Столь же повсеместно было распространено виноградарство. Виноградники, вопреки античным правилам, часто разбивали в саду, рядом с деревьями. «*Ambellonia*, — объясняется в одной латинской описи, относящейся к Морее, — это такие земли, на которых растет виноград и другие растения, в том

¹ Фил., № 6.42. Однако встречаются и *ὕδρομυλικά ὁλοκαιρινὰ ἐργαστήρια* — ММ, IV, 7.7.

² В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе. Труды, т. I, стр. 313—316.

³ Gregoras, I, 379.7.

⁴ Житие Михаила Малееина, изд. L. Petit. *Revue de l'Orient Chrétien*, 1902, p. 563.

⁵ ММ, IV, 395.9; V, 64.16; VI, 6.13.

⁶ Хил., № 19.95; Вазел., № 10.6, 104.27, 143.59.

⁷ Хил., № 19.101.

⁸ Кутл., № 11.31. Ср. *δένδρα χάρπιμα* — ММ, VI, 6.12.

⁹ Вазел., № 153.5.

¹⁰ ММ, IV, 7—8; IV, 130.8 и др.

¹¹ Фил., № 4.54; Ксен., № 11.179 и др.

¹² ММ, IV, 7.

¹³ *ἐλαϊκὸς ἀγρός* — Зорг., № 11.35.

числе и оливы»¹. Виноградники сплошь да рядом разбивали и гористой местности².

Сад и виноградник требовали очень большого ухода. Мы знаем, например, что в районе Смирны земля под оливы орошалась³, на Афоне монахи нуждались в воде для орошения своих виноградников и садов⁴. Об орошаемой земле говорит и Никита Акоминат⁵. Кое-где для орошения садов, повидимому, применялись цистерны: в волшебной сказке «Каллимах и Хрисороя» рассказывается о садовнике, нанимавшем специальных подносчиков воды, в обязанность которых входило каждый день наполнять цистерну⁶.

Сады и виноградники обносились забором⁷, а иногда даже кирпичной стеной⁸. Землю в них крестьяне возделывали лопатами и мотыгами⁹.

Возможно, что этими же лопатами и мотыгами византийские крестьяне перепаживали и поле после плуга. Стремясь возможно более интенсивно использовать свои карликовые участки земли, византийские крестьяне устраивали в саду «нижний ярус», где росли овощи¹⁰. Сад, виноградник и еще некоторые виды угодий, о которых речь пойдет ниже, объединились в одну категорию — ἀρούρηα¹¹ и считались наиболее ценной частью хозяйства¹².

Таковы те весьма немногочисленные сведения, которые источники дают для характеристики земледельческой техники в поздней Византии. В целом она находилась на довольно при-

¹ Buchon, II, 61.8. Ср. виноградник с деревьями — Эсф., стр. XVI.14. О лозах, которые пускали виться по деревьям — см. Nicet. Chon., p. 375.6. Ср. выражение: ἀμπelokήπιον — MM, VI, 6.11.

² Cantac., II, 585.7.

³ MM, IV, 130. 13—14.

⁴ Хил., № 54.31.

⁵ Nicet. Chon., p. 273.12.

⁶ Sp. Lambros. Collection de romans grecs en langue vulgaire, Paris, 1880, vers. 1688. О цистернах — см. Nicet. Chon. p. 272.11.

⁷ Лавра, № 52.13. В описи 1073 г. специально оговорено наличие плодовых деревьев ἀνευ φραγμού, без ограды — MM, VI, 6.12.

⁸ MM, IV, 13.10.

⁹ λισκάδιον, δίκελλα — Русик, стр. 56.3. Ср. MM, IV, 189.12; IV, 202 и 206. Σμινύη, δίκελλα и ρυνίς называет Исидор Солунский как основные орудия земледельца — Paris. gr. 1192 p. 316, cit. ap. O. Tafrali; Thessalonique au XIV siècle, Paris. 1913, p. 32 n. 8.

¹⁰ C. Sathas. Bibliotheca graeca, VI, 623.11. Хиландарский практик, стк. 112 — см. Ф. И. Успенский. Материалы для истории землевладения в XIV в. Уч. зап. Новорос. ун-та, XXXVIII (1883).

¹¹ Вальсамон — Migne PG, CXXXVII, col. 929. в. Ср. L. Petit. Le monastère de Notre-Dame de Pitié. ИРАИ, VI, 29.26. Другое толкование этого термина дает Ф. И. Успенский. Мнения и постановления константинопольских соборов. ИРАИ, т. V (1900), стр. 42 и слл.

¹² Ф. И. Успенский. Мнения и постановления константинопольских соборов. ИРАИ, т. V, стр. 38.3.

митивном уровне. Этим в значительной степени объясняется зависимость хозяйства византийских крестьян от природных условий и беспомощность их перед стихийными бедствиями. К этому времени вполне можно отнести известное выражение Феофраста, что погода в большей мере, чем качество земли, определяет урожай. Особенно страшным бедствием была засуха; в житии Павла Патрского рассказывается о том, как во время засухи жители 40 деревень, собравшись вместе, творили литании, вымаливая дождь¹. Появление саранчи также наносило тяжелый урон крестьянскому хозяйству². Иной раз и майские ветры губили плоды и обрекали страну на неурожай и голод³.

Иоанн Кантакузин рассказывает о страшном голоде, который разразился в Акарнании в середине XIV в. Жители этой страны, не имея пропитания, выходили к морскому берегу, рассчитывая, что на них нападут пираты и продадут в рабство. Лучше, думали они, в рабстве сохранить жизнь, нежели сразу же погибнуть от голода⁴.

Значительную роль в сельскохозяйственной жизни поздней Византии продолжало играть животноводство; являясь еще в эпоху составления «Земледельческого закона» важнейшим видом хозяйства⁵, оно и позднее не утратило своего значения; в XI в. афонские монастыри обладали большими стадами быков и овец⁶; у Ксенофонта монастыря в конце XI в. было 28 быков, 300 рабочих лошадей (*ἄλογα καμιατῆρά*), 100 ослов, 130 буйволов и 2 тысячи голов мелкого рогатого скота⁷. Огромные стада были в XIV в. у могущественного византийского феодала Кантакузина: перечисляя свои убытки, он называет 2500 кобылиц, 1000 пар рабочих волов, 5000 голов крупного рабочего скота, 70 000 овец, 50 000 свиней, сотни верблюдов, мулов, ослов⁸.

В отдельных случаях в Византии наблюдалась своего рода локальная специализация животноводства. Так, Фессалия поставляла лучших коней⁹, а во Фракии выводили мулов¹⁰. У Черной реки, близ Адрианополя, паслись табуны коней¹¹.

¹ *Analecta Bollandiana*, XI, 53.11.

² *Analecta Bollandiana*, XVIII, 236.27.

³ *Zonaras*, ed. L. Dindorf, IV, 87.31.

⁴ *Cantac.*, III, 147.20.

⁵ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 114.

⁶ Ph. Meyer. *Haupturkunden f. d. Geschichte d. Athoskloster*. Lpz., 1894, S. 157.7.

⁷ Ксен., № 1.225.

⁸ *Cantac.*, II, 185.3—8.

⁹ *Anna Comnena*, I, 27.22.

¹⁰ *Anna Comnena*, I, 405.17.

¹¹ *Cantac.*, I, 90.1.

Как мы уже знаем, быки употреблялись для пахоты и, кроме того, для перевозок¹. Поздние акты позволяют нам судить и о молочном хозяйстве византийцев: у Лемвийского монастыря, например, были специальные загоны, где монахи доили коров и приготавливали сыр². Из овечьей шерсти византийские крестьяне еще в начале XIII в. приготавливали грубые плащи (хлены)³.

Особенно широко распространены были свиноводство и овцеводство. Жития IX в. рассказывают нам о том, что свиней выгоняли на ближние пастбища. Иоанникий Великий, которого родители уже с семи лет посылали пасти свиней, выгонял их каждое утро, а к вечеру загонял снова⁴. Другое житие рассказывает, что мальчики нескольких соседних деревень пасли своих свиней на одном пастбище⁵.

Источники XIII—XIV вв. не сохранили сведений, как проходил в это время выпас свиней. В них мы встречаем только косвенные данные, позволяющие заключить о весьма широком распространении свиноводства и в позднее время. Так, например, акты тщательно отмечают наличие дубовых рощ⁶ и даже говорят о том, что кое-где дубы растут на хорафиях⁷. Желуди, надо полагать, употреблялись для откорма свиней.

Жития IX—XI вв. рисуют нам и картины овцеводства. На острове Лесбос мальчики выгоняли овец на близкие пастбища, а вечером загоняли их домой⁸. В других случаях овец и коз выгоняли на горные пастбища, где они оставались в течение более долгого срока: в житии Павла Латрского рассказывается о крестьянине, который пас своих коз в горах, возвращаясь лишь к уборке урожая⁹. Лазарь Галесийский, странствуя по Каппадокии, едва спасся от собак, которые гнали стадо овец¹⁰, а в горах родной Галесии он был ранен стрелой пастуха, кочевавшего здесь со стадом¹¹.

Пастушеское скотоводство сохранялось и в поздней Византии. Акты упоминают о стадах, которые пасутся на холмах

¹ A. Papadopoulos-Kerameus. ² *Ἀνάλεκτα τῆς Ἱεροσολυμιτικῆς πταιολογίας*, IV, 387. 6

² MM. IV, 257.28. Ср. Gregoras, I, 379.23.

³ Nicet. Chon., p. 858.15.

⁴ AASS Novembris, II, col. 333—334.

⁵ A. Papadopoulos-Kerameus, op. cit., IV, 384.31.

⁶ *βαλανοφόρος τόπος* — Ксен., № 3—31.

⁷ MM, IV, 113. 2 и 11.

⁸ *Analecta Bollandiana*, XVIII, p. 214—215.

⁹ *Analecta Bollandiana*, XI, 44—45. Там же (стр. 49.15) идет речь о крестьянах, пасущих стада в горах близ Милета.

¹⁰ AASS Novembris, III, 517 D.

¹¹ Там же, стр. 521. E.

и в предгорьях¹. Иногда землевладельцы и скотовладельцы улавливались пользоваться совместно каким-нибудь пастбищем; при этом они оговаривали, что будут использовать его только зимою; весною же, когда начинался рост трав, стада должны были покидать его².

Пастбища такого рода — зимовья (χειμαδεῖον) упоминаются в поздневизантийских актах³. (Аналогичную картину Никифор Григора мог наблюдать в районе Струмицы, в Болгарии, где пастухи с наступлением весны угоняли скот на хребты и в горные долины⁴).

Для того чтобы попасть с зимовья на летнее пастбище, скот должен был совершать значительные переходы. В этой связи стоит тот факт, что поскольку императорские чиновники взимали с владельцев скота пошлыны за переправы, монастыри добивались от императора льготных грамот, дававших освобождение от уплаты пошлин при перегонах и переправах «овец и иного скота»⁵.

Наряду с пастушеским в поздней Византии существовало и стойловое скотоводство, однако возможности его развития были ограничены из-за нехватки лугов.

Луга (λίβαδια) входили в состав αὐτοῦργια и считались ценнейшим видом сельскохозяйственных угодий⁶.

На территории Византийской империи можно было встретить еще и в позднее время настоящее кочевое скотоводство у тех варварских племен, которые постоянно просачивались в Византию.

В XI в. на территорию империи вторгаются влады, которые, по словам Анны Комнины, вели кочевую жизнь (τὸν νομαδα βίον)⁷. 300 семей влады, которые поселились недалеко от Афона, в конце XI в. оказались в зависимости от афонских монахов. «Они пасли скот, — говорится в одной афонской повести XI в. — и служили монастырям, принося им сыр и молоко»⁸. В более поздней описи монастыря св. Пантелеймона упоминается некий Григорий Влах, все имущество

¹ Александр Лаврский. ВизВ, VI (1899), стр. 450.11.

² ММ, IV, 181. 20—22.

³ Хил., № 58.7, Е. Kurtz. Nachträgliches zu den Akten des Xenoklosters, ВизВ, XVIII (1911), № 2.18.

⁴ Gregoras, I, 379.22.

⁵ Хил., № 65.11.

⁶ Migne PG, CXXXVII, col. 929 B.

⁷ Anna Comnena, I, 395.3. См. о них еще Nice t. Chon., p. 472.5. Pachymeres, II, 106.4. Ср. еще данные, приводимые Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 115—116.

⁸ Ph. Meyer, op. cit., S. 163.

которого состояло из одних овец¹ и который был, повидимому, кочевником-скотоводом. Мы встречаем влахов-крестьян и в Фессалии² и в районе Янины³.

Афонским монастырям приходилось сталкиваться и с половцами-команами; монахи лавры св. Афанасия Афонского, например, жаловались императору Алексею Комнину, что живущие в Могленах команы пришли в принадлежащую монастырю долину, устроили там загоны для скота и все же не хотят платить за использование монастырского пастбища так называемую десятину⁴.

В XIII в. половцы-команы кочевали даже в районе Смирны, куда они были приглашены Иоанном Дукой Ватацем⁵. В одном из актов мы читаем о том, что некий Кутул, парик Лемвийского монастыря, был лишен хорафия, который занял и засеял писец (номик) Керамари. Кутулу пришлось бежать к команам; с их помощью он захватил упряжку быков Керамари и заставил номика подарить команам на два перпера вина, — только после этого Керамари были возвращены его быки⁶. В этом рассказе нашли яркое отражение некоторые черты взаимоотношений между византийскими крестьянами и половцами: ограбленный крестьянин ищет защиты от своих сильных соседей у половцев.

В XIV в. в горах Фессалии жили кочевники-албанцы, которые не признавали власти императора и подчинялись своим филархам⁷.

Данные агнографии позволяют установить, что византийские крестьяне, помимо скотоводства, занимались птицеводством и пчеловодством⁸. О птицеводстве упоминает и Никифор Григора⁹. Акты XIII — XIV вв. отмечают наличие пчеловодства в районе Стримона¹⁰ и на малоазийском побережье Эгейского моря¹¹. Возможно, что пчеловодство сохранялось и в Пафлагонии, где им занимались уже в первой половине

¹ Русик, стр. 37. Ср. *οἱ διαφέροντες τῇ εἰρημένῃ μονῇ βλάχοι*. — Лавра, № 47.22. Влахы были подчинены также и епископии Стаги — арх. Порфирий. Путешествие в Метеорские и Осоолимпийские монастыри в Фессалии в 1859 г. СПб., 1896, стр. 406.16.

² MM, IV, 414.20.

³ MM, V, 87.6.

⁴ Лавра, № 47.2.

⁵ Gregoras, I, 36.16 и I, 296.20.

⁶ MM, IV, 165—166.

⁷ Santas, I. 474. 10. Ср. *ibid.*, I, 279. 23 и I, 450.16.

⁸ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917, стр. 182.

⁹ Gregoras, I, 432. 1.

¹⁰ См. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. *Byzantinoslavica*, IX (1948), № 2, стр. 262 и др.

¹¹ MM, IV, 67.31 и VI, 223.34.

IX в.¹. О пчеловодстве упоминает и историк XIV в. Пахимер².

Значительную роль в хозяйственной жизни Византии играло рыболовство. В X в. в районе Солуни рыба составляла один из важнейших видов пищи³. Однако афонские монахи не желали удовлетвориться одной только рыбной пищей и уже в XI в. добиваются разрешения разводить скот⁴. Но и в более поздних актах афонских монастырей постоянно упоминаются лодки-однодеревки, употреблявшиеся для рыбной ловли, места, удобные для ловли рыбы, и т. п. Рыболовством занимались и жители М. Азии: у Лемвийского монастыря был, например, рыбный садок Гир в Смирнской бухте⁵.

В житиях IX—X вв. нередко упоминается охота. Так, в житии Феоктисты Лесбосской рассказывается об охотниках с острова Эвбея, которые приезжают на опустевший остров Парос, изобилующий оленями и дикими козами⁶. Однако у нас нет никаких оснований предполагать, что в интересующее нас время охота еще сохраняла хозяйственное значение, — скорее всего, она являлась лишь забавой феодалов.

Чрезвычайно важно было бы выяснить локальные особенности сельскохозяйственной техники, но состояние источников в настоящее время таково, что задача эта представляется невыполнимой. Однако анализ некоторых афонских описей и кодекса Лемвиотиссы близ Смирны (XIII в.) позволяет предполагать, что эти локальные различия существовали. Так, анализ кодекса Лемвийского монастыря показывает, что владения этого монастыря лежали в двух различных по типу сельского хозяйства районах. Значительная часть этих владений была расположена в гористой местности (деревни Мантея и Вари), где распространено было садоводство и виноградарство на мельчайших наделах, а также пастушеское скотоводство на горных пастбищах. К северу от деревни Вари, в долине р. Ермон, мы встречаем иной тип сельского хозяйства: здесь расположены были большие владения, пригодные главным образом для хлебопашества⁷. Описи деревень Евнух и Липсохсрий (первая половина XIV в., владение Хиландарского монастыря по р. Стримон) показывают,

¹ См. Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Стр. 114.

² Pachymeres, I, 138.

³ Cameniatas de exc. Thess., p. 494.16.

⁴ Ph. Meyer, op. cit., S. 157.2.

⁵ MM, IV, 17.15; IV, 240.13 и др.

⁶ AASS Novembris, IV, 228. А. С. еще там же, стр. 229. Е.

⁷ А. К а ж д а н. Византийское сельское поселение. ВизВ, II (1949), стр. 236 и сл.

что население этих деревень занималось преимущественно виноградарством, садоводством и животноводством. В описи не была внесена пахотная земля¹ — возможно, что характер сельского хозяйства в этих деревнях был близок тому, который мы находим в Мانتее и Вари. Весьма вероятно, что во внутренних областях М. Азии животноводство играло сравнительно большую роль².

Несмотря на скудость данных источников, мы можем сделать некоторые обобщения. Прежде всего оказывается, что в византийской сельскохозяйственной технике сохраняются значительные античные традиции: плуг, система молотбы, ручная мельница и т. д. В этом отчетливее всего проявляется характерное для средневековья «крайне низкое и рутинное состояние техники», обусловленное тем, что «ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»³.

В то же время мы могли наблюдать и постепенный прогресс сельского хозяйства: введение трехполья, распространение мельниц. Повидимому, широко проводится расчистка лесов. В некоторых случаях византийское сельское хозяйство требует применения интенсивного труда, вплоть до удобрения почвы и искусственного орошения. Однако нет оснований утверждать, что такая система земледелия господствовала на всей территории Византийской империи.

Низкое и рутинное состояние техники, приводившее к тому, что крестьянское хозяйство каждый год воспроизводило себя все в тех же формах, определяло традиционность общественных отношений, характерную для феодализма. Низкое и рутинное состояние техники, неразвитость производительных сил содействовали сохранению натурального хозяйства византийской деревни⁴.

¹ Хил., № 38. См. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. *Byzantinoslavica*, IX, 2 (1948), стр. 258. Трудность истолкования этой описи состоит в том, что она, не упоминая пахотной земли во владении крестьян, все же говорит о наличии у них зевгарей; возможно, что эти крестьяне арендовали земли где-нибудь по соседству.

² Еще в XIII в. Пафлагония и Вифиния поставляли конное войско, а Фракия и Македония — пехоту. — *Gregoras*, I, 111. 7.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159.

⁴ См. об этом ниже, стр. 165.

Глава 2

СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Характер византийского сельского поселения не был предметом изучения буржуазной исторической науки. Лишь в немногих работах отдельных буржуазных византинистов (К. Э. Цахарие фон-Лингенталь, В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, М. Гельцер, В. Эшбернер, Г. Острогорский) встречаются случайные замечания на эту тему, сводящиеся, в основном, к установлению факта существования в Византийской империи больших сел и хуторов. Коренным недостатком постановки этой проблемы в буржуазной византинистике является игнорирование социальной природы сельского поселения: вопрос о соотношении деревни и поместья, собственно говоря, и не ставится в буржуазном византиноведении.

Между тем, изучение этой проблемы является чрезвычайно существенным; решение вопроса о соотношении деревни и феодального поместья позволит представить, что именно, село или поместье, являлось основной ячейкой византийского феодального общества. Исследуя вопрос о характере византийского сельского поселения, мы постараемся также выяснить локальные особенности типов поселения в разных областях Византии XIII — XIV вв.

В византийских актах XI — XV вв., как в малоазийских, так и в балканских, для обозначения деревни применяется термин *χωρίον*¹. Малоазийское сельское поселение может быть

¹ Термин *χωρίον* встречался в М. Азии еще в античную эпоху, Xenophon¹ Anabasis, V, 5.10—11 и 7.13. См. Н. Swoboda, Pauly — Wissowa, RE Suppl., IV Sp. 969 ff. В византийских литературных памятниках для обозначения сельского поселения употребляются иногда другие архаичные термины: *χωμόπολις* и *χώμη*. М. Gelzer, Studien zur byzantinischen Verwaltung Aegyptens, 1909, S. 78, проследил употребление термина *χωμόπολις*, известного еще Страбону (XII, 537 и 557), лишь до VI в. н. э. На самом деле этот термин употреблялся в византийской литературе, по крайней мере, до XIII в.; наиболее поздние известные нам случаи употребления этого термина — в «Истории» Никиты Акомината

нами особенно хорошо изучено на основании данных кодика Мемвийского монастыря близ Смирны. Эти данные показывают, что деревни в районе Смирны (Мантея, Вари) представляли собой большие поселения, очень сложные по составу, распадавшиеся на отдельные части, которые иной раз сами носят названия деревень¹.

И в Трапезунде деревня (χωρίον) распадалась на отдельные части, так называемые стаси (στάσεις); эти последние следует отличать от стасей — крестьянских хозяйств²; действительно, относительно каждого крестьянского владения в трапезундских описях указывалось, в каком округе оно лежит, в какой деревне и в какой стаси³. Мы встречаем в Трапезунде крестьянское хозяйство, составляющее $\frac{1}{5}$ часть стаси⁴, из чего ясно, что здесь в одной стаси находятся владения разных лиц. В стаси Хулион⁵ в конце XIII в. имели землю Феодор Лимпос⁶ и Фериан Омохорит⁷; в 1276 г. Валентиакки провели раздел своих владений в этой стаси⁸; в 1310 г. двое братьев Куропалат и Никита Маркианы продали монастырю Вазелон землю в Хулионе⁹. Монахиня Анисия Папагенакопула передала в 1344 г. свою землю,

(Nicet. Chon., p. 82.16 и 837.18) и в письмах митрополита Навпакта Иоанна Апокавка (A. Paradoroulos-Keramieus, Δοῦράχῃνα, BZ, 1905, S. 572.25). Термин χωμή постоянно употреблялся в агнографической и исторической литературе. Из одного стихотворения Иоанна Геометра (конец X в.) мы узнаем, что термины χωμή и χωρίον иногда противопоставлялись друг другу; Иоанн Геометр, sam. var. CXXV, 74 sqq. (Migne PG, CVI, 958 B) противопоставляет крестьянские хижины и деревеньки (χωμαί) поместьям, храмам и огромным селам (μέγιστα χωρία). Такое же применение термина χωρίον для обозначения большого поселения мы находим и в других памятниках этого времени — в житии Илии Спилеота, AASS Septembris, III, 884 E, и у Льва Диакона (Leo Diac., p. 68.5). Однако и термин χωμή употреблялся для обозначения большого поселения — Analecta Bollandiana, XIV, 134.21. Эти термины: χωρόπολις и χωμή — не встречаются в деловых документах.

¹ См. А. Каждан. Византийское сельское поселение. ВизВ, II (1949), стр. 237 и сл.

² Совершенно неправ был Г. Острогорский, который в рецепции на «Вазелонские акты» Ф. Успенского и В. Бенешевича утверждал, что трапезундская стась была владением семьи, а не частью деревни — Byzantinisch-Neugriechische Jahrb., 1929, S. 582. Правильное решение этого вопроса дал уже Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация в Византии, Анналы, II (1922), стр. 105 и сл.

³ MM, V, 278.17. Ср. Вазел., № 39.10.

⁴ ἡ πέμπτῃ μερὶς τῆς στάσεως — Вазел., № 64.17.

⁵ Ф. И. Успенский («Вазелонские акты», стр. CXXXII) ошибочно заносит «Хулиона» в «Список лиц».

⁶ Вазел., № 70.11.

⁷ Вазел., № 101.7.

⁸ Вазел., № 62. Ср. № 44.14.

⁹ Вазел., № 35.5.

лежавшую там же¹. И все же еще в XV в. в Хулионе, помимо монастыря, были и другие владельцы². Не менее сложен был состав и стаси Эфериса. Все эти факты говорят о том, что в состав стаси входило несколько хозяйств. Из этого следует, что трапезундская деревня представляла собой большую деревню, сложное по структуре поселение.

Дополнительный довод в пользу приведенного выше соображения о сравнительно значительных размерах византийских деревень может представить сопоставление некоторых данных относительно взимания судебных пошлин (так наз. аэрикон) в конце XI и в XIV в. Кедрин сообщает о взимании в 1089 г. аэрикона в размере от 4 до 20 номисм с деревни «сообразно с ее качеством и силой»³. В то же время мы знаем, что в XIV в. с 36 хозяйств деревни Мамикона взимали аэрикон только 3 перпера⁴, с 27 хозяйств деревни Хандак и Нисий — менее 2 перперов⁵, а со 126 хозяйств ряда деревень монастыря Хиландарь — 18 перперов⁶. Даже не учитывая того, что ценность денег в это время пала, а размеры дополнительных повинностей, скорее всего, увеличились, мы можем предположить, что средний размер деревни представлялся законодателю XI в. в 50—150 хозяйств.

На Балканах сплошь да рядом деревни имели совершенно иную структуру. В грамоте, данной в 1321 г. Янинской церкви, перечислен ряд χωρία, причем мы можем быть уверены, что термин χωρίον обозначает в данном тексте действительно целую деревню, так как те случаи, когда речь идет о части деревни, оговорены особо⁷. Среди этих деревень названы и такие, как Велчица «с находившимися в ней людьми: Лукой и Политехном, и их родней»⁸ или Соструи, где тоже живет только несколько человек с их родственниками⁹.

В северных областях Балканского полуострова встречаются такие названия деревень, как Моноспития, т. е. Однодомовка¹⁰.

¹ Вазел., № 100.9.

² Вазел., № 12.2; № 149.3.

³ Cedren., II, 521.13.

⁴ Хил., № 92.148.

⁵ Зогра., № 29.99.

⁶ Хиландарский практик, изд. Ф. И. Успенским в «Материалах для истории землевладения XIV в.» — Учен. зап. Новороссийского ун-та, 1883, стк. 325.

⁷ τὸ ἡμισυ τοῦ χωρίου Α. — MM, V, 85.3; χωρίον τὸ Α. ... ἀνευ τοῦ ἐν αὐτῷ στασέως τοῦ Χ. — MM, V, 85.6.

⁸ MM, V, 84.31.

⁹ MM, V, 85.4.

¹⁰ А. Соловьев — В. Мошин. Гречке повеленье сриских владара. Београд, 1936, № 2.95.

Сравнивая греческий хрисовул Иоанна V от 1354 г., данный русскому монастырю св. Пантелеймона на Афоне, и сербскую грамоту Стефана Душана от 1349 г., мы можем заметить, что греческому термину *χωρίον* соответствует сербский «заселькъ» (выселки), и лишь очень редко он переводится как «село»¹.

Интересные сведения о северобалканских поселениях содержит устав монастыря богородицы Космосотиры, расположенного близ Эна (XII в.). Деревни были здесь настолько незначительны, что они могли быть перенесены с одного места на другое, причем устав разрешает переносить деревни на места, более близкие к монастырю, при условии, что такое перемещение деревни не помешает уборке урожая². Разумеется, нельзя думать, что этот тип поселения на Балканах был единственным. Нам известна опись деревни Мамициона, поделенной на три равные части, одна из которых впоследствии перешла Хиландарскому монастырю. Судя по тому, что в этой части было 36 хозяйств, можно предполагать, что все население Мамиционы составляло 450—500 человек³. Крупным поселением было и село Градец, описанное в хиландарском практике. Таким образом, можно видеть, что небольшое поселение, если и являлось здесь преобладающим, то, во всяком случае, не исключительным типом.

Некоторое представление о размерах византийской деревни может дать приводимая ниже таблица (см. стр. 58), отражающая численность населения 15 македонских деревень. Трудность изучения этих данных состоит в том, что не всегда ясно, идет ли в описи речь о целой деревне или о части ее. Поэтому ценность данной таблицы, конечно, относительна.

Собранные нами сведения показывают, что в Византии сохранился тип большого сельского поселения, характерный для римских времен⁴. Это большое поселение казалось необычным для вторгшихся в империю крестоносцев, и латинские акты удержали без перевода греческий термин *χωρίον*⁵, видимо, потому, что их авторам не с чем было отождествлять византийское сельское поселение. В то же время для Балканского полуострова преобладающим типом поселения, повидимому,

¹ Русик, стр. 172 и 354.

² Косм., стр. 52.20.

³ Хил., № 92. См. П. В. Безобразов. Афонские акты. Византийское обозрение, I (1915), стр. 57—60.

⁴ В деревне: *multitudo rusticanorum* — Cod. Just., IX, 39. 2. Ливаний также говорит о больших деревнях — M. Gelzer, op. cit., S. 78.

⁵ in *chorio seu casali* — Buchon, II, 61. 18. Cp. G. J. F. Tafel — G. M. Thomas, Urkunden z. älteren Handels u. Staatsgeschichte d. Republik Venedig, II, SS. 146 — 147.

Численность населения македонских деревень

Название деревни	Владелец	Колич. семей	№ акта
Мамициона	Хиландарский монастырь и другие	108?	Хил., 92
Градец	Хиландарский монастырь	70	Хиландарский практик
Стомий	Ксенофонов монастырь	21—23	Ксен., 6, 7 и 11
Евнух	Хиландарский монастырь	21	Хил., 38
Хандак ¹	Михаил Мономах	20	Зогр., 29
Каменицы	Хиландарский монастырь	18	Хиландарский практик
Кумица	Хиландарский монастырь	15	Хиландарский практик
Ерисс	Зографский монастырь	10—13	Зогр., 15 и 17
Липсохорий	Хиландарский монастырь	11	Хил., 38
Агрид	Хиландарский монастырь	9	Хиландарский практик
Мунзени	Хиландарский монастырь	9	Хиландарский практик
Антигония	Зографский монастырь	7	Зогр., 17
Нисий	Михаил Мономах	7	Зогр., 29
Кондогрица	Хиландарский монастырь	5	Хиландарский практик
Волвон	Зографский монастырь	3	Зогр., 17

была небольшая деревня, хотя и большое поселение не исчезает здесь окончательно.

Литературные источники, разумеется, дают материал, достаточный лишь для того, чтобы поставить вопрос о характере византийского сельского поселения и о локальных особенностях, но отнюдь не для того, чтобы полностью решить его; лишь обработка специалистами археологического материала с использованием топонимики прольет свет на эту важную проблему.

Византийские акты дают нам возможность представить структуру большой деревни. Окраину византийской деревни составляли неподеленные земли, часто поросшие лесом, которые обычно использовались под пастбища и в то же время представляли собою земельный фонд для наделения выделявшихся

¹ В Хандаке известны и другие крупные владельцы.— Хил., № 76.14. Ср. Хил., № 115.

из семьи младших сыновей¹. После раздела или распродажи таких земель соседи еще в течение некоторого времени могли осуществлять свои права: косить траву, собирать каштаны, рубить лес².

Крестьянское владение, находившееся в руках одной семьи, называлось *стась*³. *Стась* представляла собой основную хозяйственную ячейку деревни.

Она включала в себя различные виды угодий. Так, в 1271 г. монастырю Новой Петры была подарена «перешедшая по наследству *стась*»⁴, в состав которой входили дома, виноградники, сад, поля и насаждения деревьев. *Стась* крестьянина Архонтицы в деревне Дрианувена включала в себя, помимо пашни, виноградника и фруктовых деревьев, еще пастбищную землю и водный источник, приводивший в движение мельницу⁵. Центром такого владения был одноэтажный дом, крытый соломой, тростником или черепицей; он стоял во дворе, окруженном забором, а иной раз и кирпичной стеной. Иногда в состав крестьянской *стаси* входили и мельницы⁶. Даже поросшие лесом места могли составлять часть *стаси*⁷.

Крестьянская земля была, как правило, раздроблена на мелкие участки.

Некоторые источники позволяют представить более или менее отчетливо чересполосицу в византийской деревне.

В XIV в. Хиландарскому монастырю было передано 10 крестьянских хозяйств в деревне Афет; причем была произведена чрезвычайно подробная, с указанием всех наделов опись. Эта опись, хотя она и охватывает лишь 10 хозяйств, — очень ценный источник, так как в ней содержится единственное сохранившееся подробное описание крестьянских земель. Правда, подсчеты на основании этой описи довольно затруднительны, но в общем число, получаемое в результате суммирования размеров отдельных участков, совпадает с итогами самой описи: единственное резкое расхождение может быть объяснено опиской.

¹ Тракт., стр. 115.36.

² Об этом см. ниже, стр. 85.

³ Кроме широко распространенного термина *στάσις*, встречается: *οἰκοστάσιον* — Ф. И. Успенский. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI и XII вв., ИРАИ, т. V (1900), стр. 39.11; *ἐπιστάσις* — L. Petit, Le monastère de Notre Dame de Pitié, ИРАИ, т. VI (1901), стр. 32.33; *στασιόμιον* — Тракт., стр. 114.19. Морейские латинские хроники также упоминают *stasie* — Buchon II, 55.22.

⁴ ММ, IV, 394.35.

⁵ ММ, IV, 398.

⁶ Хил., № 92.101.

⁷ А. Соловьев — В. Мошин. Гречке повелю српских владара, Београд, 1936, стр. 31.85.

Таблица 2

Дробность крестьянского землевладения
(по описи деревни Афет-Хил., № 40)

Имена крестьян	Общий размер участков в модиях ¹	Число участков	Средний размер участков в модиях
Андроник Турок	65	14	4,5
Стратигий Ксиропсом	130—135	25	5,5
Феодор Варяг	46	5	9
Георгий, зять Фраскиса	90	33	7,5
Агапит и его шури́н Георгий Трагап	125—130	17	8
Георгий Дидимари	74	16	4,5
Иоанн, зять Каталакта, и его шури́н Георгий Бакалис	160	12	13
Феодор Фраскис, родственник Георгия	110—120	33	3,5
Лев Вризиад	90	15	6
Иоанн Цихли Фраскис	58	9	6,5

¹ Модий составлял примерно 0,084 га.

Перед нами яркая картина дробности крестьянского землевладения. При этом положение в деревне Афет не являлось каким-либо исключением. Завещание Феодора Караваы (1314 г.) также рисует владение, распадающееся на ряд карликовых частей, на этот раз виноградников¹. Подчас встречаются поля всего в один модий². Известно также, что виноградники могли дробиться на мелкие доли³. Возможно, что особенно мелкими были участки в районе Трапезунда, о чем свидетельствуют многочисленные вазелонские акты.

Дробность крестьянского землевладения отражается даже в наименованиях земельных мер, как, например, πινάχιον — «дощечка»⁴, или λωρίς — «ремень»⁵. Участки земли часто называются κομμάτια⁶ (от глагола κόπτω, нарубая, нарезаю).

¹ Хил., № 27.

² ММ, IV, 9.15. Часто в актах идет речь о «крохотной земле» (γῆ ὀλίγοστή) — ММ, IV, 7.26, о «крохотном хорафии» — ММ, IV, 13.11; IV, 398.27.

³ ἀμπελίον ἐν διαφόροις τόποις — Хил., № 38. 173. Ср. Ксен., № 10.12.

⁴ ММ, VI, 125. 14 и VI, 154. 27. Ср. πινάξ как мера сыпучих тел.

⁵ Вазел., № 58.7.

⁶ Вазел., № 25. 6, № 143; ММ, V, 39. 24; VI, 159. 8 и 174.31. Особенно см.: τὰ οὐκ ἰσχύομεν μοδιολογῆσαι κομμάτια λς' — ММ, V, 28.32.

В источниках постоянно встречается термин хорафий, чаще всего обозначающий пахотное поле. Византийские источники рассматривают хорафии как определенную категорию угодий, противопоставляя их земле с деревьями¹, саду и двору², пастбищам³. Критский поэт XV в. Стефан Сахликис высмеивает крестьян, которые, по его словам, когда напиваются, путают все на свете и «начав о хорафиях, говорят о виноградниках»⁴. Тем самым он противопоставляет хорафий виноградику. В актах подчас рассказывается о хорафиях, которые можно превращать в сад или виноградник⁵, с другой стороны, заросли или пастбища могли быть обращены в хорафий⁶. Есть и прямые указания на то, что хорафий — это пахотное поле. Крестьяне деревни Приновари вспахали и засеяли хорафий Спан⁷. Крестьяне деревни Афет пахали и засевали хорафии⁸. В грамоте об аренде хорафия указывалось, что арендатор должен засеивать его своим зерном⁹.

Но если преимущественное значение термина хорафий — пахотное поле, то все же в отдельных случаях он может принимать и иное значение: встречаются хорафии-пастбища¹⁰, хорафии-виноградники¹¹, хорафии, на которых растут деревья и даже стоят молельни¹². Встречается иногда и термин «пахотные хорафии»¹³, который был бы пустой тавтологией, не будь у хорафия какого-нибудь специального значения, отличного от простого понятия «пашня».

Хорафий мыслится всегда как одна из многих частей всей стаси¹⁴. Связанные в одно целое хорафии могут иметь как бы центральный, «главный хорафий»¹⁵. В Кефалоникийской описи термин хорафий постоянно перемежается с термином *λαχίδιον* — надел, который следует поставить в связь с греческим словом *λάχος*, доля. Таким образом, возможно расширительное употребление термина хорафий для обозначения надела. Как бы то ни было, у нас нет никаких оснований придавать этому термину социальное значение и видеть в нем, как это пытался

¹ ММ, IV, 67.

² Хил., № 147.7.

³ ММ, IV, 181. 4-5.

⁴ С. Пападимитриу, назв. соч., стк. 206. Ср. Кутл., № 2.8 и 10.50.

⁵ ММ, IV, 53.13 и IV, 85.3.

⁶ ММ, IV, 181.14 и VI, 6-7.

⁷ ММ, IV, 188. 26-27.

⁸ Хил., № 40. 152.

⁹ С. Sathas. Bibliotheca graeca. VI, 622.7.

¹⁰ *χωραφιαία τόπια... νομαδιαία* — ММ, IV, 11.31-32, и IV, 30.19-20.

¹¹ *ῥαμπελοχωράφιον* — ММ, V, 17.7.

¹² ММ, V, 17.17.

¹³ *χωράφια σπόριμα* — Лавра, № 1.14. Ср. там же, № 3.31 и № 4.18.

¹⁴ *χωράφιον ἔχει τῆς γονικῆς αὐτοῦ στάσεως* — ММ, IV, 268.19-20.

¹⁵ *κεφαλῇ τῶν χωραφίων* — ММ, V, 25.16.

делать Ф. И. Успенский, непременно паричское, зависимое держание¹.

Толкование термина хорафий как надел (преимущественно пахотного поля) находит себе еще одно подтверждение: в некоторых актах встречаются редкие термины ἐσωχώραφα и ἐξωχώραφα, т. е. «внутренние и внешние хорафии»². С этими терминами следует сопоставить встречающиеся в «Трактате об обложении» термины ἐσῶθυρα и ἐξῶθυρα, которые истолковываются там соответственно как земли в деревне и владения вне деревни³. Подобно этому, иногда в источниках упоминаются «внутренние» сады (огороды) (ἐσωκήπιον), о которых прямо говорится, что они расположены на территории деревни⁴. Все это позволяет нам заключить, что хорафии были двух родов: старинные наделы, расположенные на основной территории деревни, и новые, представлявшие собой, повидимому, заимки на окраине деревни.

Хорафии не являются долями в открытых полях. Документы постоянно фиксируют определенные границы того или иного хорафия. Опись деревни Афет отмечает всякий раз, с чьим наделом граничит тот или иной хорафий. Кефалоникийская опись 1262 г. указывает границы хорафиев у дорог⁵, моря⁶, реки⁷, церкви⁸, холмов⁹. Хорафии, по свидетельству некоторых источников, могли иметь четко обозначенные границы. Хорафий Спан в деревне Вари был окружен межевými столбами¹⁰. Встречаются в грамотах упоминания хорафиев, ограниченных рвами¹¹. Хорафии, окруженные межевými рвами

¹ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация в Византии. Анналы, II (1922), стр. 97. Ср. Ф. Успенский и В. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927, стр. XXXII.

² Вазел., № 29, 6; № 144, 12. Хил., № 92, 123.

³ Тракт., 115.28. Ср. Ксен., № 3.23. Ἐσῶθυρα считались наиболее ценной частью владения наряду с αὐτοῦργια — Ф. И. Успенский. Мнения и постановления. ИРАИ, т. V, 30.10—12. См. еще ИРАИ, т. V, 38.6.

⁴ Ἐσωκήπιον ἐντὸς τοῦ χωρίου — Хил., № 92.28. Ср. еще термин ἐσωπεριβόλοι — Хил., № 92. 101. О более часто встречающемся термине ἐξάμπελον — см. А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., стр. 432.

⁵ MM, V, 21.12 и 25; 22.22; 24.32. Ср. хорафий (вблизи от Афин) πλησίον... τριῶν ἐκεῖσε ὁδῶν — Buchon, II, 291.1.

⁶ MM, V, 21.30; 22.15; 24.1

⁷ MM, V, 22.4 и 21; 26.32.

⁸ MM, V, 22.19; 24.19; 27.31.

⁹ MM, V, 23.1; 25.12; 27.16.

¹⁰ διὰ γνωρίμων γὰρ ἡν λαβράτων γύρωθεν περιοριζόμενον — MM, IV, 189.8. См. о межевых столбах — П. Безобразов. Об актах Зографского монастыря. ВизВ, XVII (1910), стр. 341—342. О византийском термине ὄρος, граница — Г. П. Беглери. О термине ὄρος, ὄρια и ὄρια. ВизВ, X (1903), стр. 611—612.

¹¹ MM, IV, 7.34.

или камнями, имели, разумеется, определенные границы и не могут быть рассматриваемы как доли в открытых полях.

Представлению о наличии системы открытых полей противоречит и то, что хорафии, как можно видеть по Кефалонийской описи, подчас лежат в одной меже с садом¹, виноградником², строениями³, насаждениями олив⁴. В актах мы иногда встречаем прямое разрешение владельцу сеять на своем хорафии то, что он хочет⁵.

Впрочем, возможно, что вывод об отсутствии системы открытых полей было бы поспешно распространять на всю территорию Византии: скудость материала не позволяет в настоящее время сделать окончательные выводы. Но в тех местах, относительно которых мы располагаем данными источников, хорафии в XIII—XIV вв. рассматриваются как находящиеся в полном распоряжении их хозяев; хозяйственная жизнь такого поля протекает независимо от соседей, поэтому-то оно и обведено рвом, поэтому-то владельцы хорафиев могут разбивать на них виноградники⁶, сажать оливы⁷, даже строить церкви⁸.

Сообщение с такими полями осуществлялось с помощью системы дорог; поэтому мы постоянно встречаем в актах упоминание дорог, по большей части государственных (*ἡ δημοσία ὁδός*), но иногда и деревенских тропинок⁹, служащих границей того или иного хорафия.

Чрезвычайно труден и недостаточно изучен в настоящее время вопрос о соотношении (территориальном совпадении) деревни и феодального владения. Зависимая византийская деревня XIII—XIV вв. отнюдь не всегда территориально совпадает с феодальным владением.

Феодальное владение могло здесь иметь форму барской усадьбы, расположенной в стороне от крестьянских поселений и состоящей преимущественно из домениальной земли. Данные кодекса Лемвийского монастыря позволяют проследить, существование наряду с большой деревней, сложной по составу, владений феодалов, расположенных в стороне от сел и

¹ MM, V, 18.10. Ср. MM, IV, 85, 1—2.

² MM, V, 19.11—22; V, 26.22 и V, 31.7. Ср. Александр Лаврский, ВизВ, IX (1902), стр. 123, 11 и 124. 28.

³ MM, V, 19.15. Ср. MM, IV, 30.5.

⁴ MM, IV, 8.10.

⁵ Buchon, II, 291.4.

⁶ MM, IV, 85.3; IV, 30.12—15.

⁷ MM, IV, 8.8; MM, V, 25.10.

⁸ MM, V, 17.17.

⁹ ὁδός τοῦ χωρίου — MM, V, 30.21. Ср. еще MM, IV, 8.10 и 11.10.

представляющих собою усадьбы, земли которых обрабатываются домениальными плугами¹.

В одной из грамот Кутлумушского архива описано владение (ζεγγλατεῖον), расположенное вблизи от деревни Косна и состоящее из двух участков; кроме пахотной земли, грамота описывает и господское имущество: две упряжки волов и 100 голов мелкого рогатого скота². Поскольку грамота ничего не говорит о крестьянах, мы вправе предположить, что зевгилатий близ Косны состоял целиком из домениальной земли. Аналогичный характер имело владение Георгия Цаусия Мелиссина, описанное в кодексе Лемвийского монастыря. В состав этого владения входили виноградник в 12 модиев, 300 модиев пашни, сад, «расположенный вблизи от деревни», различные строения; опись перечисляет также скот (две упряжки, 100 голов овец, двух верховых лошадей), телеги, плуги, топоры и т. п.³. О крестьянских наделах опись, однако, не говорит ни слова.

В других случаях владение феодала располагалось на территории деревни, иногда полностью совпадая с территорией села, иногда занимая лишь часть деревни. В некоторых случаях на территории села располагалось несколько феодальных поместий. Так, один только монастырь св. Пантелеймона имел в деревне Веникия 3 зевгилатия⁴. В деревне Крусово Эсфигменскому монастырю принадлежали метох и третья часть деревни; остальная часть села находилась в руках трех архонтов⁵. В деревне Пофолон на р. Стримон в XIV в. жило несколько архонтов⁶. В деревне Мамициона Хиландарскому монастырю принадлежала лишь третья часть земли и париков, остальные две трети находились в руках других феодалов⁷. Михаил Мономах, обладавший пронией в деревне Хандак, был не единственным феодалом в этой деревне⁸. Янинская церковь выступала в некоторых случаях как собственник половины или части деревни⁹.

Более подробные сведения мы имеем относительно деревни Лозикий, расположенной в долине р. Стримона. В XIV в. там были владения, по крайней мере, трех феодалов: Хиландар-

¹ А. К а ж д а н. Византийское сельское поселение. ВизВ, II (1949), стр. 241—243.

² Кутл., № 18.46—47.

³ ММ, IV, 266—267.

⁴ Русик, стр. 290. 7.

⁵ Эсф., № 13.16.

⁶ Хил., № 150.8 и слл.

⁷ Хил., № 92.

⁸ Зогр., № 29; Хил., № 76.14 и Хил., № 115.

⁹ ММ, V, 85.3—6.

ского и Зографского монастырей и светского феодала Петра Дукопула. История земельных владений в Лозикии в конце XIII — начале XIV в. рисуется примерно следующим образом. В 1265 г. Хиландарский монастырь получил там 3 зевгаря от императорских чиновников¹; эти земли, повидимому, были отняты у «латинских» феодалов после восстановления империи. В 1286 г. Зографский монастырь получил в Лозикии 4 зевгаря, которые прежде принадлежали некоему солунскому чиновнику², — это составило 400 модиев³. Но уже к 1320 г. монастырь значительно увеличил свои владения в Лозикии, доведя их до 1500 модиев⁴. Кроме того, в Лозикии существовали метохии обоих монастырей: метох св. Димитрия, принадлежавший Хиландарскому монастырю⁵, и метох св. Георгия во владениях Зографского монастыря⁶. Владения Петра Дукопула были в конце концов захвачены монахами этих монастырей: 300 модиев земли Петра Дукопула около 1324 г. перешли игумену Матвею, а от него Хиландарскому монастырю⁷, а в 1342 г. земля из пронии Дукопула находилась во владениях Зографского монастыря⁸.

Еще более интересные сведения относительно структуры византийской деревни мы находим в хиландарском практике, составленном в октябре 1300 г.⁹ и изданном впервые Ф. И. Успенским¹⁰. Согласно этому практику, в конце XIII в. в большом селе Градец существовали владения нескольких феодалов: Георгию Вардану принадлежало 26 крестьянских дворов, «детям Киприяновым» — 19, Газию Сирияну — 8, Мануилу Девельцину — 7, а трем остальным феодалам — по одному крестьянскому двору. Эти феодальные владения отличались друг от друга не только количеством крестьянских дворов, но и зажиточностью их: если крестьяне Вардана, как правило, обладают землей в 50—100 модиев и парой волов, то крестьяне «детей Киприяновых» совершенно лишены земли. Естественно предполагать, что структура владения Вардана и владения «детей Киприяновых» была совершенно различной. К 1300 г.

¹ Хил., № 6.

² Зогр., № 10.14.

³ Зогр., № 15.45.

⁴ Зогр., № 17.68.

⁵ Хил., № 13.70.

⁶ Зогр., № 23.23 и 26.17.

⁷ Хил., № 100.

⁸ Зогр., № 34.23.

⁹ О дате — см. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX (1948), № 2, стр. 215—216.

¹⁰ Ф. И. Успенский. Материалы для истории землевладения XIV в., Учен. зап. Новороссийского ун-та, XXXVIII (1883).

все эти отдельные владения и дворы были поглощены крупным земельным собственником — монастырем Хиландарь.

Такой же сложной по структуре была и деревня на малоазийском побережье Эгейского моря. На территории деревни Мантея близ Смирны в XIII в. находились владения различных феодалов: Смирнской митрополии, Лемвийского монастыря, прониара сир-Гари, севаста Алифина. Кроме того, на территории деревни Мантея были расположены владения собственников средней руки, мелких свободных и полусвободных землевладельцев.

Несколько более простой представляется структура расположенной по соседству деревни Вари. В Вари имелся значительный комплекс владений, в начале XIII в. принадлежавший вестияриту Василию Влатеру, а затем перешедший Лемвийскому монастырю, но он все же не охватывал всей деревни целиком: источники свидетельствуют, что на территории Вари жил зависимый крестьянин, принадлежавший крупной собственнице протовестияриссе Ирине, а также некоторые свободные землевладельцы, которые только в конце XIII в. продали свои земли Лемвийскому монастырю¹.

Рассмотренные нами материалы свидетельствуют о том, что в XIII—XIV вв., несомненно, происходит процесс концентрации земельной собственности в руках наиболее крупных феодалов, поглощающих владения своих мелкопоместных соседей. В результате этого облик ряда деревень должен был стать более единообразным: феодальное владение стало территориально совпадать с деревней. Такую эволюцию мы могли наблюдать в деревнях Вари и Градец. Структура других сел (Лозикий, Мантея) хотя и упрощалась постепенно, но все же оставалась весьма сложной.

Центром владений феодала в деревне была его усадьба. Обозначавший усадьбу термин *προάστειον* был широко распространен в IX—XII вв., однако его нечасто используют акты XIII—XIV вв. Акты, относящиеся к тяжбе Лемвийского монастыря с соседями из-за проастия Сфурн², свидетельствуют о том, что этот проастий, размером всего в 10 модиев, состоял из крошечных хорафиев (*χωράφια ὀλιγοστά*), сада и мельницы³. В другом документе XIII в. термином проастий обозначена оливковая роща (*ἐλαικὸν προάστειον*)⁴. В то же время термином

¹ А. Каждан. Византийское сельское поселение. ВпзВ, II (1949), стр. 237 и слл.

² ММ, IV, 32 и слл. О его размерах — ММ, IV, 34.5.

³ ММ, IV, 23.18 и 33.12. Другие проастии в этом районе — ММ, IV, 10.27 и 29.

⁴ ММ, IV, 320.22.

проостей обозначают в актах XII—XIII вв. и зависимую деревню¹.

В поздних актах барская усадьба чаще обозначалась термином *ζεγγιλαιον*². В состав зевгилатия входили различные угодья: дома, виноградники и сады³, иногда — мельница⁴; он мог состоять и из пахотной земли⁵. О зевгилатиях мы знаем еще то, что в них феодалы расселяли крестьян, пришедших из других мест⁶. Известен зевгилатий размером всего в 10 модиев⁷.

Наконец, в актах XIII в. мы сталкиваемся с «царскими зевгилатиями», которым были подчинены окружающие земли⁸.

Барская усадьба монастыря часто носит название метоха — термин, который признавался равнозначным термину зевгилатий⁹. Метох представлял собою монастырек, который вместе со всеми своими хозяйственными постройками перешел в зависимость от другого, более могущественного монастыря.

Такие мелкие монастыри, существовавшие и в более ранний период, сохранялись в разных частях империи в XIII—XIV вв. Подобные монастырьки известны нам по кодексу Лемвийского монастыря; так, к югу от деревни Мантея был расположен монастырек св. Пантелеймона, обладавший 40 модиями пашни (она лежала, кстати сказать, в разных полях), виноградником в 1 модий, значительным количеством олив (более 150), смоковницами, пчелиными ульями¹⁰; столь же невелик был и монастырек Георгия Аскурвуллита, построенный в тех же местах¹¹.

Судьба одного из таких небольших монастырьков в первой половине XIII в. подробно описана в акте, сохранившемся

¹ Об этом можно судить на основании того, что он перемежается с термином *χωριον* — см. Косм., стр. 52.17 и 22. Ср. А. И. Каждан. Византийское сельское поселение, ВизВ, II (1949), стр. 232, прим. 10.

² H. Monnier, *L'επιβολή*, Nouvelle revue historique de droit fr. et étr., XVI (1892), p. 513, n. 1 ошибочно разъяснял этот термин как «подать» (*un redevence*), смешав вероятно *ζεγγιλαιον* и *ζεγγολόγιον*. Правильное истолкование термина зевгилатий дал Ф. И. Успенский, История Византийской империи, М. — Л., 1948, т. III, стр. 578, видевший в нем ферму с барской усадьбой.

³ Хил., № 69.34.

⁴ А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., № 2. 119—121.

⁵ Кутл., № 18. 46—47. Ср. Б. А. Панченко, Крестьянская собственность в Византии. Стр. 179.

⁶ Хил., № 96.23, Ватоп., стр. 18.7.

⁷ ММ, IV, 286.8.

⁸ ММ, IV, 9.18.

⁹ Ф. И. Успенский. Акт отвода земли монастырю Богородицы Милостивой. ИРАИ, I (1896), стр. 28.18.

¹⁰ ММ, IV, 58—59.

¹¹ ММ, IV, 107.

в архиве монастыря Кутлумуш. Маленький монастырек, носивший название ἀγρός τοῦ Ἀγιοπατίτου, находился в подчинении у монастыря Ихтиофага; монахи этого монастыря передали монастырек Агиопатита Алипийскому монастырю в обмен на другие земельные угодья. Когда спустя некоторое время было издано патриаршее повеление «освободить монастырьки, находящиеся в подчинении у больших монастырей (ἐλευθεροῦν τὰς δουλῶθεισας μονὰς τοῖς μεῖζουσι)»¹, афонский прот Даниил объявил монастырек Агиопатита свободным. Но освобожденный монастырек не мог долго сохранять свою независимость: прошло несколько лет, он впал в прежнюю бедность (εἰς τὴν ἀρχαίαν ἐρήμωσιν) и вновь превратился в зависимый ἀγρός².

Итак, монахи большого монастыря сплошь да рядом превращали зависимый от них монастырек в свою усадьбу. Эти усадьбы-метохы в отдельных случаях могли представлять собою сложные комплексы владений, состоявшие из домена и крестьянских наделов. Таким, например, был метох Ксенофонта монастыря Стомий. Согласно монастырской традиции, основание этого владения было заложено еще при императоре Алексее Комнине³.

В XIII в. эта земля была захвачена жителями села Аврамиты, так что переписчик фемы должен был выделить монастырю новую землю⁴. Помимо основного дарения, монастырь получил там же крупный вклад от некоего Конфиллина⁵, а также несколько виноградников и хорафиев от разных дарителей⁶. В начале XIV в. на территории метоха Стомий, размером около 3 тысяч модиев⁷, жило примерно 20 крестьянских семейств, в руках которых, впрочем, было чрезвычайно мало надельных земель.

Такой же характер имел, вероятно, и метох τοῦ Τίμτζου монастыря богородицы Спилиотиссы⁸.

¹ Кутл., № 2.13. См. А. Ф. Вишнякова и А. П. Каждан, Новые материалы по аграрной истории Византии XIII—XIV вв. ВизВ IV (1951), стр. 208—209.

² Кутл., № 2.14—15. В одной грамоте XII в. мы встречаем запрещение обращать подчиненный монастырек в простой хутор (ἀγρός): он должен был оставаться монастырем (παρχμοναστήριον) и иметь своих монахов и эконома — Русик, стр. 34.

³ Ксен., № 2.15.

⁴ Ксен., № 2.32.

⁵ Ксен., № 2.41.

⁶ Ксен., № 7.350.

⁷ 3042 модия, из которых 2170 модиев пахотной земли, — Ксен., № 6.93. Несколько иной расчет дает Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX, 2 (1948), стр. 272.

⁸ Александр Лаврский. ВизВ, VI (1899), стр. 448—449.

Мы видим, что даже основное ядро феодального владения (проастий, зевгилатий, метох) далеко не всегда представляло цельный и единый комплекс земельных владений; к тому же владения феодала на территории деревни не ограничивались метохом или зевгилатием. Феодалы приобретали земли в различных частях деревни.

Из кодекса Лемвийского монастыря мы узнаем не только о необычайной дробности монастырских владений, расположенных мелкими участками в ряде деревень, но и о дробности владений ряда светских динатов и стратиотов. То же самое можно наблюдать и на Балканах. В 1348 г. Иоанн Кантакузин закрепил за пелопоннесским монастырем богородицы Мега-спилиотиссы владение метохами и другой недвижимостью в различных частях (τοποθεσίαι) деревни¹. Завещание Василия Модина, составленное в 1320 г., отчетливо показывает нам дробность динатского землевладения: Василий Модин передал Хиландарскому монастырю около 1000 модиев земли в деревне Аздравикий, которые лежали в 9 полях; среди них были участки в полтора, 3, 5 и 8 модиев. Кроме того, Модин передал монастырю мельницу в Янчице².

Процесс концентрации земельной собственности и поглощения мелкого землевладения протекал неравномерно в разных частях империи. Для выяснения этой неравномерности мы должны проанализировать состав дарителей монастырям в различных областях Византии.

Большинство вкладов, совершенных дарителями-крестьянами, относится к району Смирны, к владениям Лемвийского монастыря; в кодексе Лемвийского монастыря не только отмечены многочисленные вклады незначительного размера (несколько модиев земли, несколько олив), но и некоторые дарители прямо названы крестьянами (париками)³. В отличие от этого, в актах афонских монастырей и других монастырей из Македонии мы находим почти исключительно дарителей-феодалов. Так, Меникийский монастырь близ г. Серры получил имения, которые прежде принадлежали феодалам Никифору Мартину, Маргариту, этериарху Панарету. Даже Б. А. Панченко, анализируя акты Меникийского монастыря, должен был признать, что здесь мы «нигде не встречаем свободных крестьян»⁴. Точно так же он приходит к выводу, что большая часть земельных богатств монастыря Ватопеда

¹ Jus III, 703.25.

² Хил., № 53.

³ А. П. Каждан. Византийское сельское поселение, стр. 238—239.

⁴ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 190; ср. стр. 195.

образовалась из властельских земель¹. Анализ актов Хиландарского, Зографского, Русского и других монастырей на Афоне позволяет прийти к аналогичному заключению относительно происхождения их земельных владений.

Основная масса дарений, полученных Русским монастырем в XIV в., совершена сербской знатью². Более подробными сведениями мы располагаем для истории Хиландарского монастыря. Хрисовул императора Андроника II от 1299 г. подробно перечисляет монастырские владения, позволяя нам тем самым представить характер вкладов, сделанных еще в конце XIII в. Тут мы встречаем прежде всего вклад логофета дрома Метритопула, представлявший собою значительный участок земли (700 модиев)³. В другом месте, на реке Вардар, монастырь также обладал значительным массивом земли (900 модиев)⁴, который также представлял собою, повидимому, вклад дарителя-феодала. Затем хрисовул перечисляет ряд метохов с виноградниками, оливковыми деревьями и мельницами. Таков, например, метох богородицы в Рудаве, где жило 4 парика⁵, метох св. Димитрия с париками⁶, метох св. Николая на р. Стримон с париками⁷ и т. д. Лишь расположенные около г. Солуни виноградники, размеры которых не названы, могут рассматриваться, да и то предположительно, как дарения мелких вкладчиков.

Вклады, относящиеся к более позднему времени, тщательно фиксированы в монастырских документах. В 1300 г. монастырь приобрел деревню Кастрион⁸. В 1313 г. Андроник II пожаловал монастырю деревню Кутци на р. Стримон⁹. В 1314 г. были приобретены 2 небольших виноградника размером в 2,5 и 3 модия вблизи от монастырского метоха св. Юлии, в деревне Рупалия¹⁰. Но так как за эти виноградники монастырь обязан был платить ренту, можно предполагать, что земли эти были приобретены не от свободного крестьянина; возможно даже, что земля, на которой были разбиты эти виноградники, принадлежала прежде какому-то «латинскому» феодалу, так как рента была исчислена в дукатах.

¹ Б. А. Папченко, назв. соч., стр. 205.

² Русик, № 47 и 52. Об истории Русского монастыря на Афоне см. А. Soloviev. Histoire du monastère Russe. du Mont-Athos. Byz VIII (1933), p. 218.

³ Хил., № 13.75.

⁴ Хил., № 13.

⁵ Хил., № 13.68. Ср. № 19.78.

⁶ Хил., № 13.71.

⁷ Хил., № 13.66.

⁸ Хил., № 16.

⁹ Хил., № 26.85.

¹⁰ Хил., № 28.32.

В 1316 г. монастырь приобрел в Солуни 100 модиев государственной земли¹.

В хрисовуле Андроника II от 1317 г., наряду с крупными приобретениями в 100—200 модиев, названо и несколько мелких приобретений², однако социальная природа вкладчиков не может быть выяснена. В 1318 г. по приказанию императора монастырь получил от Михаила Неокесарита деревни Малука, Евнух и Липсохорий³. Он же передал и деревню Аздравикий, расположенную в устье Стримона⁴. Из описания границ этих деревень мы узнаем, что соседями Хиландарского монастыря были крупные собственники: афонские монастыри Ватопед, Иверский и лавра св. Афанасия.

К 1319 г. монастырю перешла и деревня Георгила⁵, а кроме того, некоторые владения и доходы (*κτῆματα διάφορα καὶ προζήματα*)⁶, природа которых не отражена в документах.

В 1321 г. монастырь получил большой вклад от некоего Василия Модина: 1000 модиев в деревне Аздравикий⁷. В то же время 80 модиев земли в Аздравикии были переданы монастырю неким Провенеангом, повидимому, родственником Василия Модина⁸. По просьбе сербского короля монастырь получил две деревни: Кумуцул и Крициану, и 500 модиев земли⁹. В том же году монастырь получил 500 модиев земли и 20 париков в районе Ерисса¹⁰.

Такой же характер вкладов вскрывают нам и акты Ксенофонтова монастыря. Опись 1300 г. перечисляет, помимо огромного метоха Стомий, еще ряд монастырских владений, обычно в 300 модиев каждое¹¹. Лишь изредка встречаются мелкие вклады¹². Опись владений Эсфигменова монастыря¹³ называет метохии с париками, хорафиями, мельницами, доли в деревнях, владения по 400 модиев, и лишь один раз говорит о небольшом вкладе — о хорафии недалеко от Иасита¹⁴. Акты из архива монастыря Кутлумуш постоянно говорят о крупных вкладах: в 1313 г. некто Косьма Панкалос подарил значи-

¹ Хил., № 31.14.

² Хил., № 32.

³ Хил., № 37 и 38.

⁴ Хил., № 39.5.

⁵ Хил., № 41.

⁶ Хил., № 48.5 и сл. № 49.6.

⁷ Хил., № 58.23.

⁸ Хил., № 59.13.

⁹ Хил., № 60.17 и сл.

¹⁰ Хил., № 72.

¹¹ Ксен., № 3.

¹² Ксен., № 7.350.

¹³ Эсф., № 12.

¹⁴ Эсф., № 12.34.

тельный массив земли монастырю Пандократора¹; большой вклад был сделан Кутлумушу Феодорой Кантакузиной². Лишь редко встречаются мелкие вклады, социальная природа дарителей которых остается, к сожалению, неясной; так, в 1327 г. Алипийский монастырь получил право на $\frac{1}{4}$ мельницы³. То же самое мы видим и при анализе описей Зографского монастыря и монастыря Пандократора. Повсеместно в районе р. Стримон мы можем наблюдать подавляющее преобладание крупных вкладов — дарений вкладчиков-феодалов.

Структура византийской большой деревни, являющейся основной хозяйственной ячейкой общества, была весьма сложной. Такая деревня состояла из центральной части, распадавшейся на лежавшие чересполосно хорафии, виноградники и сады (огороды), и обычно лесистой окраины, в которой делались займки. При этом количество общих земель, насколько можно судить по скудным источникам, в X—XIII вв. резко шло на убыль. Существования системы открытых полей проследить не удастся; крестьянин обычно трудился на своих наделах, которые он мог окружать рвом и межевыми камнями. Крестьянские земли были чрезвычайно мелкими, и в руках одного хозяина находились иногда десятки карликовых наделов.

Социальная структура византийского сельского поселения XIII—XIV вв. также была сложной: византийская деревня состояла из динатских усадеб, земли свободных и зависимых крестьян. Феодалное поместье еще далеко не повсюду поглотило мелкие и средние владения; к тому же на территории одной деревни подчас был расположен ряд феодалных владений, а каждое поместье распадалось на большое число полей. Однако процесс концентрации земельной собственности содействовал установлению единообразия византийского феодалного владения, подчинявшего себе деревню целиком.

Изучение структуры византийского сельского поселения позволяет наметить некоторые локальные различия в истории развития аграрных отношений: в малоазийских областях Византийской империи на протяжении всего XIII в. еще сохраняется значительное количество мелких крестьян-собственников, в то время как в Македонии крупное и среднее землевладение уже в начале XIV в. было, несомненно, почти исключительным типом земельной собственности.

¹ Кутл., № 8.

² Кутл., № 18.

³ Кутл., № 13.5—6.

Глава 3

ОБЩИНА

Основоположники марксизма-ленинизма уделяли вопросу об общине чрезвычайно большое внимание. Они высказали целый ряд замечательных мыслей о природе общинной собственности, которые и должны быть положены в основу изучения византийской общины.

Маркс указал, что «свободная частная собственность на землю — факт совсем недавнего происхождения...»¹. По мысли Маркса, на ранних этапах развития общества, когда в основе производства лежит сельское хозяйство, когда основным условием труда является земля, существуют иные формы собственности — существует общая собственность². Община, пишет Энгельс, «действительно устарела экономически, потеряла жизнеспособность в качестве формы земледельческого производства лишь с тех пор, как гигантский прогресс сельского хозяйства за последние сто лет превратил земледелие в научную дисциплину и привел к совершенно новым формам производства»³.

Маркс указал далее, что общая собственность складывается в разных формах⁴, и эти различия объясняются в первую очередь теми экономическими условиями, при которых племя присваивает добытые трудом плоды земли. Кроме того, всякая община изменяется в процессе исторического развития: общинные отношения подтачиваются ростом частной собственности, поэтому дуализм, раздвоение пронизывают весь организм

¹ К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1949, т. III, стр. 629, прим. 26.

² См. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 159.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 638.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 20, прим. 4. Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 693.

сельской общины в условиях классового общества¹. Однако развитие частной собственности в недрах общины не уничтожает общинного строя как такового: «община-марка, отказавшись от права периодического передела полей и лугов между отдельными своими членами, не уступила ни одного из всех прочих своих прав на эти земли. А эти права были весьма значительны»².

Таким образом, основоположники марксизма-ленинизма пришли к выводу, что в эпохи, предшествующие капиталистическому производству, всегда существовала общинная собственность на землю; община могла складываться в тех или иных формах, разъедавший ее дуализм мог быть более или менее острым, но она не была уничтожена до тех пор, пока вследствие роста производительных сил в земледелии не возникли совершенно иные формы производства, хотя в процессе своего развития община постепенно лишалась тех или иных отдельных прав.

Ведущей формой средневековой общины являлась соседская община, обозначаемая в исторической литературе древнегерманским термином «марка». Однако в Византии, как и в некоторых других средневековых государствах, сохранялся в пережиточной форме более архаичный тип общины: домашняя община, или большая семья. При этом большесемейное хозяйство существовало в рамках общины-марки.

В Византии еще в XIII—XIV вв. сохранялись пережитки большой семьи и семейной собственности. Совместное владение родственников засвидетельствовано в многочисленных актах, сохранившихся в кодексе Лемвийского монастыря³. Наличие семейной собственности на землю у крестьян малоазийского побережья XIII в. подтверждается тем фактом, что в купчих грамотах в качестве юридического лица выступает *мёрос*, за которым скрывается целый коллектив родственников⁴.

Семейная собственность существовала и в Трапезунде: в одном из вазелонских актов XIII в. мы узнаем о совместном владении 5 родственников (*συγγονικάρχοι*) землей в стаси Хулион⁵.

И в балканских областях империи мы можем наблюдать

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 695.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 634—635.

³ Большое число примеров приводит П. В. Безобразов. ВизВ, VII, (1900), стр. 160—161.

⁴ Г. Вернадский. Заметки о византийских купчих грамотах XIII в. Сборник в честь на В. Златарски, София, 1925, стр. 41 и сл.

⁵ Вазел., № 43 и 44.

сохранение большой семьи. Для XII в. она засвидетельствована грамотой императора Мануила I Комнина, пожалованной монастырю богоматери Милостивой: император разрешает жена-тым сыновьям монастырских крестьян жить, не отделяясь от своих отцов¹. В Кефалоникийской описи (XIII в.) зафиксировано существование больших семей, насчитывающих 19 и даже 30 человек². В XIV в. во владениях афонских монастырей нетрудно было встретить неразделенное имущество братьев³, зятя, поселившегося в семье своего тестя⁴, неотделившихся женатых сыновей⁵.

И здесь купчие грамоты сплошь да рядом называют в качестве юридического лица *μέρος*; при этом в балканских грамотах природа этого термина проступает особенно отчетливо; так, в одном акте из Фессалии юридическим лицом оказывается продавец «вместе со своим родом и ближайшими родственниками» (σὺν παντὶ τῷ γένει καὶ μέρει ἡμῶν)⁶. В хиландарских актах *μέρος* раскрывается как совокупность наследников и преемников⁷.

Впрочем, в XIII—XIV вв. термин *μέρος* теряет свое специальное значение и часто употребляется в смысле «сторона» вообще: речь может идти о «стороне» казны⁸ или о «стороне» монастыря⁹.

Относительно широкое распространение семейной собственности подтверждается еще и тем фактом, что образцовый формуляр византийских грамот, изданный К. Сафой, уделяет значительное внимание совместному владению родственников. Из этого формуляра мы узнаем, что семейное владение записывалось в один стих (параграф) описи¹⁰, т. е. совладельцы обязаны были совместно платить подати; в случае раздела земли подати также распределялись между делившимися родственниками¹¹.

Все эти факты показывают полную несостоятельность утверждения Г. Острогорского, что будто бы «ничего подобного сербской задруге мы... в византийской деревне не

¹ L. Petit. Le monastère de Notre-Dame de Pitié. ИРАИ, VI, 32.22.

² ММ, V, 43—44.

³ Хил., № 51.19; Зогр., № 15.

⁴ Зогр., № 29.

⁵ Хил., № 38.49; Зогр., № 15.

⁶ ММ, IV, 396.30.

⁷ πρὸς ἅπαν τὸ μέρος τοὺς κληρονόμους δηλαδὴ πάντας καὶ διαδόχους σου — Хил., № 12.9 и № 21.8.

⁸ Хил., № 6.13.

⁹ Хил., № 6.12.

¹⁰ C. Sathas. Bibliotheca graeca, VI, 618.2

¹¹ Там же, VI, 632.21.

наблюдаем»¹; на самом деле большая семья и семейная собственность в Византии имели широкое распространение. Но в то же время обращает на себя внимание постоянное упоминание в актах случаев раздела семейной собственности, что свидетельствует о несомненном ее вырождении. Часто семейная собственность проступает не в форме реального совместного землепользования, а как бы в усеченных, вырождающихся формах. Так, родственники могли иметь права на определенную долю выручки от проданного имущества своих родственников. Наиболее яркий пример такого случая мы находим в кодексе Лемвийского монастыря. В 1283 г. Феодор Гордата, землевладелец средней руки, вместе с женой продал Лемвийскому монастырю «родовые и наследственные строения» (*τοῖα καὶ κληρονομία οἰκήματα*); за эти строения монастырь уплатил Феодору Гордате и его жене 20 номисм, а 5 номисм получил зять продавцов стратиот Георгий Петриц².

В некоторых случаях совместные владельцы платили подать порознь. Такой случай отмечен в одном хиландарском акте: крестьянин деревни Мамициона Георгий Мавр владел землей совместно с мужем своей сестры Николаем, однако подати они платили порознь. Георгий Мавр обязан был платить 2 перпера, тогда как на долю Николая приходилось $\frac{1}{2}$ перпера³.

Но эти известия говорят лишь о процессе распада домашней общины, однако из них мы ничего не узнаем о том, насколько далеко он зашел. Для решения этого вопроса некоторые материалы дают описи македонских деревень XIV в. Они свидетельствуют о том, что большая семья встречалась в это время не часто.

Несколько преуменьшенные⁴ данные о численности населения византийских деревень свидетельствуют о сравнительной редкости большесемейных хозяйств. Так, в деревне Хандак средняя численность семьи не превышала 3 человек и лишь одна семья насчитывала 5 членов. В деревне Ерисс семья в среднем состояла из 4 человек, и из 12 хозяйств только одно может быть отнесено к большесемейным: речь

¹ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. *Byzantinoslavica*, IX (1948), стр. 242. Наличие большой семьи в XIV в. допускает Вл. Мошин. Зографские практики. Сборник в память на проф. Петър Ников, София, 1940, стр. 297.

² MM, IV, 100.

³ Хил., № 92, 106—110.

⁴ Г. Острогорский, *Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica*, IX (1948), стр. 212, предположил, что описи не учитывают детей и отмечают лишь работоспособных членов крестьянских семей. Однако это, хотя и правдоподобное, предположение Г. Острогорского не может быть распространено безоговорочно на все описи, ибо в некоторых из них прямо сказано, что они учитывали даже грудных детей (*παῖδες ὑπομάζιοι*) — Эсф., стр. XIV.3.

идет о семье, состоявшей из 7 (взрослых) членов. Несколько больший удельный вес составляли большие семьи во владениях Георгия Вардана в селе Градец; здесь из 26 семей две насчитывали по 8 человек взрослых и две — по 7.

В поздней Византии основной формой общины являлась соседская община (марка).

Не вызывает никаких сомнений факт ее существования в X—XI вв. В новеллах X в. деревня выступает как сельская община (*ὁμῆς, κοινότης*), и при отчуждении земли приходится, по характерному выражению новеллы Романа II, «отрезать участок от сельской общины»¹. «Трактат об обложении»², сборник судебных решений первой половины XI в. Пира (XXXVII, 2), акты Патмосского монастыря Иоанна Богослова³ свидетельствуют о существовании общих земель в византийской деревне. Более сложен вопрос об общине в поздней Византии.

Прежде чем перейти к рассмотрению известных византийских источников о поздневизантийской общине-марке, необходимо остановиться на истолковании одного термина, которому Ф. И. Успенский приписал, с нашей точки зрения произвольно, значение «свободные общинники». Мы имеем в виду термин эпик (*ἐπικοί*).

Резко противопоставляя термины эпик и парик, Ф. И. Успенский писал: «Мы примем термин эпик (поселянин) для свободного крестьянина-общинника и термин парик для зависимого (присельник)»⁴. Этому выводу Ф. И. Успенский придавал безусловное значение и считал, что уже один факт применения термина эпик позволяет утверждать, что перед нами — свободное (по преимуществу славянское) общинное крестьянство. Так, например, — и этот случай является очень характерным, — Ф. И. Успенский, исходя из того только, что в льготной грамоте императора Андроника II жителям города Янины (1319 г.) последние названы эпиками, пришел к выводу, что они были свободными общинниками

¹ τόπον ἀπὸ τῆς ὁμάδος τοῦ χωρίου ἀποτμήειν — Jus, III, 283.20.

² «Трактат об обложении» отмечает, что некоторые крестьяне переносят свои дома в «долю всей деревни» (*ἐν μέρει τινὶ τῆς ὅλης ὁποταγῆς τοῦ χωρίου*) (Тракт., стр. 115.36). G. Ostrogorsky, Die ländliche Steuergemeinde des byz. Reiches im X. Jhdt., Vierteljahrschrift f. Soc. u. Wirtschaftsgeschichte, 1927, S. 93, фальсифицирует это место в угоду фискальной теории, отрицающей существование экономической общности византийской деревни, и переводит: «в сторону (abseits) от деревенской округи...» Таковы приемы буржуазной византистики.

³ Из-за этих земель монастырь вел тяжбы с соседними деревнями. MM, VI, 39.

⁴ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ССХХV (1883), стр. 313.

и что Янина представляла собой жупу-комитуру¹. Между тем, эта грамота, содержащая чрезвычайно ценный материал для характеристики социальных отношений в Янине, на самом деле рисует нам совершенно иную картину. Мы узнаем из нее о том, что некоторые жители Янины имели пронии и обязаны были отбывать военную службу; те же, кто не имел проний, не должны были привлекаться к несению воинской службы за пределами города². Жители Янины имели своих париков, и им было запрещено переманивать на свои земли чужих париков³. Эти факты позволяют нам совершенно иначе, чем это сделал Ф. И. Успенский, представить подлинное социальное лицо тех жителей Янины, которых имеет в виду грамота 1319 г.; очевидно, что это представители феодального класса, владевшие крепостными крестьянами. К городу Янина был приписан ряд деревень⁴, земли в которых принадлежали янинским феодалам.

Теория Ф. И. Успенского относительно термина эпик давно уже подвергалась критике в русской исторической науке: уже Н. Скабаланович утверждал на основании изучения большого количества источников, что термин эпик не обозначает свободных крестьян-общинников⁵. Б. А. Панченко, полемизируя с Ф. И. Успенским, привел значительный материал, показывающий, что мы далеко не всегда можем противопоставлять эпиков и париков⁶. Впрочем, Б. А. Панченко не был последовательным в своей критике представлений Ф. И. Успенского об эпиках и иногда колебался, принимая взгляды последнего⁷.

Критические замечания Н. Скабалановича и Б. А. Панченко не заставили Ф. И. Успенского отказаться от своей прежней точки зрения; он остался на ней и в своих поздних работах⁸. Предложенное Ф. И. Успенским истолкование термина эпик было принято и некоторыми советскими историками: учеником Ф. И. Успенского—И. Соколовым⁹ и Б. Т. Горяно-

¹ Ф. И. Успенский, назв. соч., стр. 345 и сл. Этой же точки зрения держится и Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВизВ, III (1950), стр. 48—49.

² ММ, V, 81.17.

³ ММ, V, 83.20.

⁴ ММ, V, 82.33. и сл. Об эпиках Янины см. еще ММ, I, 171. 11.

⁵ Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 243.

⁶ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 146, 149, 164, 167, 207 и особенно стр. 153.

⁷ Там же, стр. 168 и стр. 179, пр. 2.

⁸ Ф. И. Успенский, ВизВ, 1926, стр. 98—99. Ср. «Вазелонские акты». Л., 1927, стр. С и СХІХ.

⁹ И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. Изв. АН СССР, ООИ, 1931, стр. 686.

вым¹, хотя новых аргументов в доказательство справедливости этого положения они не приводили.

Анализируя термин *эпик*, мы ни в коей мере не можем согласиться с мнением Ф. И. Успенского о том, что он всегда употребляется для обозначения «свободного крестьянина-общинника». Сплошь да рядом этот термин имеет и более широкое и вместе с тем достаточно неопределенное значение: «поселенец», «житель». В одном из актов мы встречаем, например, следующее выражение: «Все эпикι этого катепанства: священники, воины и весь простой народ»². В известной уже нам грамоте 1319 г. указывается, что янинские евреи живут в городе на тех правах, что и остальные эпикι³, т. е. грамота включает и их в состав эпиков Янины. Термин *эпик* применяется к жителям таких городов, которые мы ни в коей мере не могли бы рассматривать как жупу-комитурυ: к жителям Константинополя⁴, Редесто, Солуни и других крупных городов⁵.

Таким образом, мы видим, что термин *эпик* достаточно часто применялся в значении «житель» вообще, и поэтому естественно предположить, что грамота 1319 г. имеет в виду не общинников (членов жупы-комитурυ), но жителей города Янины и представляет собою льготную грамоту горожанам, подобную льготным грамотам Монеμвасии.

Поскольку термин *эпик* мог обозначать просто «житель», то его применяли и по отношению к зависимому крестьянству. Эпикι деревни Вари должны были выполнять паричские повинности⁶. В актах афонских монастырей мы встречаем эпиков в деревне Аврамиты, где они владеют паричским имуществом⁷. Монастыри распоряжаются землей эпиков⁸, на что обратил внимание уже П. Безобразов, считавший, что этот факт противоречит представлению Ф. И. Успенского об эпиках как о свободных собственниках⁹. Одна недатированная грамота освобождает монастырь от поборов чиновников

¹ Б. Т. Горянов. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении. ВизВ, I (1947), стр. 53 и сл.

² οἱ ἐποίκοι πάντες τοῦ τοιοῦτου κατεπανικίου, ἱεράμενοι, στρατεύόμενοι καὶ ὁ κοινὸς ἅπας λαός. — С. Sathas, op. cit., VI, 641. 20

³ κατὰ τοὺς λοιποὺς ἐποίκοις αὐτῆς. — MM, V, 83.34.

⁴ Jus, III, 638. 7; Pachymeres, I, 163.19.

⁵ Хил., № 9.58; Ксен., № 11. 103; Ватоп., стр. 12. 28; MM, I, 175. 9; С. Sathas, op. cit., VI, 642.13 и 644.12. Г. Баласчиев, ИРАИ, IV (1899), стр. 193. 34, Attaleiates, p. 203.10.

⁶ MM, IV. 255. 29.

⁷ Ксен., № 2. 33.

⁸ Хил., № 92. 108.

⁹ П. В. Безобразов. Афонские акты. Византийское обозрение. I (1915), стр. 61.

из-за его нужды и из-за бедности его эпиков, чтобы эти последние не бежали (ἐκφεύγειν) из монастырских владений¹.

В то же время термин эпик применялся и для обозначения крестьян-общинников. Ф. И. Успенский бесспорно прав, когда полагает, что эпики деревни Дрианувена были общинниками²; об этом достаточно убедительно свидетельствует то, что они совместно распоряжались своей землей.

Мы видим, что термин эпик не имеет того точного социального значения, которое приписывал ему Ф. И. Успенский; он применялся в отдельных случаях для обозначения крестьян-общинников, но им обозначали и жителей городов. Поэтому нельзя на основании одного только употребления этого термина приходить к выводу, что мы имеем дело со свободной крестьянской деревней-общиной.

Переходя к изучению данных источников относительно общины, следует отметить, что чрезвычайно сложной проблемой является вопрос о существовании в византийской деревне периодических переделов. Ф. И. Успенский решительно настаивал на том, что в византийской деревне существовали периодические переделы³. В качестве доказательств он привлекал известное постановление «Земледельческого закона» (ст. 8) о μερίσμός и упоминание μερίσμός в постановлении магистра Косьмы (X в.)⁴. Оппоненты Ф. И. Успенского указывали, однако, что упоминание μερίσμός ни в «Земледельческом законе», ни в постановлении магистра Косьмы не дает основания для подобной гипотезы, ибо термин μερίσμός в обоих случаях может быть истолкован как раздел: они полагали, следовательно, что оба источника говорят лишь о разделе до сих пор еще не поделенной земли⁵. Однако и до последнего времени вопрос этот продолжал оставаться открытым.

Сравнительно недавно вопрос о периодических переделах земли в византийской деревне стал предметом исследования Е. Э. Липшиц, которая пришла к убедительному выводу, что «ни в Земледельческом законе, ни в других современных ему источниках нет указаний на существование периодических переделов земли. Против предположения о наличии периодического перераспределения земель предусмо-

¹ Эф., № 11.24.

² Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии, стр. 310 и сл.

³ Ф. И. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии, ЖМНП, ССІХ (1888), стр. 248.

⁴ Изд. Ф. Успенский — В. Бенешевич, Вазелонские акты. Л. 1927, стр. XXXVI.

⁵ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 70. П. Мутафчиев. Селското земевладение в Византия, стр. 25. G. Platon. Observations sur le droit de *protímēsis* dans le droit byzantin, 1906, p. 83, n. 2.

тренная законом в ст. 5 возможность обмена землями между земледельцами навсегда (εἰς τὸ διγυγυχέс)»¹. Иначе толкует Е. Э. Липшиц постановление магистра Косьмы, в котором она хочет видеть, пусть с некоторыми оговорками, указание на «реально происходивший на практике... передел всей общинной земли»².

Однако от внимания Ф. И. Успенского и Е. Э. Липшиц ускользнул один факт, заставляющий усомниться в правильности предложенного ими истолкования постановления магистра Косьмы.

Сохранился и давно уже был издан документ, составленный в середине X в. и говорящий о проведении раздела между жителями местечка Ерисс и афонскими монахами; этот акт ссылается на «решение знаменитого магистра Косьмы»³, т. е. как раз на то постановление, анализ которого привел названных исследователей к выводу о существовании переделов общинной земли.

А это означает, что сами современники видели в постановлении магистра Косьмы о *μερίσμος* решение, касающееся не систематических переделов, а раздела, или, правильнее сказать, пересмотра раздела земли между соседями.

Наиболее трудным местом в тексте постановления магистра Косьмы, решающим в то же время вопрос о его истолковании, является определение природы земельных наделов. Магистр Косьма употребляет выражение: *αἱ μερίδες ἀναχοίωσται*. По мнению Е. Э. Липшиц, это выражение следует переводить: «доли принадлежали к общине». Тем самым Е. Э. Липшиц примыкает к старому, предложенному еще Цахариз фон-Лингенталем⁴ истолкованию термина *ἀναχοίωσις* как «община». Однако такое истолкование никак нельзя признать убедительным, так как в источниках мы постоянно встречаем выражение: «иметь *ἀναχοίωσις*». Так, в Пире (L. 1) мы находим следующий казус: «у тебя есть дом, к которому я имею *ἀναχοίωσις*». В другом параграфе этого же памятника (Пира, L. 3) разбирается случай, когда к большому дому некто имеет «малую *ἀναχοίωσις*». В новелле императора Мануила Комнина от 1166 г. идет речь о продаже недвижимости, к которой

¹ Е. Э. Л и п ш и ц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 119. Вступая в противоречие с собственным выводом, автор несколько ниже обнаруживает в ст. 8 «постановления о переделах земли» (стр. 121).

² Там же, стр. 120.

³ Александр Лаврский. ВизВ, V (1898), стр. 485.29. Ср. Лавра, № 5.7—8 (943 г.).

⁴ К. Е. Zachariae von Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berl. 1892, S. 245.

некто имеет ἀνακοίνωσις¹. Во всех этих случаях термин ἀνακοίνωσις никак нельзя перевести «община»; выражение «иметь ἀνακοίνωσις» означает: быть соседом, соседить. В том же смысле употребляет этот термин и «Трактат об обложении», где идет речь о землях, не лежащих мелкими наделами (εἰς κατατοράς) и не имеющих соседства (ἀνακοίνωσις) со всей остальной территорией деревни (μετὰ τῆς λοιπῆς ὑποταγῆς τοῦ χωρίου)². Очень важное значение для понимания текста постановления магистра Косьмы имеет дело монастыря Влахна, изложенное в Пире (XV. 10). Монастырь имел ἀνακοίνωσις к деревне Риакии, но границы владений слились (συνεχύθησαν οἱ ὅροι), и нельзя было отделить владений монастыря от владений деревни. Судья, разбиравший тяжбу, постановил, что монастырь может получить свое владение, если ему удастся представить какие-нибудь писанные или устные свидетельства; если же это не удастся, то он должен получить в результате передела всей территории деревни (ἐξ ἀναδασμοῦ τοῦ ὅλου ὑποταγμένου τοῦ χωρίου) причитающуюся ему землю пропорционально сумме платимых им податей.

Анализируя дело монастыря Влахна, мы видим прежде всего, что термин ἀνακοίνωσις не мог обозначать «общину», ибо монастырь ни в коем случае не мог «иметь общину» к деревне Риакии³. Решение по этой тяжбе показывает нам, что передел всей территории деревни происходил в том случае, если почему-либо оказывались неясными границы между соседними владениями.

После этих предварительных замечаний мы можем перейти к анализу самого текста постановления магистра Косьмы, чрезвычайно трудного для понимания. Магистр Косьма указывает, как должен происходить передел: «Пусть вновь будет объединена вся территория и слиты границы (ἵνα καὶ πάλιν κοινονοῦται πᾶσα ἡ ὑποταγὴ καὶ συνεχέωνται τὰ ὅρια), — он употребляет при этом те же термины, что и Пира при изложении дела монастыря Влахна, — а затем будет произведен раздел поля между ними (πρὸς ἕκαστον αὐτῶν) соразмерно наделам, с учетом не только количества наделяемой земли, но и качества ее». Этому указанию предшествует определение условий, при которых может быть произведен раздел: 1) если наделы принадлежат к одной территории, 2) если они платят подати

¹ Jus, III, 465.15.

² Тракт., стр. 116.22.

³ Монастырь Иоанна Богослова имел в XI в. на острове Лерос ἀνακεκοινωμένην νομήν с париками двух соседних ἀγροί. После долгих споров было решено отделиться: περιόρισαι καὶ λαβράτωσαι — MM, VI, 39. 1—5. Ἀνακοίνωσις давал известные права на соседний участок; земли, свободные от такого права, назывались ἰδιοπερίοριστα.

по единой разверстке, 3) если они являются соседними, 4) если не прошло еще 30 лет с момента раздела.

Такая детальная разработка условий совершенно непонятна, если мы вместе с Ф. И. Успенским пересмотрим постановление магистра Косьмы будем рассматривать как систематические переделы; особенно непонятно запрещение проводить передел после 30 лет с момента предыдущего передела. Но если мы будем истолковывать постановление магистра Косьмы в соответствии с лаврским актом середины X в. и постановлением Пиры по делу монастыря Влахна как постановление о повторном переделе в случае неясности границ, то станет совершенно понятной необходимость строго оговорить условия, при которых возможно проведение вторичного раздела, и особенно — необходимость запретить проведение его позднее, чем через 30 лет после первого раздела, ибо 30 лет были обычным в римском и византийском праве сроком давности, после которого уже нельзя было возвращаться к пересмотру прав собственности.

Все это показывает, что у нас нет никаких оснований находить в постановлении магистра Косьмы, вразрез с нормами «Земледельческого закона», указание на существование систематических переделов; в постановлении магистра Косьмы идет речь о том, что в случае недовольства проведенным разделом между двумя (или большим количеством) собственниками, можно провести новый раздел.

Но если систематических переделов не существовало в византийской деревне VIII—X вв.¹, то у нас нет никаких оснований полагать, что такие переделы могли иметь место в поздневизантийской деревне. Этому противоречит весь облик византийской деревни XIII—XIV вв., где не только сады и виноградники, но и хорафии включаются в состав стаси, обносятся забором или рвом и эксплуатируются независимо от остальной деревни.

Однако отсутствие систематических переделов в византийской деревне отнюдь не позволяет рассматривать византийскую деревню как деревню частных собственников. Мы уже приводили указание Ф. Энгельса о том, что марка, отказавшись от права периодически совершать переделы полей между отдельными членами, не перестает от этого быть общиной².

Общинные отношения сохранялись неравномерно в разных частях Византийской империи. Особенно долго общинные отношения держались в горных районах Византии. Еще в XIV в.

¹ В Византии имели место переделы, проводившиеся податными чиновниками, с целью поддержать определенное соответствие между размерами земли и податей.

² См. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 634.

в горах Фессалии жили кочевники-албанцы, у которых сохранялся родо-племенной строй: во главе племен стояли племенные вожди, филархи¹. В Пелопоннесе, в горах Друнга, в XIII в. жили славянские племена, которые оказали упорное сопротивление западным феодалам, вторгшимся в Пелопоннес; славяне XIII в., подобно своим предкам, обязаны были только нести военную службу и не отбывали той барщины, которую выполняло население, жившее в открытых долинах². Подобно своим предкам, славяне Друнга, видимо, и в XIII в. жили общинами³. Община Дрианувена (повидимому, славянская) в Фессалии в XIII в. не только обладала своей землей, которую жители деревни могли отчуждать по общему решению, но и распределяла между крестьянами возложенные на общину подати⁴.

Но не только в горных областях Византии сохранялась в

² The Cronicle of Morea, ed. I. S c h m i t t, Lond., 1904, vers. 3015 sqq.

⁴ MM, IV, 392. 15-27.

⁶ *Pachymeres*, II, 193 sqq.

XIII—XIV вв. сельская община. В малоазийских фемах империи сельская община в XIII в. часто выступает во время земельных тяжб против наступающих на нее феодалов¹.

Даже в районе Солуни, где крупная феодальная собственность была преобладающей, общинная собственность сохранялась вплоть до XIV в. Обычно, правда, мы встречаемся с общинной собственностью в момент ее отчуждения, однако формы этого отчуждения чрезвычайно любопытны: человек, покупавший общую собственность, обязан был предоставить соседям известные права на эту землю. Из актов афонской лавры св. Афанасия мы узнаем о том, что в 941 г. жителям Солуни была продана по частям запустевшая земля по чрезвычайно низкой цене (50 модиев за 1 номисму); при этом купчие грамоты оговаривают, что никто из покупателей не должен препятствовать другому ни в рубке дров, ни в пастьбе скота на купленной им земле². В другой грамоте лавры св. Афанасия говорится, что некий монах «должен иметь право рубить дрова и собирать каштаны на земле Краввата, так как он является [его] соседом»³: повидимому, земля Краввата была частью прежних общинных земель.

Существование таких общинных земель в самом конце XII в. зафиксировано одним хиландарским актом, который свидетельствует, что основатель Хиландарского монастыря Савва, купив в 1193 г. землю, поросшую деревьями, предоставил своим соседям право «рубить деревья для построек или на дрова, собирать сено и каштаны»⁴.

Наличие определенных прав общности на эти земли может быть объяснено только тем, что в прошлом они представляли собой общинные земли.

Мы видим, что распоряжение общинными угодьями, переходившими в частные руки, первоначально оказывалось стесненным верховенством общины; устанавливая права соседей на

¹ MM, IV, 293—294; MM, VI, 212—214 и др.

² Александр Лаврский. ВизВ, V (1898), стр. 485.6. Ср. Лавра, № 3.28. G. Ostrogorsky, The peasant's preemption right. Journal of Roman Studies, XXXVII (1947), p. 122—125, подчеркивая, что в середине X в. в районе Солуни было распродано большое количество земель такого типа, иначе трактует природу этих земельных владений. По его мнению, это были земли, прежде находившиеся в частной собственности, но запустевшие после набега арабов в 904 г. на Солунь. Через 30 лет эпопты стали распродавать эти земли в соответствии с нормами «Трактата об обложении». Не говоря о том, что это объяснение совершенно произвольно, Г. Острогорский оставляет в стороне самое существенное: наличие определенных прав общности, которые продолжали существовать в отношении этих земель. Он даже не ставит вопроса о них.

³ Лавра, № 19.31.

⁴ Хил., № 2.53.

чужую землю, община, повидимому, ограничивала и право распоряжения этими участками. Для того чтобы обеспечить соседям право собирать каштаны и косить сено на соседнем участке, некогда являвшемся общинным владением, необходимо было запретить его владельцу превращать эту землю в какой-либо другой вид угодий: «община передавала свои поля отдельным лицам только для использования их как пашни и луга, но не для какой-нибудь другой цели»¹.

Несмотря на то, что в X—XII вв. в районе Солуни происходил, как мы видим, раздел общих угодий, они сохранялись здесь еще и в XIV в. Обычно это были земли, лежавшие между владениями двух земельных собственников. В некоторых случаях соседям разрешалось использовать общие (ничьи) земли; например, если там находился орешник, то обоим соседям разрешалось собирать орехи². В других случаях мы знаем о том, что соседям строгойше запрещалось запахивать эти пограничные земли³. В общей собственности крестьян находились в XIV в. такие угодья, как места удобные для рыбной ловли⁴.

Акты XIV в. отмечают в деревнях этого района существование каких-то земель помимо крестьянских стасей — «особь от паричских стасей», как говорится в хиландарском практике. Первый издатель хиландарского практика Ф. И. Успенский без колебаний утверждал, что эта земля является общинной землей⁵, однако это утверждение явилось несколько поспешным. Издание новых византийских описей показало, что эти земли в одних случаях обрабатывались феодалом с помощью паричских барщин, а в других — с них шла феодальная рента, несколько отличавшаяся от обычной крестьянской ренты, платимой со стасей. Мы увидим, что эти земли более правильно считать домениальными, однако весьма вероятным является предположение, что эти домениальные земли возникли в результате захвата феодалами общинных земель.

Там, где общинная собственность уже не существовала в чистом виде, сохранялись ее пережитки в виде сильно развитых прав на чужую землю. Последние отчетливо проявляются прежде всего в форме права владеть строениями и насаждениями на чужой земле. Византийские документы из района Смирны неоднократно упоминают случаи, когда на земле, принадлежавшей одному, стояли деревья, принадлежавшие

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 635.

² Хил., № 19.94.

³ Русик, стр. 92—94. Ср. для района Смирны — ММ, IV, 181. 10—11.

⁴ Хил., № 62.16.

⁵ Ф. И. Успенский. Материалы для истории землевладения XIV в. Учен. зап. Новороссийского ун-та, XXXVIII (1883), стр. 24.

другому. В 1283 г. жена Гордаты продала Лемвийскому монастырю участок; стоявший на нем дом и некоторые деревья принадлежали Левунине, а другие деревья — Георгию Петрицу¹. Передавая в качестве вклада тому же монастырю дубы, Марфа Фракисина отметила: «Земля, на которой стоят дубы, принадлежит Вране»².

Далее, эти пережитки общинной собственности проявлялись в форме так называемого права близости, дававшего соседям предпочтение (*προτίμησις*) при покупке соседнего участка. Право преимущественной покупки, широко распространенное в X—XI вв., сохранялось и в поздней Византии: в XIII в. игумен Лемвийского монастыря принес императору жалобу на то, что некий Кациварин продал хорафий, «близкий» к владениям монастыря, стратиоту Варихиру, даже не оповестив об этом монахов. После долгой борьбы с Варихиром монастырь все же сумел получить спорную землю³. Когда в 1392 г. один из обедневших афонских монастырей продал часть своей земли Димитрию Ласкарю, Хиландарский монастырь, имевший на эту землю право близости, добился того, что земля была передана ему⁴.

Византийское право требовало, чтобы при продаже земли продавец обратился к субъекту права близости с формальным предложением купить эту землю; если сосед не собирался купить ее, он должен был отказаться от своего права. В акте 1193 г. рассказывается, что двое землевладельцев, продававших виноградник, получили формальный отказ от всех своих *πλησιασταί* и поэтому могут продать виноградник некоему нотарию Льву Оресту⁵. В 1270 г. монастырь Ватопед просил у Солунской митрополии дать ему отказ от права близости⁶. Отказ субъекта права близости от своих претензий заносился иногда в купчую грамоту: рядом со штрафом, который грозил продавцу за нарушение условий сделки, заносился и штраф, угрожавший «ближайшему»⁷. Когда в 1305 г. был продан виноградник, близкий (*πλησίον*) к владениям четырех лиц, один из них, Михаил Врихон, поставил на грамоте *signum* в знак своего отказа от права близости (*δίκαιον τοῦ πλησιασμοῦ*)⁸.

Экономическое единство византийской деревни порождало ее административное единство. М. Я. Слюзюмов очень убедительно

¹ ММ, IV, 100.30 и сл.

² ММ, IV, 113.10.

³ ММ, IV, 153—155.

⁴ Хил., № 160.15.

⁵ ММ, VI, 125. 16—17.

⁶ Зогр., № 8.11. Ср. ММ, VI, 125.15.

⁷ Хил., № 12.53 и сл.

⁸ Кутл., № 7.31.

показал, что жители фокидской деревни X в. могли не допустить чужаков поселиться на их территории¹.

Вплоть до XIII в. в некоторых деревнях существовали свои должностные лица. Практор общины Приновари (πράκτωρ χωρίου τοῦ Πρινοβάρεως) выступал вместе с крестьянами в их тяжбе против Лемвийского монастыря². Во многих деревнях мы встречаем деревенских нотариусов³.

Члены общины были связаны между собой круговой порукой. В уставе фракийского монастыря богородицы Космосотиры (1152 г.) было оговорено, что в случае поджога монастырских зданий жители того села, к которому принадлежал поджигатель, должны были на общественный счет выстроить сожженные здания заново, если только поджигатель остался неизвестным⁴.

Круговая порука византийской общины была использована государством в целях взимания податей: крестьяне должны были отвечать друг за друга перед лицом податных сборщиков. Существование фискальной круговой поруки хорошо засвидетельствовано для X в., но чрезвычайно сложным и спорным остается вопрос о сохранении ее в более поздний период⁵. Однако мы вправе говорить о ее сохранении, по меньшей мере, в XI—XII вв. В акте 1097 г. идет речь о передаче недвижимости с сохранением права взаимного наследования и обязанности выполнять требования круговой поруки (ἀλληλοεγγύως καὶ ἀλληλοδιαδόχως)⁶. Еще более интересные известия о фискальной круговой поруке мы находим в одном сочинении кипрского архиепископа Николая Музалона (ок. 1110 г.); он рисует страшную картину появления в деревне сборщиков налогов: они связывают по рукам и ногам тех, кто не может внести подати, а вместе с ними привязывают голодных собак, которые кусают и рвут их. Если и в этом случае, продолжает Музалон, сборщикам податей не удастся взыскать недоимок, они хватают другого крестьянина по круговой поруке (ἀλληλεγγύως)⁷.

¹ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. Учен. зап. Сverdловского пединститута, IV (1948), стр. 63. Он сравнивает этот обычай с известной статьей «Салической правды», тит. XLV, § 1.

² MM, IV, 173.27 и 159.1.

³ MM, IV, 173. 31; 198. 26; 232.11.

⁴ Косм., стр. 66.38.

⁵ Г. Острогорский. Византийский податный устав. Сб. в честь Н. П. Кондакова, Прага, 1926 г., стр. 115—116. F. Dölger, Beiträge z. Gesch. d. byz. Finanzverwaltung. Münch. 1927 и BZ, XXXVI (1936), S. 158. G. Rouillard. L'épibolé au temps d'Aléxis Comnène, Byz., X (1935), pp. 81—85.

⁶ Александр Лаврский. ВизВ, IX (1902), стр. 129.21.

⁷ F. Dölger. Zu dem Abdankungsgedicht des Nicolaos Muzalon. BZ, XXXV (1935), S. 14.

Византийская община обладала и значительной судебной самостоятельностью, сохранявшейся вплоть до XIII—XIV вв. Земельные тяжбы разрешались в суде, состоявшем из местных жителей. Из актов Лемвийского монастыря мы узнаем, например, что в 1280 г. были созданы местные стратиоты и домохозяева (οἰκοδεσπόται) деревни Мантея, которых акт называет судьями (κριταί)¹. В 1235 г. для решения некоей тяжбы были созданы местные жители, которые разбирали дело вместе со смирнскими чиновниками². Иногда для судебного разбирательства созывалась вся община; так, в начале XIII в. митрополит Мануил творил суд в присутствии «почти всей земли»³. Точно так же «миротворящие люди» (εἰρηνοποιοὶ ἄνθρωποι) участвовали в судопроизводстве в Трапезунде⁴.

Сельский суд совершал правосудие по примитивным, древним формам судопроизводства: он собирался на спорном месте⁵, решающую роль играли показания стариков и старух или каких-нибудь знающих людей⁶. В ранней Византии сохранялись элементы «божьего суда»: например, обличение вора путем вкушения священного хлеба⁷. Кое-какие элементы «божьего суда» дожили и до более позднего времени: так, в XIII—XIV вв. нередко при возникновении земельной тяжбы применяли так называемую ставродиабасию, т. е. обход свидетелей с крестом по старым межам⁸.

Изучение природы византийской поземельной собственности не позволяет нам согласиться с выводами Б. А. Панченко о господстве в Византии частной собственности на землю. Не можем мы принять и мнение Г. Острогорского и других сторонников фискальной теории: источники раскрывают исторически сложившуюся общность византийского крестьянства. Византийская община существовала как экономическое и административное единство, причем именно экономическая общность являлась её основой.

¹ MM, IV, 128. 15—20.

² MM, IV, 38. 11.

³ παρουσία... σχέδον εἰπεῖν ὅλης τῆς χώρας — MM, VI, 155.6. Сходные формулы встречаются и в актах из балканских областей империи: συνέλθοντο μὲν παντὸς ἀπο μικροῦ εἰς μεγάλου — Лавра, № 16.6 и ἡ χώρα ἐξεῖπεν ὅς περὶ τοῦτων (земля тебя уличила) — А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., № 4. 5.

⁴ Вазел., № 81.7.

⁵ εἰς τὸν τόπον, ἐνθα καὶ διένεξις ἦν — MM, IV, 229, Ср. Вазел., № 120. 6.

⁶ MM, IV, 180, 187, 240 и др.

⁷ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. Учен. зап. Свирдловского пединститута, IV (1948), стр. 63. Ph. Koukolès — R. Guiland, Voleurs et prisons à Buzance. Revue des Etudes Grecques, 61 (1948).

⁸ MM, IV, 42,4; MM, VI, 10.28. Ср. еще Русик, стр. 34—35.

Глава 4

ОБЩИНА И ФЕОДАЛ

Русские византинисты, и прежде всего Ф. И. Успенский, правильно указывали на то, что византийская община сохраняется вплоть до самого конца существования империи и даже переживает падение Константинополя. Однако В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский идеализировали византийскую общину, ибо они видели в ней опору «православного царства»; В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский не усматривали принципиального различия между общиной доклассовой и общиной в условиях феодального общества, считая византийскую общину в основном свободной общиной. Закабаление крестьян было в их глазах тождественно прекращению общинности.

На самом же деле значительная часть византийских общин была подчинена феодалами, которые присваивали себе общинные права и захватывали общинные угодья. И в византийской деревне совершался тот процесс, о котором Энгельс говорит в «Марке»: «...новые помещики становились членами марки, и первоначально в пределах марки они были только равноправны с остальными свободными и зависимыми общинниками, даже с собственными крепостными. Но вскоре, несмотря на упорное сопротивление крестьян, они приобрели во многих местах привилегии в марке, а подчас даже сумели подчинить ее своей господской власти. И все же старая община-марка продолжала свое существование, хотя и под господской опекой»¹.

Мы уже отмечали факты, свидетельствующие о концентрации земельной собственности в руках феодалов. Рассмотрим теперь те методы, которые применяли крупные собственники для приобретения крестьянских земель и земель владельцев средней руки. Яркий, хотя и не очень обильный,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 639.

материал для изучения этого вопроса содержат акты XIII — XIV вв. Они показывают, что обман и прямое насилие составляли важнейшее «оружие» в арсенале средств, применявшихся феодалами для захвата крестьянских земель.

Акты Лемвийского монастыря свидетельствуют, что «благочестивые» жертвователи сплошь да рядом обделяли своих наследников, передавая имущество богатому монастырю. В Лемвийском кодексе сохранилась группа актов, относящихся к завещанию землевладельца деревни Мантея Максима Планита, который передал Лемвийскому монастырю все свое имущество, оставив без земли и своего брата и дальних родственников, отсутствовавших в это время в деревне¹.

Русские византинисты не раз уже обращали внимание на то, что монахи в борьбе за землю не брезговали составлением поддельных грамот, сутяжничали из-за клочков земли². Не отставали от них в этом и светские землевладельцы. В начале XIV в. Иоанн Ватац заключил сделку с Хиландарским монастырем, но затем, решив изменить условия, составил поддельную грамоту; после этого он отправился к епископу Кесарополя и, принеся клятву на кресте, убедил епископа скрепить эту поддельную грамоту³. В 1366 г. при разборе завещания великого примикирия Исари было установлено, что оно писано разными чернилами, и его признали поддельным⁴. Подобная же подделка положила начало долгой тяжбе, о которой рассказывает грамота милетского митрополита Мануила (начало XIII в.). Основатель и владелец монастыря Иоанна Ватского Куцуманик вписал землю крестьянской семьи Ламбонов в опись владений основанного им монастыря, а затем в течение долгого времени принуждал их совершить дарение в его пользу⁵.

Во время земельных тяжб византийские феодалы постоянно применяли насилие. Из грамоты патриарха Иоанна (1315 г.) мы узнаем о том, что монахи Ватопедского монастыря во время тяжбы с Эсфигменовым монастырем ворвались во владения своих противников, вырубил оливковые деревья и подожгли строения⁶. Естественно, что еще более

¹ ММ, IV, 73—75, 80, 87. См. об этом — В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ИМНП, ССХ (1880), стр. 145.

² П. В. Безобразов. Об актах Зографского монастыря. ВизВ, XVII (1910), 405, Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация в Византии. Ашпалы, II (1922), И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. Изв. АН СССР, ООП, 1931.

³ Хил., № 118.

⁴ Хил., № 151.100.

⁵ ММ, VI, 153—156.

⁶ Эсф., № 5.51.

грубо и безнаказанно действовали феодалы во время столкновений с крестьянами.

Некоторый свет на это проливает одно сообщение Феофилакта Болгарского, относящееся, правда, к несколько более раннему времени (XII в.).

Феофилакт, архиепископ Болгарский, крупный землевладелец и богатый человек, жаловался, что его враги обвиняют его в разных преступлениях и, в частности, в том, что он похищает людей на пашнях и в виноградниках (ἐπ' ἀρούραις καὶ ἀμπελῶνι παρ' ἡμῶν ἡρπαζμένους)¹. Повидимому, Феофилакт Болгарский, подобно другим феодалам, не только захватывал крестьянские земли, но и самих крестьян превращал в зависимых людей.

Византийские феодалы захватывают не только частновладельческие, но и общинные угодья. В XI в. на острове Лерос монахи вели тяжбу с париками двух соседних деревень из-за пастбищной земли проастия Парфений: парики утверждали, что они имеют право выгонять скот на это пастбище, — это было их общинное угодье². После долгой борьбы монахи добились того, что часть этого пастбища была передана им³.

В 1293 г. Лев Котеаницис получил землю, называемую Преясница, в Македонии; она была отнята у влахов, и, повидимому, представляла собой их общее пастбище⁴. В середине XIV в. монахи монастыря Пандократора с помощью великого стратопедарха Алексея заняли на острове Фасос свободную землю (τόπος ἄβατος), несмотря на протесты местных крестьян, которые, вероятно, использовали ее как общинное угодье⁵.

Одновременно с совершавшимся таким путем «внедрением» феодалов в общину изменяется и их положение в общине. Первоначально эти феодалы в пределах общины были только равноправны с остальными свободными и зависимыми общинниками, даже с собственными крепостными. В первой половине X в. крестьяне даже сохраняли некоторые привилегии. Так, они пользовались преимущественным правом покупки соседних динатских земель⁶, тогда как динаты не могли покупать соседних крестьянских земель. В грамоте монастыря св. Андрея от 952 г. зафиксирован случай, когда судья Самона запретил друнгарию Иоанну и другим владельцам, земли которых граничили

¹ Migne PG, CXXVI, col. 445. А. См. еще ниже — о деле Кутула.

² MM, VI, 38.19.

³ MM, VI, 43.7.

⁴ Хил., № 11.7.

⁵ Пандокр., № 4, 1—23.

⁶ Jus, III, 297.17.

с отчуждаемым участком, проявлять какие-либо права на продаваемую землю на том лишь основании, что все они были динаатами и обрабатывали свои земли с помощью зависимых людей¹. Только в новелле императора Никифора II Фоки от 967 г. было установлено, что динааты должны пользоваться преимущественными правами при покупке соседней динатской земли, а крестьяне — по отношению к соседним крестьянским землям. Эта новелла представляла первый шаг в юридическом оформлении исторически уже сложившегося различия между крестьянским и динатским землевладением.

Феодалы, захватывавшие земли крестьян, выступали, естественно, и против общинной собственности. Это нашло яркое отражение в волшебной сказке «Каллимах и Хрисороя», возникшей в феодальных кругах. В ней рассказывается о некоем «варварском царе», который имел трех достойных и равно им любимых сыновей и оказался в затруднительном положении, не зная, которому из сыновей оставить в наследство царство. Одного только он не хотел: передать царство всем троим: «Общее владение (ἐπίκοινον καλόν), — говорил он, — порождает смуту. Подобно тому, как никто не захочет иметь общую землю, так точно [не следует иметь общей] царской власти»².

Феодалы присваивают себе права общин. Они выступают в качестве субъектов права общей собственности³ и права близости⁴. Они выступают с притязаниями на крестьянскую выморочную землю. В X — XI вв. динааты еще не имели права наследовать крестьянам. Только если крестьяне отказывались владеть опустевшей землей и платить за нее подати, особый податной чиновник, эпопт, по прошествии 30 лет мог сдать выморочные земли в аренду или продать их⁵. Иногда в XI в. император давал специальное разрешение на передачу выморочных земель тому или иному монастырю⁶. Но уже к XIV в. феодалы, по крайней мере, монастыри, добились того, что был сформулирован принцип, согласно которому выморочные земли крестьян переходят монастырю⁷. Во владении

¹ Лавра, № 2. О дате см. G. Ostrogorsky. The peasant's preemption right, p. 149 f.

² Τὸ γὰρ ἐπίκοινον καλὸν καὶ ταραχὴν εἰσάγει· ὥς γὰρ οὐκ ἔχει τὸ κοινὸν ἐπὶ τοῦ πόθου χώραν, οὕτως οὐδ' ἐπὶ τῆς ἀρχῆς τὴν αὐτοκρατορίαν — vers. 54—56, ed. S. Lambros, op. cit.

³ Фил., № 4.80; Хил., № 112.35; Пандокр., № 5.

⁴ Пира, XV. 10; Хил., № 69.36 и № 109.5; Зогр. № 8.12; MM, IV, 408.26.

⁵ Тракт. 116.15.

⁶ M. Goudas. Βυζαντινὰ ἐγγράφα, Ἑπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, III, 133—134, N 7.7.

⁷ MM, V. 280.6.

монастырей мы часто видим выморочные наделы¹, которые иногда и в XIV в. носят старое название — аллиленгий². Захваченные феодалом выморочные земли иногда после этого сдаются крестьянам³. Поздневизантийские акты свидетельствуют о борьбе, происходившей между крестьянином и феодалом за выморочные земли; например, из-за выморочного хорафия Спан развернулась упорная борьба между крестьянами-приноваритами и Лемвийским монастырем.

Феодалы далее захватывают право на определенную долю имущества умершего парика. Это право, до известной степени соответствующее западноевропейскому праву мертвой руки, носило название авиотикий (*ἀβιωτίκιον*).

Термин авиотикий встречается уже в хрисовуле императора Андроника II, пожалованном в 1294 г. монастырю Каракала⁴. Этот термин был ошибочно истолкован В. Г. Васильевским как подушная подать⁵. Правильное значение этого термина позволяет установить новелла императора Андроника II и патриарха Афанасия от 1306 г., в которой указывается, что после смерти парика его жена, даже оставшись бездетной, не должна лишаться всего наследства и оставаться *ἀβίωτος*, но получает третью часть этого наследства. Церковь и господин парика делят между собой остальные две трети⁶. Данные новеллы 1306 г. подтверждаются решением патриарха Матвея от 1400 г. где ясно сказано, что авиотикий уплачивает жена после смерти мужа⁷. Наконец, обязанность париков платить авиотикий отмечает и хрисовул Стефана Душана от 1346 г.⁸ (Заметим попутно, что, несмотря на то, что данное выше толкование термина авиотикий было принято и некоторыми буржуазными историками⁹, немецкий византист Ф. Дёльгер пытался придать этому термину иное значение, лишив его определенной классовой характеристики; он утверждал, что авиотикий представлял собой право фиска на имущество

¹ ἐξαλειμματικά στάσια — Хил., № 40; Хил., № 38.149; Zogr., № 18. 13. Ср. *excadancia stasia* — Buchon, II, 64.

² ἀλληλέγγυα δίκαια — MM, V, 279.5; τὰ βασιλικά καὶ νέα ἀλλελέγγυα Вазел., № 105.65.

³ В описи деревни Мамициона мы встречаем в руках некоторых крестьян земли ἀπο ἐξαλείμματος — Хил., № 92.59.

⁴ P. Lemerle. Un chrysobulle d'Andronic II pour le monastère de Karakalla. Bulletin de correspondance hellénique, LX (1936), p. 440 sq.

⁵ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, ССХ (1880), стр. 369.

⁶ Jus, III, 630. 3—14.

⁷ MM, II, 342. 27—29.

⁸ Фил., № 9.77.

⁹ А. Соловьев — В. Мошин. Гречке повелю српских владара. Београд, 1936, стр. 377—378.

бездетного¹. В действительности фиск лишь в некоторых случаях мог претендовать на авиотикий, который обычно шел господину парика.)

Наступление феодалов на крестьянскую общину приводило прежде всего к тому, что «...крестьянская земля превращалась в господскую, и, самое большое, вновь передавалась крестьянам в пользование за оброк и барщину»². Процесс захвата крестьянских земель к XIII—XIV вв. еще не был завершен повсеместно, хотя в отдельных районах мелкая земельная собственность фактически перестала существовать. В то же время, присвоив права общины, феодалы приобрели юридическое основание для своего господства над общинниками, превращавшимися отныне в зависимых крестьян.

В. И. Ленин писал, что одним из условий феодальной системы хозяйства «...является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, „внеэкономическое принуждение“, как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим...»³.

Важнейшими средствами внеэкономического принуждения являлись иммунитет и запрещение свободы перехода крестьян, т. е. их прикрепление.

Вопрос о византийском иммунитете решался до сих пор в исторической литературе совершенно неправильно. Буржуазные исследователи, занимавшиеся этой проблемой, подходили к ней с формально-юридических позиций, выясняя не столько социальную и политическую сущность этого учреждения, сколько обязанности чиновников, которым воспрещался доступ во владения иммуниста, а также формулы изъятия этих владений из сферы деятельности императорских чиновников. При таком подходе к разрешению проблемы именно освобождение от «вторжения» государственных чиновников выступало на первый план и рассматривалось как существо иммунитета⁴. Даже в советской литературе византийский иммунитет обычно рассматривался только как

¹ F. Dölger. BZ, XXXVIII (1938), S. 208.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 639.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159.

⁴ П. А. Яковенко, К истории иммунитета в Византии, Юрьев, 1908, видел сущность византийского иммунитета в том, что «верховная власть желала таким путем защитить известное лицо или учреждение от притеснений своих же собственных агентов» (стр. 4). На стр. 51 и сл. он объясняет установление иммунитета жестокостью методов, которые практиковали византийские сборщики налогов. Разумеется, такого

учреждение, якобы регулировавшее взаимоотношения между государством и феодалом и оформлявшее экзимирированность феодального поместья¹. При этом смешивались воедино понятия податной льготы (экскуссия) и подлинного иммунитета.

На самом деле содержание иммунитета составляют судебные и административные права феодала по отношению к зависимому, полусвободному и свободному населению. Посредством иммунитета происходит либо юридическое закрепление «прямой власти» (Ленин) феодала над личностью крестьянина — власти, фактически сложившейся в процессе предшествующего социально-экономического развития, — либо подчинение феодалу непосредственных производителей, еще не втянутых или же втянутых в незначительной мере в феодализационный процесс. В самом деле, коль скоро феодал взимает с непосредственных производителей феодальную ренту, т. е. фактически уже осуществляет покоящуюся на внеэкономическом принуждении феодальную эксплуатацию непосредственных производителей, он должен обладать реальной основой для внеэкономического принуждения — и прежде всего судом и административными правами.

Сущность иммунитета, тем самым, заключается не столько в изъятии феодального поместья из системы государственного управления, сколько в подчинении феодалу крестьянства².

рода рассуждения не могут вскрыть классовых корней византийского иммунитета. То же самое следует сказать и о воззрениях Б. А. Панченко, по мнению которого «корень монастырского иммунитета» лежал в «пожаловании поземельной подати» (Крестьянская собственность в Византии, стр. 105). Кстати, остается непонятным, почему Б. А. Панченко усматривал основу иммунитета в пожаловании только поземельной подати.

¹ Б. Т. Горянов. Основные проблемы поздневизантийского феодализма. АН СССР, Отд. ист. и философии. Приглашенный билет и тезисы докладов сессии Отделения 27—28 ноября 1947 г., стр. 12.

² Именно так решают вопрос о природе иммунитета советские медиависты, которые показали, что внеэкономическое принуждение проявляется в период раннего средневековья главным образом в форме иммунитета, закреплявшего акты частного насилия феодалов по отношению к крестьянству [См., напр., Д. С. Граменицкий. К вопросу о происхождении и содержании франкского иммунитета. Сб. «Средние века», т. II (1946), стр. 135]. Подводя итоги изучению советскими историками германского иммунитета, А. И. Данилов писал: «Разделяя данное Неусыхиним определение иммунитета как юридического оформления внеэкономического принуждения в эпоху становления феодального способа производства, мы не считаем возможным сводить иммунитет лишь к отщеплению от центральной власти ранее принадлежавших ей функций, к переходу их из рук королевских чиновников в руки иммунитетов» [А. И. Данилов. Основные черты иммунитета и фогтства на церковных землях в Германии X—XII вв. МГУ. Доклады и сообщения Исторического факта, VII (1948), стр. 88—89].

Иммунитет выступает не как учреждение, завершающее развитие феодального поместья созданием его политической независимости, но как одно из важнейших средств процесса феодализации. Поэтому-то Маркс и Энгельс указывают, что феодальный иммунитет является неотъемлемым атрибутом феодального землевладения, вырастает из него¹.

К иммунитету, представляющему собой надстроечное явление, в полной мере относится гениальное указание И. В. Сталина о том, что надстройка, появившись на свет, «становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы»².

Византийские памятники изучаемой эпохи позволяют до некоторой степени проследить складывание иммунитета в Византии и выяснить его роль в процессе феодализации именно под этим углом зрения.

Отметим прежде всего, что хотя в поздневизантийских актах сплошь да рядом встречается упоминание пожалования тому или иному монастырю, освобождения от податного бремени (ἐξουστρέα καὶ ἀεφένδεσις)³, но это освобождение, собственно говоря, не создает никакой экзимирированности: как совершенно правильно указал уже П. А. Яковенко, Лемвийский монастырь, хотя и неоднократно получал грамоты, даровавшие ему и его парикам освобождение от всевозможных податей⁴, все же «являлся ответственным перед судом смирнского митрополита, дуки Фракисийской фемы, κριτὴς τοῦ φορτάτου и крестьянским судом»⁵. Иначе говоря, передача феодалам по-земельной подати и других государственных налогов не создает иммунитета.

Количество фактов, свидетельствующих о существовании в поздней Византии судебного и административного иммунитета, чрезвычайно незначительно⁶. Мы знаем, например, что прониар сир-Гари в XIII в. (район Смирны) мог созывать суд «людей своей пронии»⁷. В XIV в. Янинская церковь имела право судить не только клириков, но и других подчиненных ей людей⁸. Парики монастыря Сумела (в Трапезунде) подле-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 2, стр. 353.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат 1951, стр. 7.

³ Зогр., № 31.33; Эсф., № 14.57. Т. Флоринский. Афонские акты и фотографии с них. СПб., 1880, стр. 94.26.

⁴ ММ, IV, 17.28 и IV, 253.26 и др.

⁵ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 30.

⁶ П. А. Яковенко, назв. соч., стр. 68.

⁷ ММ, IV, 81. 20—21.

⁸ ММ, V, 85.23.

жали монастырскому суду¹; кроме того, монахи имели право создавать из своих париков вооруженные отряды для борьбы с турками.

Акты свидетельствуют, далее, о наличии у отдельных византийских феодалов иммунитетных прав по отношению к свободному и полусвободному населению. Горная деревня Приновари в районе Смирны находилась в известной зависимости от Комнинов Вранов в середине XIII в. Ирина Комнина Вранина передала монастырю Лемвиотиссы спорный хорафий Спан, из-за которого долгое время шла борьба между лемвийскими монахами и приноваритами, которых Ирина называет своими париками². Но судебные права Комнинов Вранов распространялись и за пределы деревни Приновари: дети священника Полея из Мантеи обращаются за правосудием к «своей благородной госпоже Комнине Вранине»³. Отсюда видно, что она творила суд и в той деревне, жители которой не находились от нее в феодальной зависимости.

Да и самую деревню Приновари вряд ли можно рассматривать как владение Комнинов Вранов. Если бы это было так, то трудно было бы объяснить, почему борьба за выморочный хорафий Спан ведется между приноваритами и монахами, а не между монахами и Вранами. Все поведение крестьян Приновари в этой тяжбе, вплоть до того, что они являются на спорное поле с оружием в руках, не позволяет видеть в них крепостных крестьян: пожалуй, правильнее говорить о Приновари лишь как об иммунитетной территории. В конце XIII в. приновариты, повидимому, принадлежали к иммунитетной территории спальничьего Большой печати Нестонга⁴.

Гораздо чаще, нежели прямое указание на существование иммунитета, в грамотах встречается упоминание пожалования феодалу аэрикона, т. е. судебных пошлин; факты такого рода встречаются уже в некоторых грамотах XI в. Кедрин⁵, так называемая «Тактика Льва»⁶ и Лампсакская опись⁷ позволяют видеть, что судебные пошлины взимались в Византии в определенном размере с каждой деревни⁸; может быть, это положение следует объяснять деятельностью местных судов: общин-

¹ MM, V, 279.13.

² MM, IV, 225.23.

³ MM, IV, 82.9.

⁴ MM, IV, 257.26.

⁵ Cedrenos, II, 521.13.

⁶ Leonis Tactica, XX, 71.

⁷ G. L. F. Tafel — G. M. Thomas. Urkunden zu älteren Handels- u. Staatsgeschichte d. Republik Venedig. II, 208.18.

⁸ Cp. ἀῖρ τοῦ αὐτοῦ χωρίου — MM, IV, 17.31.

ный суд взимал штрафы в пользу общины, а община должна была платить в казну определенную сумму¹. Впрочем, это предположение пока еще не представляется возможным доказать с достаточной степенью убедительности, однако, не приняв его, трудно представить себе, каким образом государство могло взимать аэрикон в определенном размере.

Из состава жалуемого феодалу аэрикона обычно исключались некоторые статьи, составлявшие, так сказать, сферу действий высшей юрисдикции: штраф за убийство, прелюбодейная деньга и пошлина за нахождение клада². В хрисовуле Андроника II Зографскому монастырю от 1327 г. прямо указывается, что эти пошлины (штраф за убийство и прелюбодейная деньга) должны взыскиваться со всех владений в казну; лишь в качестве особой милости император жалует эти пошлины Зографскому монастырю³.

Для доказательства наличия судебного иммунитета в Византии XIV в. может быть приведен, хотя и с известными оговорками, факт существования здесь в это время коренных различий в судебных правах между различными категориями населения. Возможно, что в поздней Византии складывается правило, согласно которому член синклита мог быть судим только судом из членов синклита⁴; известно, например, что в 1397 г. некто Григорий заявлял, что духовный суд не имеет права судить его, так как он является членом синклита⁵. Император Андроник II, стремясь ограничить привилегии феодалов, обещал провести судебную реформу; он хотел создать суд из архиепископов, иереев и членов синклита, числом 12 человек, которому были бы подсудны все, начиная от императрицы и кончая простыми людьми⁶; попытки такой реформы показывают, что некоторые категории населения империи (парики) в это время уже не могли рассчитывать на то, что дела их будут рассматриваться в императорском суде; они были подсудны, повидимому, суду иммуниста.

¹ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. *Byzantinoslavica* IX (1948), стр. 300, предполагает, что этот принцип развился «под влиянием славянского права»; это мнение представляется убедительным.

² Хил., № 92.147.

³ Г. Острогорский, назв. соч., стр. 301. Об этом акте—А. Бурмов. Към документ № XXVI от «*Actes de Zoграфou*». *Известия на Българ. истор. дружество*, XXII (1947).

⁴ Об отсутствии этой привилегии в ранней Византии—С. Н. Coster. *The Judicium Quinquievirale in Constantinople*. *BZ*, XXXVIII (1938).

⁵ MM, II, 174; см. O. Ellissen. *Der Senat im oströmischen Reiche*. 1881, S. 53.

⁶ Jus III, 660 sqq. Pachym., II, 136. См. O. Ellissen, op. cit., S. 52 f. L. Petit. *Le reforme judiciaire d'Andronic Paleologue*. *Echos d'Orient*, IX (1906).

Вслед за развитием в Византии иммунитета складывается запрещение свободы перехода. Запрещение свободы перехода существовало в Византии уже в X в., когда каждый крестьянин рассматривался в качестве обязанного выполнять определенные государственные повинности, и целый штат чиновников следил за исправностью выполнения этих повинностей; в случае ухода крестьянина податные чиновники, используя существование круговой поруки, стремились возложить бремя податей на его соседей. С другой стороны, государство запрещало монастырям, а также, повидимому, и светским земельным собственникам принимать париков сверх указанного в монастырских хрисовулах числа. Однако запрещение свободы перехода государственных крестьян в X в. имело особый характер: действительно, коль скоро запрещение уходить с земли распространялось одновременно и на стратиотов, то из этого нельзя сделать вывод, что парики в X в. были крепостными, прикованными к земле, как это утверждают буржуазные историки¹, иначе и стратиотов пришлось бы рассматривать как крепостных.

При этом у нас имеются прямые указания на то, что византийские частновладельческие парики этого времени пользовались свободой перехода. В решениях магистра Косьмы (X в.) указано, что господин обязан выдать парик уходящему с церковной земли, материал его строений², — самый факт возможности ухода парика не вызывает сомнений.

Об этом же свидетельствует и письмо Михаила Пселла (XI в.), в котором он обращался к одному судье с просьбой помешать переселению париков некоего патрикия³. Этот факт, с одной стороны, показывает наличие свободы перехода париков во времена Михаила Пселла, но с другой — он говорит о том, что феодалы уже требовали от центральной власти запрещения свободы перехода париков, хотя эти требования пока еще ограничивались конкретными казусами. Точно так же еще и в XIII в. монахи Лемвийского монастыря должны были специально просить императора вернуть их париков, поселившихся в Нимфее и Мурмунтах⁴.

Однако в XIII в. запрещение свободы перехода на Балканском полуострове было уже оформлено как принцип. Опись

¹ Ш. Диль. Основные проблемы византийской истории. М., 1947, стр. 114.

² Ф. И. Успенский — В. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927, стр. XXVI.

³ C. Sathas. Bibliotheca graeca, V (1876), p. 381. 4—5. См. об этом Н. Скабанович. Византийское государство и церковь в XI в., стр. 249.

⁴ MM, IV, 262.

владений Кефалоникийской церкви отмечает, что парики должны принадлежать ей «до последнего их дыхания»¹. Греческие архонты Пелопоннеса в своем договоре с франками особо отметили, что крестьяне должны оставаться в тех деревнях, где они живут². В грамоте о привилегиях горожанам Янины (начало XIV в.) указывалось, что никто не должен принимать на свою землю чужого парика³. Наконец, в начале XV в. лишь в силу особых привилегий беглый парик мог поселиться на новом месте: жалованная грамота городу Монеувасия разрешает всякому желающему покинуть свое местожительство и поселиться в этом городе, независимо от того, свободный он или парик⁴.

Мы видим, что в поздней Византии существует уже не «прикрепленность к тяглу», как утверждал Б. А. Панченко⁵, но настоящая крепостная зависимость. Рядом с ней складывался и широко известный средневековый принцип: «городской воздух делает свободным».

Византийское правительство содействовало этому процессу закрепощения, раздавая феодалам казенных париков, ибо, как указывал В. И. Ленин, «азиатскому правительству нужна опора в азиатском крупном землевладении, в крепостнической системе „раздачи имений“»⁶.

Никита Акоминат рисует яркую картину «так называемых раздач париков» (*ταῖς λεγομέναις τῶν παροίκων δωρεαῖς*). Тех, кто еще недавно были жителями провинций и считали своим господином казну (*δημόσιον*), Мануил Комнин в XII в. превращал в людей, обязанных платить подати (*φορολόγοῦντες*) воинам-полуварварам, в вынужденных служить им в облиции рабов (*ὑπηρετεῖν ἐν σχήματι δοῦλον*). Жестокие господа не только отнимали у париков все вплоть до последнего обола, но даже сдирали с них одежду⁷.

Император Константин Мономах подарил хиосскому монастырю Неа Мони 24 парика⁸. Монастырю Иоанна Богослова (XIII в.) было передано на острове Лемнос 23 казенных парика, плативших в казну 34 перпера; теперь эту ренту должны были получать монахи; кроме того, парики обязаны были выполнять для монахов некоторые барщины⁹. На первых

¹ ММ, V, 44.15.

² The Cronicle of Morea, vers. 1648.

³ ММ, V, 83.20.

⁴ ММ, V, 172.17.

⁵ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 102, 230.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 82.

⁷ Nicet. Chron. p. 272.10—273.18

⁸ ММ, V, 7.

⁹ ММ, VI, 255.

порах государство рассматривало такое пожалование лишь как пожалование тех податей, которые платили парики, сами же парики продолжали считаться государственной собственностью. В этих условиях феодальная рента внешне еще не отличима от государственного налога, а феодальная зависимость по форме сходна с подданством. «При таких обстоятельствах,— указывает Маркс,— отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству»¹. Государство оставляло за собой право рассматривать основания отдельных феодалов на владение париками. В 1176 г. один податной чиновник получил приказание дуки фе́мы Милассы и Меланудия расследовать права владения Латрского монастыря. «Если ты установишь,— писал ему дука,— что монастырь владеет столькими париками, сколькими и следует согласно его документам, оставь его владеть ими, как и прежде. Если же нет, передай [лишних] казне»². И этот чиновник, действительно, немало париков передал казне, записав их в государственных практиках³.

Согласно юридической теории в X—XII вв., государство передавало феодалу лишь ренту-налог определенного количества париков: *πόσον* или *ἄριθμός τῶν παρσίχων*, которое должно было оставаться неизменным. Монастырю св. Андрея близ Солуни еще Константин Багрянородный пожаловал «количество» (*ἄριθμός*) ста париков⁴. Другой монастырь в этом же районе имел определенный *ἄριθμός* париков, который пополнялся за счет потомков монастырских крестьян⁵. «Моя царственность желает,— гласит грамота императора Мануила Комнина, данная в 1156 г. монастырю богородицы Милостивой,— чтобы вы владели неизменным количеством двенадцати пожалованных вам париков; [количество это] должно пополняться после их смерти из числа их детей»⁶. Император Мануил Комнин повелевал, чтобы дарения париков не делались без указания их числа⁷, поэтому-то, если у землевладельцев оказывалось больше париков, чем это было указано в его документах, чиновники должны были отбирать их в казну.

¹ К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1949, т. III, стр. 804.

² MM, VI. 317.30.

³ MM, IV. 318.9. См. В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, ССХ (1880), 105 и слл.

⁴ Лавра, № 28.103. Ср. еще там же № 52.79 и В. Г. Васильевский. Хрисовул Алексея Комнина 1084 г. ВизВ, III (1896), стр. 297.3. (Лавра, № 39).

⁵ Лавра, № 31.24.

⁶ L. Petit, ИРАИ, VI, 32.19.

⁷ Jus, III, 444.39.

В свете этих фактов получает объяснение и тот, на первый взгляд странный, обычай, который был отмечен Б. А. Панченко: еще в XIII в. из двух братьев только один оказывался частновладельческим париком, а второй естественно становился государственным крестьянином¹.

Подобно парикам, и стратиоты рассматривались как прикрепленные к тяглу, и чиновники должны были расследовать, не скрылся ли кто-нибудь из них на земле архонтов или церквей². В грамоте монастырю св. Андрея, разрешавшей ему владеть 100 париками, было в то же время запрещено принимать стратиотов³.

Право государства регулировать количество париков, принадлежавших тому или иному собственнику, сохранялось еще в XIII—XIV вв. Известно, например, что сборщики податей в Трапезунде, отняв париков у монастыря Сумела, передавали их архонтам и динатам⁴. Парик Лемвийского монастыря Какава был переведен сборщиком податей на другое место⁵. Признавая государство собственником париков, частные владельцы обращались в казну с просьбой об обмене париками между собой⁶.

Пожалование париков тому или иному феодалу еще не означало полного разрыва экономических отношений между париком и казной. К сожалению, недостаток сведений относительно париков XI—XII вв. не позволяет нам с достаточной полнотой выяснить картину взаимоотношений между государством и частновладельческими париками, однако более поздние источники свидетельствуют о том, что еще в XIV в. частновладельческие парики платили государственные подати в казну. Так, в деревне Георгила (на р. Стримон) парики пользовались местом для рыбной ловли (ἀλεῖα) и должны были платить за это подать (τέλος); они обратились к императору с прошением о снятии с них этой подати⁷. Пахимер также свидетельствует о том, что парики платили государственные налоги⁸. Несколько поврежденная опись деревни Эсфигменова монастыря Портарея позволяет установить, что парики этой

¹ ММ, IV.94. См. Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 100.

² Александр Лаврский, ВизВ, V (1898), стр. 488.2.

³ Лавра, № 28.29.

⁴ ММ, V, 278.31.

⁵ ММ, IV, 86.9. И, видимо, когда Феофилакт Болгарский (Migne PG, CXXVI, 316. В) жалуется на то, что *παροικοὶ δὲ ἀριθμοῦμενοι καὶ ἐξονυχίζμενοι*, он имеет в виду не взимание поголовной подати, как это обычно считают, но проверку оснований владения.

⁶ Хил., № 30.9.

⁷ Хил., № 62.16.

⁸ Рашум., II, 209.12.

деревни платили монастырю 123 перпера подворного и различных дополнительных поборов, но прежде (πρότερον) чем уплатить монастырю, они должны были внести 18 перперов, повидимому, в казну (в описи — лакуна)¹. Не следует ли предполагать, что встречающаяся в хрисовулах XI—XII вв. подать παροικία² представляет собою ту подать, которую частновладельческие парики должны были платить казне?

Однако постепенно византийское государство утрачивает свои права на париков, переданных в частные руки: феодал получает права не только на паричские налоги, но и на самих париков. Если в X—XII вв. государство жаловало определенное количество париков, число которых должно было оставаться неизменным, то уже Кефалоникийская опись 1262 г. говорит об «извечных париках» (ἀρχαίοπάρικοι) церкви, которые должны были принадлежать ей со всем потомством³. В конце XIV в. афонскому монастырю св. Павла были пожалованы парики, и число их при этом, в нарушение упомянутого выше постановления императора Мануила Комнина, не было указано, но даритель просто писал, что он передает монастырю всех париков этой деревни. Да и сами парики называются в грамоте παρίκοι φυσικοί, прирожденные парики⁴. Вместе с термином «прирожденный парик» появился и термин «прирожденный господин»⁵. Эти термины показывают, что отраженные в них отношения сложились уже задолго до XIV в. и были к этому времени достаточно прочными.

В то же время в поздних актах при пожаловании париков передаются не одни только подати этих крестьян, но и устанавливается обязанность их выполнять барщины для своих господ⁶.

В связи с этим в документах XIV в. паричские повинности (παροικία) противопоставляются государственным податям (δημοσιαχόν τέλος)⁷, хотя, как мы уже говорили, парики и в XIV в. в некоторых случаях платили подати в казну.

Близок к частновладельческой парикии был и патронат, т. е. вступление, обычно не добровольное, деревни под «покровительство» какого-либо патрона, через которого она уплачивала государственные подати. Иногда деревни сами могли выбирать себе патрона. Феофилакт Болгарский рассказывает

¹ Эсф. стр. XIV. 11—12.

² MM, VI, 47.19. Ср. ἀπαίτησις παροικιατικοῦ — M. Goudas. Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, III, 122; MM, VI, 121.31.

³ MM, V, 44.14.

⁴ А. К а ж д а н, Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севстьянова. ВизВ, II (1949), 318.28.

⁵ φυσικός ἀφέντης — The Cronicle of Morea, vers. 1465.

⁶ MM, VI, 255.6.

⁷ Хил., № 14.13 и № 15.6.

об интригах одного сборщика податей, который запугивал крестьян увеличением податного бремени, если только они выберут (болгарскую) архиепископию своим патроном¹.

В письме Михаила Акомината к патриарху Леонтию (1190 г.) афинский архиепископ рассказывает, что ему было поручено управлять «церковным островом» Эгиной и собирать там подати; однако ему не удавалось взыскать подати в должном количестве, так как большинство населения находилось в бегах. Уже на следующий год архиепископ стал просить об освобождении его от этого «рабства (δουλεία)»². Этот эпизод показывает, что старая форма патроната казалась самим феодалам в конце XII в. невыгодной и обременительной. Они стремились теперь к полному подчинению зависимого крестьянства.

Процесс развития патроната и превращения государственных подданных в частновладельческих крестьян отчетливо проявился в эволюции термина *ὁμοτελεῖς*.

В новелле Романа Лекапина 922 г. этим термином обозначены все, записанные под одним *ὕποτακτῆμος*, даже если они платят свои повинности в разных местах³. Чтобы понять это указание, следует прежде всего уяснить значение термина *ὕποτακτῆμος*. Цахариз фон-Лингенталь полагал, что этот термин обозначает господина, однако это неверно: в Пире (XV.10) мы читаем об одной церкви, которая получила земли «при переделе всего *ὕποτακτῆμος* деревни», откуда следует, что *ὕποτακτῆμος* — это отнюдь не господин, но вся территория деревни, т. е. то же самое, что *ὕποταγή* у магистра Косьмы и в «Трактате об обложении».

Таким образом, в X в. термином *ὁμοτελεῖς* обозначались жители одной деревни, даже если они и платили свои подати в разных местах. Поэтому естественно, что в числе *ὁμοτελεῖς* могли быть и крестьяне, и динаты, если только они владели землей в одной деревне⁴.

Но составленный в XIII в. *Synopsis minor* определяет, что *ὁμοτελεῖς* — это те, кто находится под одним господином и платит одному и тому же свои подати⁵. Так же объясняет этот термин и поздний византийский комментатор новеллы 922 г.⁶ Теперь уже не уплата в казну, а именно наличие патрона

¹ Migne PG, CXXVI, 449. С.

² Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ССХХV (1883), стр. 42.

³ Jus, III, 238.25.

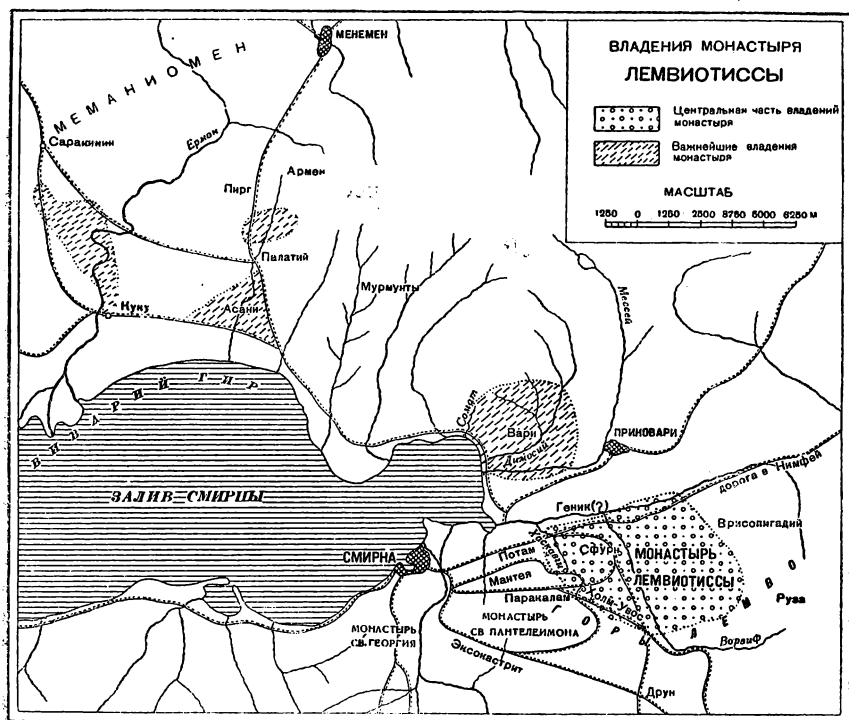
⁴ Новелла Никифора Фоки от 967 г. указывает, что до сих пор крестьяне имели право преимущественной покупки земель динатов не только по праву близости, но и *ἐξ ὁμοτελείας* — Jus, III, 297.17.

⁵ *Synopsis minor*, N 42.

⁶ Jus, III, 236. 14. Ср. еще: *παροικοὶ ὑποταγᾶται* — А. К а ж д а н, Два поздневизантийских акта, 318.28.

представляется юристам определяющим. Таким образом, развитие патроната также являлось одним из путей, ведущих к феодальной крепостнической зависимости.

Захват крестьянских земель и подчинение общины феодалам порождали сопротивление крестьян. Поздневизантийские описи раскрывают нам иногда картину пассивного сопротивления крестьян, уходивших «в бега» от гнета феодалов. Так,

например, в описи метоха монастыря богородицы Спилиотиссы (XIV в.) мы находим большое количество пустовавших стасей¹: их владельцы, повидимому, находились в бегах. Пустовали земли крестьян и в Алипийском монастыре (XIV в.)². В описи владений Кефалоникийской церкви просто записаны беглые крестьяне (*αποδράσαντες*), среди которых названы, между прочим, священник, его сын и брат³. О бегстве крестьян рассказывает и Иоанн Кантакузин⁴. Среди актов Лемвийского мо-

¹ Александр Лаврский. ВизВ, VI (1899), 448—449.

² Кутл., № 11.33.

³ MM, V, 67.9.

⁴ Cantac., I, 136.24.

настыря мы находим решение по жалобе монахов от 1244 г., где тоже идет речь о бегстве крестьян; оказывается, что многие из париков монастыря, покинув монастырские деревни, бежали, кто — в горную деревню Мурмунты, кто — в город Нимфей, кто — в другие места. Монахи просили императора вернуть беглых париков на место и взыскать с них ту ренту, которую они были обязаны платить монастырю¹. Одна грамота из архива Эсфигменова монастыря рассказывает о бегстве крестьян от непомерной бедности и притеснений².

В то же время византийские источники рассказывают нам и об активной борьбе крестьян против феодалов. Устав монастыря богородицы Космосотиры (XII в.) знает случаи поджога крестьянами монастырских зданий и требует, чтобы сожженные здания были восстановлены на общественный счет крестьянами той деревни, к которой принадлежал поджигатель, если только он не будет схвачен³. В поздних «чудесах Косьмы и Дамиана», относящихся, скорее всего, к XII в., сохранился рассказ о монастырском крестьянине, который был избит и выгнан монахом; в отчаянии он хочет сжечь монастырские житницы. Агиограф, отражающий интересы феодального класса, высказывает при этом следующую сентенцию: «Как может рассуждать подобный мужик, холоп во всех своих чувствах, являющийся ничем не лучше неразумного скота»⁴.

В актах Лемвийского монастыря получила яркое отражение история борьбы за землю между париком и его соседом, мелким феодалом. Парик Лемвийского монастыря по имени Кутул купил хорафий у некоего Николая Критика и владел им в течение 6 лет. Этот хорафий понравился номику Керамари, который был вассалом (*ὑπόδικος*) великого друнгария Гавалы. Керамари предложил Кутулу продать хорафий за 1 перпер; когда же Кутул отказался, он силой занял этот хорафий и засеял его. Лишившись хорафия, парик Кутул бежал к кочевавшим поблизости команам и с их помощью захватил упряжку быков, принадлежавшую Керамари. Чтобы получить обратно своих быков, Керамари должен был подарить команам вина на 2 перпера⁵. Любопытно, что Кутул после этого все же не вернулся обратно и, повидимому, остался у команов.

В борьбе крестьянства против наступающих на него феодалов огромную роль играла община, которая давала средневековым крестьянам «средство к сопротивлению, каких в

¹ ММ, VI, 262.

² Эсф., № 11.24.

³ Косм., стр. 66.38.

⁴ А. П. Рудаков, назв. соч., стр. 189.

⁵ ММ, 165—168.

готовом виде не нашли ни древние рабы, ни современные пролетарии...»¹. Источники показывают, что нередко крестьянская община ведет тяжбу, сплоченно выступая на защиту своих интересов². Иногда такая тяжба перерастает в вооруженную борьбу. Выше уже упоминалось, что когда монахи Лемвийского монастыря хотели захватить хорафий Спан, ранее принадлежавший умершему крестьянину горной деревни Приновари, все приновариты с оружием в руках явились на это поле и вспахали его в один день всеми упряжками деревни³. Но борьба не закончилась и тогда, когда монахам удалось присоединить хорафий Спан к своим владениям. Жители Приновари, ставшие в конце XIII в. париками, как уже было указано, спальничьего Большой печати Константина Дуки Нестонга, сохранили и под властью этого феодала свою общину и сплоченно выступали против Лемвийского монастыря. Может быть, им пришлось вступить в зависимость от Нестонга для того, чтобы найти покровителя в борьбе против алчных монахов. Акты Лемвийского монастыря оставили нам яркие картины борьбы общины (теперь уже зависимой) приноваритов против Лемвийского монастыря. Однажды приновариты ворвались в устроенную монахами ограду для скота и стали отнимать у находившегося там монаха сыры; когда же он отказался дать им что-либо, приновариты избили его до смерти. Другой раз приновариты ночью загнали свой скот на хорафий Лемвийского монастыря, которые, как можно предполагать, были устроены на месте, служившем прежде пастбищем для приноваритов. Приновариты похищали у монахов хлеб и оливковое масло⁴.

Другие акты рассказывают об отказе крестьян выполнять повинности, возложенные на них феодалами. Когда в начале XIV в. монастырю Иоанна Богослова на острове Патмос были переданы 23 казенных парика, живших на острове Лемнос, на этих париков была возложена барщина. Однако крестьяне отказались выполнять барщину⁵. Крестьяне деревни Вари, принадлежавшей Лемвийскому монастырю, подняли в XIII в. бунт, отказываясь платить монастырю причитающуюся с них ренту. Но мало этого: они препятствовали тому, чтобы посе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 132—133.

² ММ, IV, 293—294; ММ, VI, 212 и слл.

³ ММ, IV, 188. 25—28.

⁴ ММ, IV, 257—259. См. Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВизВ, III (1950), стр. 39—40. F. Dölger, Chronologisches u. prosopographisches z. Gesch. d. 13. Jhdts, BZ, XXVII (1927), S. 310, A. 3, относит эти события к 1277 г. О дукe Нестонге см. Racheumeres, II, 428—429: он был великим этиариархом, жившим в районе р. Ермон.

⁵ ММ, VI, 255.10.

ленные недавно в этой деревне крестьяне Лемвийского монастыря отбывали свои повинности. Это обстоятельство является чрезвычайно важным, ибо оно показывает, что инициаторами возмущения были старожилы деревни Вари, объединенные, как можно догадаться, в общину; сопротивление приселившихся крестьян было гораздо менее энергичным, и старожилы Вари должны были оказывать на них давление, чтобы заставить их прекратить отбывание повинностей. Узнав об этом возмущении, император издал специальное постановление, в котором распорядился, чтобы «жители (эпики) деревни Вари подчинились Лемвийскому монастырю и выполняли, как и прежде, возложенную на них барщину и все, что следует этому монастырю — справедливо и с полной готовностью. В противном же случае сборщик податей Фракийской фемы должен применить против этих крестьян достойное наказание и против воли принудить их подчиниться монахам и выполнять повинности»¹. Дальнейшая судьба возмущившихся крестьян Вари остается нам, к сожалению, неизвестной.

Иногда возмущение крестьян перерастало в открытое восстание. Ритор XIV в. Фома Магистр в послании патриарху Нифону жаловался, что убогие (πένητες) склонны к восстанию². Пахимер рассказывает о грозном восстании крестьян, которое вспыхнуло в районе Никеи в 1262 г. Восстали свободные горцы, жившие на границах империи и занимавшиеся земледелием (γεωργία); они дерзали, как рассказывает Пахимер, делать то, что им вздумается, рассчитывая на свои луки и непроходимость местности. Это восстание носило царистский характер: восставшие крестьяне выступали за «хорошего царя»³. Некий мальчик под именем Иоанна, сына императора Феодора Ласкаря, «законного» наследника византийского престола, захваченного Михаилом Палеологом, был провозглашен восставшими императором. Когда восстание началось, Михаил Палеолог двинул против восставших войска. Крестьяне устроили в глухой чаще лагерь для женщин и детей, укрепленный частоколом и, по образцу «варварского» вагенбурга, телегами, а сами, засев в теснинах, отстреливались из луков; в простой одежде, без панцирей, они нападали на врагов. Наступавшим приходилось выжигать лес и преодолевать упорное сопротивление крестьян, у которых было, по словам Пахимера, одно общее решение: либо победить, либо всем пасть в сражении. Войска Палеолога несли огромные

¹ MM, IV, 255—256.

² Рукопись Paris. gr. 2629 f. 130^v — цит. по O. Tafrali. Thessalonique au XIVe siècle, Paris, 1913, p. 32, n. 6.

³ См. И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 113.

потери, и Михаил решил расколоть восставших: им было обещано прощение и даже подарки от царя. Тогда часть восставших крестьян решила сложить оружие. Лже-Иоанна вожди восстания, видя безнадежность сопротивления, отвезли к туркам. Небольшая горстка непокорных уже не могла сдерживать натиска императорских войск, — восстание было подавлено, и немедленно же началась расправа¹.

Восстание крестьян в районе Никеи очень тяжело отразилось на всем состоянии Византийской империи: до восстания эти крестьяне несли на своих плечах бремя обороны империи от турок; после их разгрома и расправы над ними эта задача была возложена на регулярное войско, что оказалось крайне обременительным для константинопольской казны. Восстание 1262 г. в конечном итоге облегчило туркам завоевание Вифинии².

Упорное сопротивление крестьян хотя и не могло остановить расхищения феодалами земель и присвоения прав общины, однако оно содействовало складыванию феодального обычая, до известной степени защищавшего крестьянскую свободу и собственность от алчности землевладельцев. Как известно, в основе феодальной традиции лежало господствовавшее в средневековье натуральное хозяйство; эта традиция поддерживалась рутинностью последнего, воспроизводившего себя каждый день в одних и тех же формах. «...Ясно, — говорит Маркс, — что при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть преобладающую роль»³. И в то же время классовая борьба закрепощаемого крестьянства в свою очередь, играла немаловажную роль в процессе формирования феодального обычая.

«...Всякая средневековая форма права, — говорит К. Маркс, — а следовательно и собственность была во всех отношениях промежуточной, дуалистичной, двойственной...»⁴.

Действительно, феодальная традиция рассматривала земельную собственность как собственность получателя ренты, собственность феодала, но вместе с тем она не отрицала и владельческих прав крестьянина. В феодальном обществе, указывает Энгельс, «вопрос о том, кому должны принадлежать продукты труда, не мог даже и возникнуть. Они выделялись каждым отдельным производителем из собственного материала, часто

¹ Pashum., II, 193 sqq.

² М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 240.

³ К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1949, т. III, стр. 806.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 216.

им же самим произведенного, собственными орудиями и собственными руками или руками семьи. Такому производителю незначем было присваивать себе свои продукты, они принадлежали ему по самому существу дела. Следовательно, право собственности на продукты основывалось на личном труде¹.

И. В. Сталин также подчеркивает, что «при феодальном строе... наряду с феодальной собственностью существует едиличная собственность крестьянина, ...основанная на личном труде»².

Крестьянское сопротивление, безусловно, способствовало признанию феодалами этой последней формы собственности.

Вся земля византийского поместья разделялась на господскую и крестьянскую (паричскую). В документах XI в. встречается особый термин для обозначения паричской земли — *παροικότης*³. Источники не позволяют проследить существование этого термина в более позднее время, однако противопоставление паричской и господской земли сохраняется и в XIII—XV вв. В зографской описи 1294 г. назван, помимо крестьянских наделов, «виноградник на монастырской земле»⁴, находившийся во владении одного из париков (повидимому, арендуемый). Опись Ксенофонта монастыря указывает, что монастырские владения граничат с «виноградниками Кладиса и Косьмы Георгия, париков Лавры»⁵. Акт 1436 г. говорит о «земле парика Евридабега»⁶. Акты даже называют парика господином (*κύριος*) земли⁷.

Парики пользовались известными правами распоряжения своей землей. Паричская земля могла передаваться по наследству; существовал даже специальный термин: *παροικογονικόν*⁸, обозначавший, повидимому, переданную по наследству паричскую землю. Парики трапезундского монастыря Сумела имели полученную по наследству землю⁹. Подробные сведения о распоряжении париков своей землей мы находим в описи деревни Мамициона. Из этой описи мы узнаем, например, что парик Мануил Пудей купил виноградник размером в 2 модия у некоего Иоанна Ватаца¹⁰. Этот Ватац был, видимо, также

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 273.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 556.

³ Бакур, стр. 51. 16; ММ, VI, 1.3. Ср. τῆς παροικίας αὐτῶν τοπία — Пира, XV, 2.

⁴ Зогр., № 53. 13.

⁵ Ксен., № 2.98. Ср. там же, № 3.56.

⁶ Т. Флоринский. Афонские акты и фотографии с них. М. 1880, стр. 48, № 3.

⁷ ММ, IV, 168.4.

⁸ Хил., № 109.43.

⁹ ММ, V, 280.7.

¹⁰ Хил., № 92.49.

париком, ибо часть земли Ватаца была передана (монастырем) другому крестьянину Мануилу Цамадуру¹. Крестьянин Теофилакт получил виноградник в приданое от своей первой жены². Некоторые крестьяне имели «наследственную землю (γονική γῆ)»³; при этом крестьянский надел при передаче по наследству мог дробиться: так, парик Михаил Туркодиокт получил половину «наследственной земли», ибо должен был разделить ее с братом Николаем⁴; Анфис, сын Цанкария, получил третью часть наследственной земли⁵. Паричская земля могла сохраняться в руках одной семьи на протяжении нескольких поколений: так, Лев, сын Калоюанна, имел землю, которая прежде принадлежала его отцу и деду⁶.

Иногда феодалы даже покупали земли у своих париков: так поступали, например, монахи Лемвийского монастыря. Имена их париков хорошо известны, так как они перечислены в описи стратопедарха Михаила Фоки от 1236 г.⁷ В этой описи упоминается парик Ксен Лега, который продал монастырю оливы в Мантее⁸. Поскольку и опись и купчая называют имена его жены и детей, мы можем смело заключить, что речь идет об одном и том же крестьянине. В описи мы найдем и Марию, вдову Гунаропула, с сыновьями Георгием и Иоанном, которые в 1240 г. продали землю монастырю⁹; Георгия Понира с женой Кали и сыном Никитой, продавших в 1232 г. землю вблизи метоха св. Георгия в Вари, принадлежавшего Лемвийскому монастырю¹⁰; Иоанна Влатера с сыновьями Стефаном и Константином, которые продали в 1246 г. мельницу монастырю¹¹.

Однако крестьянская земельная собственность была признана не правом, но лишь традицией. Это обстоятельство может быть чрезвычайно ярко проиллюстрировано на примере истории покупки земельного участка Малиасином, крупным землевладельцем и чиновником, который для основания монастыря Новой Петры купил землю в деревне Дрианувена, в стаси крестьянина Архонтицы. Малиасин заявил, — и это заявление было занесено в купчую грамоту, что он мог бы без всякого вознаграждения взять землю Архонтицы, ибо является господином Дрианувены, однако

¹ Хил., № 92.46.

² Хил., № 92.122.

³ Хил., № 92.89 и 99.

⁴ Хил., № 92.20.

⁵ Хил., № 92.35.

⁶ Хил., № 92.115.

⁷ ММ, IV, 13.

⁸ ММ, IV, 60—61.

⁹ ММ, IV, 195.

¹⁰ ММ, IV, 198.

¹¹ ММ, IV, 196—197.

он предпочел купить ее и заплатил за нее 12 перперов¹. В этой сделке перед нами отчетливо проступает феодальное право: собственность, принадлежащая феодалу, владение крестьянина, защищенное лишь традицией, произвольно устанавливаемая цена земли, обусловленная не столько реальной стоимостью участка, сколько личными отношениями обоих контрагентов.

Та же опись деревни Мамициона свидетельствует о том, что феодал сплошь да рядом мог произвольно распоряжаться паричской землей. У крестьянина Льва, сына Калоиоанна, была отнята земля в Потамии и заменена другой землей². Многие крестьяне Мамиконы имели землю, переданную им феодалом (*ἀπὸ παραδόσεως*), т. е. прежде принадлежавшую другим крестьянам, и лишь очень редко опись оговаривает, что переданная земля представляла собою выморочный надел³.

При продаже земли париком он, повидимому, должен был получить согласие от своего господина. Когда в 1301 г. три парика Алексея Амнона продали Эсфигменскому монастырю хорафий, они указали в своей грамоте, что делают это с согласия их господина⁴. Двое крестьян из деревни Силлам на Крите, желая продать виноградники, обратились к своему господину, который выдал им особую грамоту с разрешением⁵.

В ряде случаев парики обладали известной свободой передвижения. Они могли покидать те земли, на которых жили, что, однако, не вело к разрыву феодальной зависимости. Парики епископа Моглен обрабатывали землю лавры св. Афанасия⁶. Монахи Зографского монастыря получили разрешение, чтобы их парики не подвергались обложению ситаркией, когда они покидают свою деревню и обрабатывают землю в других местах⁷. Трое париков Лемвийского монастыря из деревни Вари жили в Смирне⁸. Парики Петра Палеолога, явившись в деревню Лозикий, засеяли землю Халандарского монастыря, и монахи требовали, чтобы эти парики платили им ренту⁹. Парики сир-Гари из деревни Потам, покинув свои земли, переселились в проастий Сфурн¹⁰. Парик Криц из деревни Акротирий, построивший мельницу, оставил ее¹¹ и стал монахом, хотя он и не бежал из родных мест: он

¹ ММ, IV, 397.31 и сл.

² Хил., № 92.117.

³ Хил., № 92.60 и 104.

⁴ Эсф., № 4.3—7.

⁵ ММ, VI, 125.18.

⁶ Лавра, № 45.9.

⁷ Зогр., № 26.51 и № 32.51.

⁸ ММ, IV, 3.4.

⁹ Хил., № 30.13.

¹⁰ ММ, IV, 37 и сл.

¹¹ Хил., № 114.24 (1327 г.) Ср. Хил., № 102.12 и № 116.62.

упоминается в качестве свидетеля во время одной из тяжб¹.

Такая свобода передвижения приводила к тому, что парики могли иметь земли в разных деревнях: парик Серб, например, записанный в деревне Нисий, имел виноградник в деревне Хандак². Парики могли иметь двух господ: например, парики лавры св. Афанасия платили ренту за мельницу Хиландарскому монастырю³. Парик Ксен Лега владел землей в деревне Вари от Лемвийского монастыря и в деревне Мантея — от прониара сир-Гари⁴.

Исследователи аграрных отношений в Византии давно уже обратили внимание на сравнительную текучесть византийского сельского населения⁵; сопоставление писцовых книг Зографского монастыря от 1300 и 1320 гг. показывает, что из 15 семей, живших во владениях монастыря в 1300 г., через 20 лет осталось лишь 6 старых семей, след остальных теряется⁶. Однако эта текучесть не может быть истолкована как доказательство свободы передвижения византийских париков, как, например, полагает В. Мошин⁷; с одной стороны, эти передвижения объяснялись традицией, нарушавшей феодальное право, с другой стороны, иные паричские семьи уходили «в бега». Но не приходится забывать и того, что феодалы сами могли переводить своих париков на другие места. Во время одной из земельных тяжб монахи лавры св. Афанасия, захватив чужую землю, привезли туда и поселили собственных париков⁸. Феодалы могли даже дарить париков⁹, которые в этом случае переходили новому собственнику вместе со своими владениями (*μετὰ καὶ πάντων τῶν δικαίων καὶ προνομίων*)¹⁰.

Сохраняли парики и известные личные права.

Некоторые исследователи полагают, что правом участвовать в суде обладали лишь свободные крестьяне, и видят в этом одно из существеннейших отличий их положения от положения париков¹¹. На самом деле мы постоянно встречаем в доку-

¹ Хил., № 130.41 (1339 г.).

² Зогр., № 29.74.

³ Хил., № 19.118.

⁴ ММ, IV, 13.26 и IV, 60.5.

⁵ Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, ССХХХI (1884), стр. 312, прим. 2.

⁶ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. *Byzantinoslavica*, IX (1948); стр. 267.

⁷ В. Мошин. Зографские практики, Сб. П. Ников, София, 1940, стр. 300.

⁸ Хил., № 19.37.

⁹ Александр Лаврский. ВизВ, VI (1899), стр. 448.1.

¹⁰ Кутл., № 14.7.

¹¹ А. Вишнякова. Хозяйственная организация монастыря Лемвиотиссы. ВизВ, XXV (1927), стр. 45, F. Dölger, *Beiträge z. Gesch. d. byz. Finanzverwaltung*. Münch., 1927, S. 67. Впрочем, в более поздней

ментах указания на то, что парики допускаются к участию в судопроизводстве и как стороны¹, и как свидетели²; они дают показания против своих господ³ и могут подписывать грамоты в качестве свидетелей⁴. Наконец, парик мог стать монахом⁵.

Собранный нами материал показывает, что в X—XIV вв. в Византийской империи происходил процесс обезземеливания крестьянства: феодалы захватывали крестьянские земли и общинные угодья, присваивали себе права общины и подчиняли крестьянство. При этом можно предполагать, что процесс подчинения византийского крестьянства протекал более интенсивно в балканских областях империи, нежели в Вифинии и на малоазийском побережье Эгейского моря. Обезземеливание крестьянства осуществлялось насильственным путем: феодалы убивали крестьян, сгоняли их с земли; нередко они подделывали грамоты, подкупали чиновников.

Наступление феодалов на крестьянство встречало сопротивление с его стороны, как пассивное (бегство), так и активное. Крестьяне поджигали монастырские строения, избивали монахов, уносили хлеб, по ночам устраивали потравы, отказывались выполнять барщины и платить ренту. В этой борьбе с феодалами огромную роль играла крестьянская община, являвшаяся могущественным средством для объединения крестьянства.

Отдельные местные возмущения крестьянства иной раз перерастали в восстания, наиболее крупным из которых было восстание в районе Никеи в 1262 г.

Классовая борьба византийского крестьянства не только сдерживала наступление феодалов на крестьянские права, на крестьянские земли, не только содействовала созданию феодального обычая, но и ослабляла феодальное государство: восстания крестьян приближали падение феодальной Византийской империи.

работе: Die Frage d. Grundeigentums in Byzanz, Bulletin of the Intern. Committee of Historical Sciences, V (1933), S. 14, он высказывал иное мнение.

¹ MM, IV, 279—280 и VI, 38.19.

² MM, VI, 10.26.

³ Хил., № 19.45.

⁴ MM, IV, 129.1. Парики названы здесь οἰχοδεσπότες.

⁵ Парик Криц (Хил., № 102.13 и 114.24) стал через несколько лет монахом (Хил., № 130.41) и выступал на суде как μαρτυς ἀξιόπιστος καὶ ἀναγνώστης.

Глава 5

КАТЕГОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Процесс феодализации в Византии, как и в других странах, завершается в разных районах, а иной раз даже в пределах одной деревни, в разное время, и мы постоянно сталкиваемся здесь с различными категориями феодально-зависимого крестьянства даже в рамках одного феодального владения, не говоря уже о стране в целом. Характеризуя внеэкономическое принуждение как одно из основных условий феодальной эксплуатации, В. И. Ленин указывал на то, что «формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»¹.

В другом месте В. И. Ленин пишет: «Будучи объединены общиной в крохотные административно-фискальные и землевладельческие союзы, крестьяне раздроблены массой разнообразных делений их на разряды, на категории по величине надела, по размерам платежей и пр... Все эти разряды отличаются историей аграрных отношений, величиной наделов и платежей и пр., и пр... Вся эта пестрота была естественна и необходима в средние века...»².

Таким образом, социальная структура феодального поместья отличалась большой сложностью: здесь имелись различные категории зависимого крестьянства. Эта сложность усугублялась еще и тем, что в рамках феодального поместья, с одной стороны, сохранялись элементы старых общественных укладов, с другой — вызревали новые социально-экономические отношения.

Положение зависимого крестьянства в Византии не было единообразным, равно как и форма феодальной ренты: сами

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159.

² Там же, стр. 332.

византийские акты говорят о «повинностях, обычных для этого места»¹. Акты позволяют нам представить различные формы феодальной зависимости византийского крестьянства.

Мы встречаем в Византии форму зависимости, складывающуюся в результате развития патроната, рассмотренного в предыдущей главе. Известия о патронате содержит грамота великого примикирия Иоанна, который в 1384 г. передал монастырю Пандократора патронат над своими людьми на острове Фасос². «Если после моей смерти, — писал он, — они подвергнутся с чьей-либо стороны оскорблениям или притеснениям, монастырь должен о них заботиться и защищать». Эти люди должны были платить монастырю по 2 дуката с каждой стремы виноградника; покидая свое держание, они могли продать строения, возведенные ими на земле монастыря. Великий примикирий Иоанн подчеркивает, что их зависимость не должна отождествляться с парикией.

Гораздо чаще встречаются в источниках упоминания о крестьянах, которых можно уподобить западноевропейским обычникам. Эти крестьяне, помимо уплаты денежной ренты, должны были выполнять ряд специфических повинностей, связанных с обслуживанием барской земли (домена), — так называемые ангарии, т. е. барщинные повинности.

Термин ἀγγαρεία часто встречается в византийских грамотах в несколько неопределенном значении, и исследователи придают этому слову тот старый смысл, который оно имело еще в «Василиках»: ямская повинность. Однако уже в уставе лавры св. Афанасия Афонского, составленном при императоре Иоанне Цимисхии (969—976), этот термин употребляется в совершенно ином значении: император указывает там, что следует отметить те ангарии, которые келлиоты выполняют для игуменов³. Здесь это слово обозначает не что иное, как барщину.

Именно так и следует понимать этот термин, когда в актах идет речь об «обычной ангарии» париков⁴. В некоторых документах это значение термина выражено вполне отчетливо. Так, в описи деревни Мамидона говорится о земле, которая обрабатывается с помощью паричских ангарий⁵. Монахи монастыря Иоанна Богослова имели париков, которые выполняли ангарии при посеве⁶. Кроме пахотных барщин, в

¹ ἐκεῖσε τοπικῶς συνήθων ἀπαιτήσεων — Jus, III, 694.

² Пандокр., № 6.

³ Еп. Порфирий. История Афона, III. 272.31.

⁴ ἡ συνήθης ἀγγαρεία — MM, IV, 256. 1. Ср. MM, 255. 7.

⁵ Хил., № 92.149.

⁶ MM, VI, 255. 6. Иногда для обозначения барщины применяются термины δουλεία или δεσποτικά (MM, IV, 182.17. The Cronicle of Morea, vers. 2670, 3015 и 4578).

источниках упоминается повинность, состоявшая в том, что крестьянин обязан был по приказанию феодала или его представителя отвозить или относить продукты из одного места в другое. Так, из жития Афанасия Трапезундского мы узнаем о том, как некий монах, собрав в одном проастии натуральный оброк, поручил доставить продукты в монастырь беременной женщине¹. Перед нами, таким образом явление, сходное с так называемой извозной повинностью.

Относительно размеров барщины в поздневизантийском феодальном хозяйстве² мы располагаем чрезвычайно скудными данными источников. Так называемый окладной лист города Лампсакса (XIII в.) свидетельствует о весьма незначительных размерах барщинных повинностей крестьян, имеющих одного или двух волов: эти крестьяне обязаны были отбывать на барщине по 7 дней в году³. Монастырские описи, относящиеся к первой половине XIV в., также говорят о незначительной величине барщины, составлявшей 12 дней в году⁴, но иногда достигавшей и одного дня в неделю⁵. Многие описи этого времени не определяют размеров барщины и говорят лишь о том, что крестьяне должны выполнять установленные и обычные барщинные повинности по силам каждого⁶. Такая формулировка оставляла большую свободу для увеличения барщины феодалом. Повидимому, увеличение барщины имело место в середине XIV в. Хрисовул Стефана Душана от 1353 г. указывает, что церковные люди, принадлежавшие греческой церкви св. Николая, должны были работать на барщине 2 дня в неделю⁷.

В то же время нам известны и такие феодальные хозяйства, в которых крестьяне совсем не несли барщины; таковы, например, владения Михаила Мономаха в Хандаке (1333 г.). Впрочем, отсутствие в данном случае отработочной ренты, возможно, объясняется тем, что владения Мономаха представляли собою пронию. Лаврская писцовая книга 1420 г. также

¹ А. И. Пападопуло-Керамевс. ВизВ. XII (1906), стр. 140.13.

² Этот вопрос совершенно неправильно решался Ф. Дёльгером, который утверждал, что барщина «составляла особенно значительную часть повинностей париков». Он исходил не из каких-либо прямых данных источников, но из одних рассуждений относительно величины домена. Однако размеры домениальной земли находят иное объяснение. См. ниже, стр. 127—128 [F. Dölger. Die Frage d. Grundeigentums in Byzanz. Bulletin of the Intern. Committee of Histor. Sciences, V (1933), S. 8.]

³ G. Tafel-G. Thomas, op. cit., II, 209.

⁴ Зогр. № 17.90; Эсф., стр. XVII. 16.

⁵ Эсф., стр. XV.19.

⁶ Хил., № 92.168.

⁷ Русик, стр. 367.

отмечает, что крестьяне лаврского метоха Гомата на Кассандре вовсе не несут барщин¹.

Обязанность нести барщину рассматривалась в поздней Византии как признак несвободы. Морейская хроника рассказывает, что когда славяне, жившие в Пелопоннесе, в горах Друнга, были побеждены Гильомом II, они просили его о сохранении им чести не нести барщины, которую выполняют деревни, лежащие в открытых долинах; подобно своим предкам, они хотели нести лишь военную службу².

В поздней Византии существовала и рента продуктами. Парики Лемвийского монастыря, кроме ангарии, выполняли повинность, называемую *οἰχοδοπαρασπορον*³; в актах XI в. мы находим близкий к этому термин *οἰχοδοιον*⁴. Эти неясные термины давно уже привлекали внимание исследователей⁵. Однако значение их не удалось выяснить; сравнительно недавно их пытались истолковать как плату чиновнику за взвешивание зерна⁶. Для определения значения этих терминов необходимо привлечь указание одной из писцовых книг Эсфигменова монастыря, где сказано: «В качестве *οἰχοδοισμός* за 3 перпера — 1 модий зерна»⁷. И данные кодика Лемвийского монастыря, и это указание эсфигменской писцовой книги не позволяют согласиться с представлением о том, что *οἰχοδοιον* представлял собой пошлину, которую платили чиновнику за взвешивание зерна: скорее всего, в нем надо видеть натуральную ренту, которая уплачивалась крестьянином феодалу соразмерно денежной ренте — подворному: за 3 перпера подворного — 1 модий зерна.

Сходным видом ренты был, повидимому, *οἰνομέτριον* (в котором исследователи тоже хотели видеть плату за отмеривание

¹ Г. Острогорский, Византийские писцовые книги, *Byzantinoslavica*, IX (1948), 304, полагает, что барщина здесь была коммутирована.

² The Chronicle of Morea, vers. 3015 sqq.

³ MM, IV, 182.

⁴ MM. VI, 22.29 и 47.18. M. Goudas 'Επετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, III, 122, N 2.

⁵ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, ССХ (1880), стр. 367. Ф. И. Успенский. Материалы для истории землевладения в XIV в. Учен. зап. Новороссийского ун-та, 1883, стр. 44. П. В. Безобразов. Патмосская писцовая книга. ВизВ, VII (1900), стр. 87, пр. 2. П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 21.

⁶ А. Соловьев — В. Мошин. Гречке повелѣе српских владара. Београд, 1936, стр. 473. F. Dölger, Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden, BZ XXXIX (1939), S. 56, рассматривал этот термин как обозначение взносов чиновнику за измерение земли.

⁷ λαμβάνειν τε καὶ ὑπὲρ οἰχοδοισμοῦ ἀνὰ τριῶν ὑπερπύρων σιτόκριθον μόδιον σταυρικὸν ἓν — Эсф. стр. XVII. 14. В данном контексте *σιτόκριθον* не подать, как полагают А. Соловьев и В. Мошин, назв. соч., 473, но вид зерна. Ср. *σιτόκριθον τοῦ σπόρου* — MM, VI, 134.20.

вина): с 1 перпера подворного платили 1 меру вина. Οἰνομέτριον Стефан Душан в 1346 г. называл новой повинностью ¹.

В ряде монастырских описей встречается упоминание обязанности крестьян приносить феодалу так называемые *καύσικα* (корзиночки), которые в славянском хиландарском практике названы «поклоны». Эти канискии должны были подноситься феодалу к трем церковным праздникам: на рождество, в сыропуст и на пасху ². В одном акте афонского монастыря св. Пантелеймона (XI в.) указывается, что такой каниский должен состоять из хлебца, курицы, модия ячменя и полумеры вина ³. В некоторых актах XIV в. встречается указание на то, что каниский коммутирован и взамен трех подношений с каждого парика взимается 6 кератиев в год ⁴, т. е. $\frac{1}{4}$ перпера.

Но если, таким образом, в XIV в. проходил частичный перевод натуральной ренты на деньги, то в то же время появлялись и некоторые новые виды натуральных платежей. Мы уже видели, что Стефан Душан говорит об οἰνομέτριον как о новой повинности. Пахимер рассказывает, что в 1306 г. в европейских областях империи была введена новая подать зерном — σιτόκριθον ⁵. В конце XIV в. появилась новая хлебная подать: κοιλὸν σιτάρην ⁶. В грамоте императора Мануила II от 1405 г. идет речь о хлебной подати, взимавшейся в размере 2 модиев с зевгаря ⁷.

Наличие определенной тенденции именно к развитию натуральной ренты подтверждает нам любопытный проект Гемиста Плифона замены денежной ренты натуральной ⁸.

Таким образом, тенденции экономического развития XIV в. нельзя сводить только к коммутации, как это делают Г. Острогорский и в еще большей степени В. Мошин; на самом деле этот процесс был более сложным: повидимому, одновременно с появлением новых видов барщины и оброка происходила частичная коммутация других видов отработочной и натуральной ренты.

Преобладающей формой ренты в это время была денежная

¹ А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., № 6.42.

² Зогр., № 29.89; Хил., № 92.171; Эсф., стр. XVII. 17.

³ Русик, № 19.158.

⁴ Эсф., стр. XIV. На этом основании А. Соловьев и В. Мошин полагают, что в XIV в. каниский был полностью переведен на деньги, тогда как Г. Острогорский говорит о частичной коммутации каниския (А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., стр. 450. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 299).

⁵ Pachymeres, II, 492.

⁶ Ватопедский акт 1408 г. — см. В. Мошин. Seminarium Kondakovianum, X (1938), стр. 130.

⁷ F. Dölger. Beiträge z. Gesch. d. byz. Finanzverwaltung. S. 59.

⁸ А. Ellissen. Analecten d. mittel- u. neugriechischen Literatur. IV (1860), 2. S. 47.30 ff.

рента, значительную часть которой составляло подворное¹. Подворное варьировало в основном в пределах от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$ перперов, тогда как каниский оценивались всего в $\frac{1}{4}$ перпера, а барщины, как правило, не превышали 1 дня в неделю.

Традиция ограничивала размеры паричской ренты. Император Константин Мономах (1042—1054) запретил увеличивать ренту париков Хиосского монастыря². Аналогичное запрещение мы находим в уставе монастыря Богородицы Спасительницы мира (XII в.)³. Особенно интересен монастырский устав Атталиаты, который устанавливает неизменность не только размера, но и характера паричских повинностей⁴.

Но хотя традиция и поддерживает неизменность размера и характера паричских повинностей, феодалы все же могли их изменять. Когда Григорий Бакуриани построил в 1083 г. монастырь Петрициссы, он назначил одного парика прислужником в странноприимный дом этого монастыря; этот парик должен был готовить дрова, носить воду и вообще выполнять всякую работу для странноприимного дома⁵.

Нельзя не заметить, что все известия о традиции, запрещающей увеличивать размеры паричских повинностей, относятся к XI—XII вв.; возможно, что в XIV в. она уже не могла помешать росту феодальной ренты; но не следует ли предположить, что в это время рост феодальной ренты идет не столько за счет увеличения подворного, сколько за счет установления новых видов рент — как отработочных и продуктовых, так и дополнительных денежных рент?

Действительно, в поздневизантийских актах мы встречаем упоминание большого числа различных дополнительных пошлин и поборов, взимавшихся в деньгах. Анализ этих видов ренты весьма затруднителен: самое определение значения того или иного термина почти всякий раз представляется очень трудным. Иногда исследователям не сразу удавалось определить, обозначает ли данный термин какой-то вид ренты или нечто иное. Так, Ф. И. Успенский, встретив в Лампсакской описи термин *lu dimodeo*, рассматривал его как географическое название — Димотика⁶, хотя он, на самом деле, соответствует греческому наименованию подати *dimodaton*⁷, значение которой

¹ О природе подворного см. гл. 6.

² M. Gedeon. Βυζαντινὰ χρυσόβουλλα καὶ πικτάκια, 'Εκκλησιαστικὴ 'Αληθεύα, IV, 406. 1. 42.

³ Косм., стр. 58—59.

⁴ C. Sathas. Bibliotheca graeca, I, 39—40.

⁵ Бакур., 48.11.

⁶ Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, ССХХХI (1884), 334.

⁷ Зогр., № 23.53. Фил., № 9.75. Этот термин встречается уже в актах из собрания П. Севастьянова, изданных Т. Флоринским в 1880 г.

еще и до сих пор с достаточной точностью не определено. Другая трудность, возникающая при анализе различных видов поздневизантийской обычной ренты, состоит в том, что многие из них еще выступают перед нами в шелухе государственных податей, выдающей их происхождение как делегированного феодалу налога.

Одной из важнейших дополнительных пошлин был зевгаратикий. В описи проастия Варис 1073 г. зевгаратикий взимается в совершенно незначительных размерах¹, тогда как в писцовой книге Михаила Мономаха он достигает почти 20% всей переданной ему суммы ренты (*ποσότης*). В другом, несколько более позднем акте мы встречаем упоминание о зевгаратикии, достигающем огромной суммы в 200 перперов².

Из одного акта русского Пантелеймонова монастыря на Афоне мы можем видеть, что зевгаратикию соответствует ситаркия³, которой, в свою очередь, соответствует редкая подать *ἀλωιἀτικόν*⁴. В 1325 г. с деревни Зографского монастыря Превиста ситаркия с зевгарей взыскивалась в размере 45 перперов⁵.

Впрочем, вопрос о тождестве зевгаратикии и ситаркии не может быть решен окончательно: дело в том, что в некоторых актах зевгаратикий и ситаркии перечисляются параллельно, как два разных вида ренты⁶.

Существуют и некоторые иные трудности в понимании природы зевгаратикии. В частности, он постоянно встречается в источниках для обозначения не феодальной «обычной» ренты, но подати, уплачиваемой государству. Неясно также, в каком соотношении зевгаратикий находится к зевгологии — налогу,

¹ ММ, VI 7.31 и сл. О зевгаратикии см. также, гл. 6, стр. 142—143. Там и историография вопроса.

² Т. Флоринский. Афонские акты и фотографии с них из собрания П. Севастьянова. СПб., 1880, стр. 95. 16.

³ Русик, стр. 174.

⁴ Русик, стр. 166. F. Dölger, BZ, XXXVIII (1938), S. 497, сомневается в тождественности аловиатика и ситаркии.

⁵ Зогр., № 26.36.

⁶ Зогр., № 26.56. Излишние осложнения внес в вопрос о зевгаратикии Г. Острогорский, утверждавший, что «то место, которое в практике М. Мономаха принадлежит зевгаратикию, в монастырских писцовых книгах занимает *φφέλεια*» (Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 297). Иначе говоря, Г. Острогорский полагает, будто зевгаратикий был специфической повинностью, взимавшейся в светских владениях, тогда как в действительности он постоянно упоминается если не в монастырских писцовых книгах, то в монастырских грамотах (Фил., № 9.69; Эсф., № 12.54 и 13.44; Зогр., № 50.10; Ватоп., стр. 23.18 и др.). К тому же сопоставление зевгаратикии и офелии (последняя взималась в размерах от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{20}$ подворного) ни на шаг не приближает нас к пониманию того или иного вида ренты.

который известен нам по источникам XI—XII вв.¹ и значение которого также еще недостаточно ясно.

Таким образом, проблема зевгаратикия, его соотношения с ситаркией, с зевгологием и т. п. в настоящее время еще далека от полного разрешения: во всяком случае, зевгаратикий был одним из дополнительных поборов, взимаемых в денежной форме. Возможно, что первоначальным значением этого термина было «десятина с зевгарей»², т. е. с упряжек волов, однако в XIII—XIV вв. не существовало ясно ощущимой связи между количеством волов и размерами зевгаратикия. Наконец, весьма вероятным представляется, что за время с XI по XIV в. размеры зевгаратикия значительно выросли.

Обложению десятиной подлежал и другой скот: еще Феофилакт Болгарский говорит об освобождении от десятины со всякого скота³. Акты упоминают десятину свиней⁴ и десятину овец и свиней⁵. От этого сбора, взимавшегося, видимо, с головы, следует, может быть, отличать пошрины за пользование пастбищем, так называемый *ἐνούριον*⁶. Пира свидетельствует (XXXVII. 2), что в XI в. энномий платили сообразно количеству голов выгоняемого на пастбище скота; после уплаты сумма энномия разделялась между всеми крестьянами пропорционально размеру платимого каждым из них государственного налога, причем получателями были даже те крестьяне, которые не имели скота, «ибо, — гласит постановление Пирь, — их пастбищем пользуется другой». Таким образом, Пира отражает тот этап в истории энномия, когда эта подать еще не была феодальной рентой и когда все крестьяне уплачивали его общине, а затем разделяли между собой соразмерно сумме платимого каждым государственного налога.

Поздние акты показывают, что энномий, ставший феодальной рентой, взимался не с головы скота, но за выгон на пастбище: из одного хиландарского акта мы узнаем, что энномий должны платить все, кто выгоняет скот на пастбище, будь то архонты, стратиоты или кто-либо еще⁷; другой акт

¹ Migne PG, CXXVI, 536. A; Jus, III, 432.13; Ф. И. Успенский. Акт отвода земли монастырю богородицы Милостивой. ИРАИ I, 1894, стр. 27.15. Зевгологий встречается иногда и в более поздних актах: MM, VI, 105.12 и MM, V, 83.24.

² Г. Острогорский, назв. соч., стр. 297.

³ Migne PG, CXXVI, 448. B.

⁴ *χοιροδεχάτια* — Хил., № 45.17; Эсф., стр. XV.30.

⁵ *προβατοχοιροδεχάτια* — C. Sathas, op. cit., I, 235.27 и *χοιροπροβάτων* — Эсф., стр. XVI. 6.

⁶ Термин энномий известен не с X в., как утверждают А. Соловьев и В. Мошин (А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., стр. 431), но еще с эллинистической поры (Sandro Avogadro. Alcune osservazioni sulle tasse del bestiame nell'Egitto greco-romano, Aegyptus, 1934, p. 235).

⁷ Хил., № 41.77.

упоминает энномий «на горах и в долине»¹. Парики должны были платить энномий за выгон на пастбище крупного рогатого скота, овец и свиней².

Метаморфоза энномия показывает, что феодал захватывает пастбища деревни и взимает теперь в свою пользу те поборы, которые прежде шли в пользу всего «мира». В этой связи не следует ли предположить, что столь часто встречающееся в грамотах византийских императоров пожалование тому или иному монастырю энномия не было пожалованием государственного налога, а лишь оформлением захвата феодалом общинных земель? К сожалению, эта интереснейшая проблема из-за недостатка источников пока еще не может быть выяснена до конца³.

Далее из источников видно, что особые поборы взимались за пользование горными пастбищами⁴, за пользование дубняком⁵. Очень любопытно упоминание энномия в сумме 4 перперов в год с сада размером в 8 модиев⁶; это показывает, во-первых, что скот выгоняли пастись даже в сад (огород) и, во-вторых, что энномий могли платить не только с головы скота⁷, но и с размера участка, на который выгоняли скот.

Наконец, были специальные поборы, которые взимались за прогон скота при пастушеском скотоводстве⁸, впрочем, они оставались обычно государственными налогами, хотя монастыри и получали подчас освобождение (экскуссию) от этих пошлин.

Помимо пошлин со скота, византийские феодалы взимали с крестьян пошлины за рыбную ловлю, — так называемую «третью часть» или *οὐφώνιον*⁹.

¹ Зогр., № 23.43.

² Фил., № 9.76, Ср. *χοιρονομία* — А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., № 11.69.

³ Предложенному нами пониманию энномия как побора за пользование пастбищами не противоречит упоминаемый в источниках особый «энномий пчел» (*ἐννόμιον τῶν μελισσῶν*) — Фил., № 9. 76, или, чаще, просто *μελισσοέννομιον* — Хил., № 45.16, ММ, IV, 352. 9. А. Каждан. Два поздневизантийских акта. ВизВ, II (1949), стр. 315. 23. Конечно, «энномий пчел» взимался не за пользование пастбищами — он, вероятно, соответствовал «пчелиному десятку» славянского Хиландарского практика. Кроме «энномия пчел», существовал еще один «пчелиный побор» — *κουβελιάτικον*. Ватоп, стр. 23.22. См. о нем — F. Dölger, BZ, XXXI (1931), S. 173, А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., стр. 415—416.

⁴ *ορεική* — Хил., № 45.6; Фил., № 9.75.

⁵ *βαλανίστριον* — Хил., № 45.16 и 69.43; *πρινοκόχμιον* — А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., № 32.67.

⁶ Хил., № 92.144.

⁷ Помимо свидетельства Пиры (см. выше, стр. 123), это подтверждается и патмосской описью 1073 — ММ, VI, 15.12.

⁸ *τοριατικόν* — Зогр., № 26.73. См. F. Dölger, BZ XL (1940), S. 247 f.

⁹ Зогр., № 32.37 и № 37.36,

Повидимому, в XIV в. прежнее значение многих пошлин уже забылось. Об этом свидетельствует тот факт, что в некоторых описях в одну графу включаются поборы самого различного происхождения; например, в описи владений Михаила Мономаха указывается, что владелец должен получать «в счет каниския, судебных пошлин и десятины со свиней» 2 перпера¹. Включение в одну графу разных по своему происхождению пошлин, тот факт, что один и тот же термин получает различное значение и наоборот, — разные термины — сходное значение, — все это свидетельствует о том, что происхождение многих из этих податей было забыто, связь их с реальными размерами имущества потеряна и они превратились в типичные феодальные «обычные» ренты. Значительное разнообразие поздневизантийских дополнительных поборов, а также прослеживаемое в отдельных случаях возрастание сумм, взимаемых в виде того или иного побора, позволяет догадываться, как уже было сказано, о том, что возрастание феодальной ренты протекало в значительной мере за счет установления новых дополнительных пошлин, тогда как основная подать — подворное — оставалась без существенных изменений: размер подворного по описям XIV в. соответствует подворному, которое, в частности, платили еще в XI в. полнонадельные крестьяне проастия Варис (от 2¹/₂ до 4 перперов).

Возрастание феодальной ренты проходило и за счет развития «дурных обычаев». Очень сложным является вопрос о существовании в Византии баналитетов. В Морейском княжестве они, во всяком случае, существовали: описи учитывают сборы за пользование господским прессом для маслин² и господской льномялкой³. Но анализ морейских описей особенно затруднителен; хотя они и ссылаются на греческие практики⁴, однако все же в них встречаются понятия, характерные именно для западноевропейского феодализма: рента в виде пары шпор⁵, вассалы⁶, держание⁷ и т. п. Поэтому трудно сказать, развились ли морейские баналитеты на византийской почве еще до вторжения «франков» в Грецию или же были установлены «латинскими» феодалами. Правда, в греческих описях мы постоянно среди других доходных статей находим и мельницы⁸.

¹ Zorp., № 29.90.

² *Jus unius carpeci...*, ubi machinantur olive — Buchon, II, 60.21.

³ *Jus linobrosii* (= греч. λινόβροχέιον?) in quo jactatur linum — Buchon, II, 78.13.

⁴ Prout hoc et alia in quodam practico in graeca scriptura scripto — Buchon, II, 96.31.

⁵ Buchon, II, 79.28; 80.8; 83.19.

⁶ Buchon, II, 74.27; 90.15.

⁷ Buchon, II, 86.29; 90.8.

⁸ Эсф., стр. XV. 35; Хил., № 92.143.

Однако неясно, было ли их использование обязательным для крестьян. За пользование барскими мельницами крестьяне должны были платить особую пошлину, так называемый эксагий (ἐξαγίον); в одном акте Ксенофонтова монастыря, относящемся к 1083 г., мы читаем, что ктитор этого монастыря постановил, что на монастырской мельнице можно было молотить муку всем без уплаты пошлыны и без эксагия¹.

Известные доходы феодал извлекал из судебных пошлын (азрикона); при этом любопытно, например, что «прелюбодейная денъга» встречается лишь в актах XIV в.²; повидимому, она возникает тоже на последнем этапе развития византийского феодализма. Очень значительные доходы давало феодалу использование права на выморочное имущество крестьянина и авиотикий, который представлял собою, по сути дела, право мертвой руки.

Византийские феодалы взимали в свою пользу и рыночные пошлыны; так, Янинская церковь получала половину доходов с пятнадцатидневной ярмарки, вторая половина шла клирикам церкви³.

Собранные нами факты показывают, что византийские крестьяне должны были выполнять различные феодальные повинности: барщину (пахотную и извозную), различные виды натуральной ренты, подворное, экстраординарные денежные платежи, судебные и рыночные пошлыны, возможно даже — баналитеты. Помимо этих разнообразных видов феодальной ренты, на крестьянина ложилось бремя государственных налогов и повинностей, вроде обязанности строить укрепления и военные корабли, и различных поборов в пользу церкви (например, каноникон). При анализе феодальной ренты обращает на себя внимание факт преобладания денежной ренты и сравнительно слабое развитие барщины. С известными основаниями можно говорить о росте феодальной ренты, который совершается, повидимому, за счет появления новых, дополнительных видов ренты как денежных, так и натуральных и отработочных; в то же время отдельные виды натуральной и отработочной ренты коммутируются, переводятся на деньги.

Характеризуя феодальную хозяйственную систему, В. И. Ленин указывал: «Сущность тогдашней хозяйственной системы состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вотчины, разделялась на барскую

¹ εἰς τὸν μύλωνα μὴ ζητεῖν τι, ἀλλ' ἄνευ ἐξαγίου ἀλέθειν — Ксен., № 1.236.

² N. Bees, 'Ἐπὶ τῆς *jus primae noctis* παρὰ Βυζαντίοις; BZ, XXI (1912), S. 185.

³ MM, V, 85.27.

и крестьянскую... „Надел“ крестьянина служил таким образом в этом хозяйстве как бы натуральной заработной платой...»¹.

Относительная незначительность барщины в поздней Византии заставляет нас поставить вопрос о характере и размерах домениальной земли и связанный с этим вопрос об обеспеченности домениального хозяйства рабочей силой. Эта проблема является весьма сложной; трудность ее изучения состоит в том, что описи — наш лучший источник — почти ничего не говорят о домене. Описи, дошедшие до нас, представляют собою, как правило, акты пожалования императором тому или иному феодалу ренты и повинностей деревень, так что домен (усадебная), по самой задаче описей, почти не затрагивается ими. И все же описи противопоставляют какие-то массивы земли тем наделям, которые находятся во владении крестьян; в деревне Мамициона, например, было около 1750 модиев земли в руках париков и более 2100 модиев помимо нее², в деревнях Хандак и Нисий — около 735 модиев надельной и 575 модиев иной земли³. Епископия Стаги получила в дар 1000 модиев земли и 19 паричских зевгарей — наделов⁴. Большие массивы земли находились в руках феодала и в поместье Варис, где, примерно, из 7000 (7500) модиев около $\frac{4}{5}$ можно считать господской⁵. По расчетам Г. Острогорского⁶, во владениях Хиландарского монастыря в домене было в 5 раз больше земли, чем у крестьян, а во владениях Зографского монастыря в 1320 г. чуть ли не в 12 раз.

Такой домениальной землей могли быть и виноградники; так, в одном из владений Зографского монастыря было 30 модиев виноградника в домене⁷.

В отдельных случаях преобладание домениальной земли над паричской просто поразительно: так, из описи метоха Стомий, принадлежавшего Ксенофонтову монастырю, видно, что из 2170 модиев земли, имевшейся в метохе, лишь 70 модиев было в руках крестьян⁸.

Даже по этим скудным данным можно видеть, что византийские феодалы обладали домениальной землей значительных размеров. Поскольку, как мы видели, барщинные повинности крестьян-обычников были незначительны, естественно предположить, что домен византийского феодала обрабатывался не

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 157—158.

² Хил., № 92.

³ Зогр., № 29.

⁴ ММ, V, 270.31.

⁵ ММ, VI, 6 и сл. Расчет по F. Dölger. Die Frage d. Grundeigentums in Byzanz., S. 9.

⁶ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 239.

⁷ Зогр., № 15.44.

⁸ Ксен., № 6.94.

только с помощью барщинного труда; крупные землевладельцы должны были привлекать для обработки домена иную рабочую силу, кроме барщинников-крестьян. Частично доменные земли сдавались в краткосрочную аренду; критский помещик Стефан Сахликис, живший в первой половине XV в., рассказывает, что все его доходы состояли из так называемой «третьей доли»¹, т. е. обычной арендной платы, и ренты с мельниц, — все это, впрочем, уходило на охотничьих собак. Образцовый формуляр грамот устанавливает норму арендной платы: $\frac{1}{2}$ урожая при аренде виноградника и $\frac{1}{3}$ при аренде хлебного поля, причем арендатор должен был засеивать его собственным зерном².

Разбивая на земле крупного собственника виноградник, крестьяне обязаны были платить арендную плату, размер которой обычно заранее определялся в абсолютных цифрах³. Такая аренда имела тенденцию превратиться в феодальное владение. Крестьянин пользовался определенными реальными правами на эту землю: мог передавать ее по наследству⁴, мог отчуждать ее. Однако при отчуждении земли в пользу феодала шла часть выручки от проданного, так называемый *δεκατημόριον* (десятая часть)⁵. Акты часто указывают, что эти деньги должен получить сборщик ренты землевладельца (*δισυερῶν*)⁶.

От арендной платы, составляющей $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ урожая, отличается так называемая *δεκατία*, т. е. десятина — термин, который применяется в других случаях и для обозначения различных пошлин, взимаемых, например, со скота или с привозимых в гавань товаров. Афинская митрополия в конце XI в. сдавала в аренду виноградники близ Декелеи, получая за них десятую долю вина⁷; лавра св. Афанасия сдавала некоторые земли стратиотам и парикам за уплату десятины⁸. В XIV в. монахи Хиландарского монастыря стремились получать половинную десятину⁹ с крестьян, засевающих монастырские земли в деревне Лозикий. Упоминается десятина урожая и в грамоте

¹ *ἐν τριτά* — С. Пападимитриу. Стефан Сахликис и его стихотворение *Ἀφ' ἧς τις παράξενος*. Летопись Ист.-фил. об-ва при Новороссийском ун-те, VI (1896). Визант. отд. № 3, строка 155.

² С. Sathas. *Bibliotheca graeca*. VI, 621—622.

³ Хил., № 28.23.

⁴ Некто Феодоропул продает полученный им по наследству виноградник, который был разбит на земле Феодора Циринга — Хил., 28.

⁵ Ксен., № 5.35; Хил., № 28.39, № 29.31, № 25.86.

⁶ Хил., № 28.40, № 29.85, № 12.22.

⁷ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов. ИРАИ, V, 39.2.

⁸ Лавра, № 45.8; ср. Хил., № 10.31.

⁹ *τὴν ἡμίση δεκατίαν* — Хил., № 30.17.

императора Иоанна VII Палеолога от 1407 г., пожалованной Ватопедскому монастырю¹.

Термин *δεκατέα*, насколько позволяют судить весьма скудные источники, был распространен лишь на Балканском полуострове, тогда как на малоазийском побережье мы находим его «эквивалент» — *μόρτη*. Лишь один раз термин морта встречается в акте из южной Фессалии, но здесь он сразу же разъясняется как десятина²; кроме того, *ἰπομόρτος γῆ*³ упоминается в описи деревни Мамицона. Но в основном термин морта встречается в актах, происходящих из района Смирны — Милета. Когда соседи Лемвийского монастыря засеяли монастырскую землю в Кукуле, император приказал им платить надлежащую морту⁴. Жители Неохории, которые незаконно пользовались хорафиями Лемвийского монастыря, должны были заплатить морту⁵, которая, впрочем, была «прощена» им по бедности. Морта упоминается и в других актах из этого района⁶.

О размерах земли, сдаваемой за уплату морты-десятины, некоторое представление дает опись владений Хиландарского монастыря в Мамицоне, где из всей домениальной земли 600 модиев обрабатывались с помощью перичских ангарий, т. е. представляли собой домен в прямом смысле этого слова, а 1500 модиев сдано было в аренду, приносящую монастырю 30 перперов дохода⁷.

Крестьяне, владевшие землей за морту-десятину, сплошь да рядом оказываются наследственными арендаторами. С проастия Сфурн близ Смирны, который обрабатывали крестьяне соседних деревень, морта шла сперва монастырю Руфинианов в Константинополе, затем госпсже Кастомонитиссе, земля же эта переходила от одного поколения крестьян к другому⁸. Владение за морту, при котором земля переходила от поколения к поколению держателей, имело тенденцию превратиться в собственность (разумеется, феодальную). Так, жители деревни Малахий близ Милета обладали землей, которая переходила по наследству и передавалась в приданое. В 1262 г. возникла тяжба, в ходе которой крестьяне стремились доказать, что земля эта — их собственность и что они платят за нее государственные подати. Однако разбирательство выяснило, что они

¹ Ватоп., стр. 44.

² ММ, IV, 419.22 и 420.16.

³ Хил., № 92.162. П. В. Безобразов, Афонские акты, Византийское обозрение, I (1915), стр. 60, ошибочно полагал, что за этим термином скрывается земля худшего качества.

⁴ ММ, IV, 145. 16. Ср. ММ, IV, 220.1 и 254.29.

⁵ ММ, IV, 231—232.

⁶ ММ, IV, 35.15; IV, 39.6; IV, 293.34; VI, 211—213.

⁷ Хил., № 92.

⁸ ММ, IV, 35.14.

не платили податей, но «вносили в казну морту этой земли». Собственность на такую землю, указал судья, принадлежит получателю морты, т. е. в данном случае — казне¹. Во второй половине XIII в. жители округа Сампсон утверждали, что они были собственниками некоего проастия, но противники их сумели доказать, что они лишь платили за него морту².

В это время морта уже не представляла собой «десятого снопа», как определяется она в «Земледельческом законе», ст. 8—9; в мамицонской описи морта выступает в качестве денежной ренты, взимавшейся в размере 2 перперов со 100 модиев земли. Точно также и грамота 1407 г., пожалованная императором Иоанном Палеологом Ватопедскому монастырю, никоим образом не позволяет видеть в десятине арендной платы; император подтверждает права монастыря на десятину урожая ряда деревень и обещает, что после его смерти монастырь получит и быков, и самые деревни, где пашут эти быки, и государственные подати этих крестьян. Здесь десятина отчетливо выступает как феодальная рента: она не связана сроком и не обусловлена правом собственности на землю получателя ренты — сами крестьяне рассматриваются в грамоте как владельцы. Наконец, если бы морта попрежнему оставалась арендной платой из доли урожая, то каким путем можно было бы объяснить возможность возникновения тяжб, порождаемых неясностью различий между государственными податями и мортой?

В сходном значении с мортой употреблялся и термин пакт (πάχτων). Пакт мог взиматься за пользование полем (χωροπάχτων)³, за аренду мельницы (μυλοπάχτων)⁴, за пользование рыбным садком — виварием⁵. Он уплачивался иногда из доли урожая, обычно в размере третьей доли⁶, а иногда определялся в денежном выражении⁷. «Трактат об обложении» указывает, что пакт должен был взиматься в размере 1 перпера с 10 модиев земли⁸, и, действительно, опись 1073 г. исчисляет пакт именно в таком размере⁹.

Природа пакта остается недостаточно ясной. Согласно «Трактату об обложении», пакт включал в себя государственные

¹ ММ, VI, 211—213.

² ММ, IV, 293—294.

³ ММ, VI, 7.4 и VI, 178.18.

⁴ ММ, IV, 35.20.

⁵ ММ, IV, 243.5.

⁶ C. Sathas. Bibliotheca graeca. VI, 622. 18.

⁷ В. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в. ЖМНП, 1907, май, стр. 224. 26; ММ, IV, 324.30.

⁸ Тракт., стр. 123. 5.

⁹ ММ, VI, 7. 12 и 15.15.

подати вместе с обычными рентами¹. Однако некоторые акты противопоставляют уплату пакта и уплату государственных податей². Возможно, что пакт, представлявший собою в X в. одну из разновидностей государственных податей, к XIII в. превращается в обычный чинш, сходный с мортой.

Таким образом, византийские феодалы не только сдавали домениальные земли в краткосрочную аренду за $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ урожая, но могли обращать их (частично) в наделы крестьян-чиншевиков; последние становились условными собственниками и могли передавать эту землю по наследству. Здесь, говоря словами В. И. Ленина, «...крестьянская аренда земли приближается к денежной ренте...»³. Это обстоятельство заставляет нас внести коррективы в соотношение между домениальной землей и крестьянскими наделами; так, в деревне Мамициона домен в сущности составлял не 2100 модиев, но лишь 600 модиев⁴; земля под чиншем достигала 1500 модиев, а надельная земля — около 1750 модиев; всего, таким образом, крестьянская земля насчитывала 3250 модиев, т. е. в $\frac{5}{2}$ раз превышала размеры домена.

Для обработки господской земли в прямом смысле слова византийские феодалы применяли собственный скот и инвентарь. В поместье Варис имелись 3 упряжки и 2 плуга⁵. Лемвийский монастырь должен был обрабатывать землю в районе реки Ермон собственными упряжками, тогда как в деревнях Мантея и Вари ему принадлежали паричские наделы⁶. Монастырский устав Григория Бакуриани тоже говорит о домениальных упряжках⁷.

Для работы на домене привлекались, кроме крестьян-обычников и различные другие категории работников. В монастырских хозяйствах, известных по источникам лучше, нежели хозяйства светских феодалов, определенная часть труда возлагалась на некоторых монахов. Император Михаил Палеолог установил, например, что в монастыре св. Димитрия должно было быть 36 монахов; из них 15 человек, знающие грамоту и умеющие петь, несли церковную службу, тогда как остальные обслуживали их в качестве келарей, поваров и пр. Устав Михаила Палеолога называет их *διακονῆται*. В некоторых монастырях *διακονῆται* ловили рыбу, работали в садах и

¹ Тракт., стр. 123.1.

² M. Gedeon, op. cit., IV, 405, стлб. 2.31 и 51 и стр. 406, стлб. 1.37; MM, VI, 178. 17.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 143, прим. 1.

⁴ Ср. выше, стр. 129.

⁵ MM, VI, 6. 20.

⁶ А. К а ж д а н. Византийское сельское поселение. ВизВ, II (1949), стр. 243.

⁷ Бакур., стр. 13. 19.

виноградниках¹, ухаживали за скотом². Но, разумеется, не труд монахов был основным на домене.

Поздневизантийские феодалы, в том числе и церковные, применяли на домениальных землях труд особой категории крестьян, положение которых напоминает древнерусских холопов. Грамоты этой поры иногда упоминают αἰλῆται, т. е. дворовых³. По некоторым актам мы можем судить о существовании так называемых δουλικὰ ζευγάρια, т. е. холопских упряжек, которые находятся в гораздо более тесной хозяйственной связи с доменом, нежели паричские упряжки: так, из хиландарских актов мы узнаем, что паричские упряжки одного из метохов монастыря были обложены ситаркией, тогда как холопские освобождались от нее⁴. В церковных владениях имелись, кроме того, зависимые люди, называемые ἀγιοδούλοι⁵.

При этом необходимо отметить, что встречающиеся в византийских актах, начиная с XI в., δουλοκάριοι⁶ или δουλευταί⁷, не могут быть безоговорочно отождествлены с холопами и—тем более—с рабами⁸. Известно, например, что дулевт Калинник Скуллат держал небольшой надел земли от смирнского митрополита, за который платил незначительную ренту и выполнял небольшую службу: его дети продали часть владения своего отца Лемвийскому монастырю⁹. Дулопариками называют источники и влахов-скотоводов, которые находились в известной зависимости от афонских монастырей и платили им натуральную ренту¹⁰, но, разумеется, не были обязаны работать на монастырском домене.

Рабский труд, который имел еще некоторое значение в X в., почти не встречается в поздней Византии. Уже те немногочисленные упоминания о рабах, которые дошли до нас от XI в., рисуют упадок рабовладения. В описи проастия Варис (1073 г.) указывается, что все рабы здесь перемерли¹¹. Об освобожде-

¹ А. Дмитриевский. Τοπικά, т. I. Киев, 1895, стр. 737.9.

² MM, IV, 257.28.

³ Jus, III, 693.7 = MM, VI, 253.3.

⁴ Хил., № 113. 27. Ср. В. Мошин, Δουλικον ζευγάριον, Seminarium Kondakovianum, X (1938), стр. 130.

⁵ O. Tafrali, Thessalonique au XIVe siècle. Paris, 1913, p. 38.

⁶ Лавра, № 28. 31 и № 31. 26.

⁷ MM, IV, 215.1 и IV, 288.23 (в обоих случаях дулевты противопоставлены парикам), V, 259.14, VI, 200.6 и 237.14. Отождествление дулевтов и париков—см. MM, VI, 214.

⁸ Б. Т. Горянов, Византийское крестьянство при Палеологах. ВизВ, III (1950), стр. 30, склонен считать дулопариков рабами на основании свидетельства о возможности их продать (MM, V, 11).

⁹ MM, IV, 131—132.

¹⁰ Ph. Meyer. Die Haupturkunden f. d. Gesch. d. Athoskloster. Lpz., 1894, S. 163.

¹¹ MM, VI, 6.22.

нии рабов говорят и жития X в.¹ и Пира (XXIV, 7), а завещание каппадокийского землевладельца Евстафия Воилы (1059 г.) рисует самый процесс освобождения рабов. Освобожденные рабы получали землю «в качестве надела и легата»² на вечные времена и становились гражданами-ромеями в «соответствии с их отпускными». Свобода этих вольноотпущенников ограничивалась, однако, тем, что их дети должны были быть переданы храму богородицы, построенному Воилой, и служить ему в качестве клириков³. Из поздних грамот мы знаем, что клирики должны были платить церкви «обычную ренту»⁴; отсюда можно видеть, что освобождаемые рабы становились зависимыми крестьянами.

Процесс превращения рабов в зависимое крестьянство засвидетельствован и в 30-й новелле императора Льва VI, который заявляет, что считает несправедливым отсутствие у рабов права владения и дарует его императорским рабам. Алексей Комнин в новелле 1095 г., ссылаясь на постановление Василия II в пользу крестьян, несколько облегчил положение рабов и прежде всего ведение ими исков о свободе. Он указал далее, в соответствии с церковными догматами, что «у господина и раба один бог, одна вера и одно крещение», и на основании этого установил для рабов торжественный акт бракосочетания⁵, т. е. разрешил рабам иметь семью. Об исчезновении рабства к XIII в. свидетельствует тот факт, что теперь даже купленных у пиратов людей стали называть париками⁶: повидимому, происходит сближение обеих этих категорий, т. е. закрепощение париков и частичное освобождение рабов. Термин «раб» (δοῦλος, οἰκέτης) хотя и продолжает встречаться в поздних памятниках⁷, но уже не имеет прежнего значения; он обозначает зависимого человека вообще и противопоставляется слову: «господин»⁸. Возможно, впрочем, что рабы

¹ L. Petit. *Revue de l'Orient Chrétien*. VII (1902), p. 557.31. Migne PG, CXX, col. 100. D.

² X. Лопарев, ВизВ, 1910, стр. 94, говоря об освобождении рабов Феофаном Сигрианским, неправильно переводит λεγῆτα как «грамоты». Освобождение раба с земельным наделом в качестве легата засвидетельствовано грамотой 897 г. — Лавра, № 1. 19.

³ В. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в. ЖМНП, 1907, май, стр. 224, 228.9. П. Безобразов, ВизВ, XVIII, 1911, стр. 114, почему-то считает, что рабы Воилы получили полную свободу.

⁴ MM, V, 273.2.

⁵ Jus, III, 402—407.

⁶ MM, VI, 221.20. О вырождении рабства в XI в. свидетельствует и Евстафий Солунский — см. A. Hadjinicolaou-Marava, *Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin*. Athènes, 1950, p. 57.

⁷ Cantac., I, 59.14; I, 61.2; I, 144.19; I, 151.20, I, 190.1 и др.

⁸ ἐνταῦθα δοῦλος μὲν τὸν δεσπότην ὦρει — Димитрий Кидонис: Migne PG, CLIX, col. 648.

сохранялись кое-где в качестве челяди; поэт XII в. Продром в лучшие времена своей жизни держал в доме шестерых рабов (ψυχάρια)¹. Некоторый намек на сохранение рабов находим мы у Кантакузина, который говорит, что ромеи не обращают военнопленных в рабство, если только это не варвары².

Для обозначения византийского зависимого крестьянства применялся иногда неясный термин *προσκαθήμενοι*, встречающийся уже в актах середины X в.³ Часто этот термин противопоставлялся термину *парики*; например, в хрисовуле императора Андроника III от 1331 г. противопоставляются *προσκαθήμενοι*, населяющие метохии, и *парики*, живущие в разных деревнях⁴. Отмечая это противопоставление, Б. А. Панченко писал: «Парики и *προσκαθήμενοι* — две не смешиваемые (подчеркнуто автором) категории зависимого крестьянства»⁵, причем в *προσκαθήμενοι* Б. А. Панченко хотел видеть «пришлых крестьян». Это положение Б. А. Панченко неточно: мы не только встречаем в византийских актах *παροικοι* *προσκαθήμενοι*⁶, но один акт афонского монастыря св. Павла разделяет *парики* на *προσκαθήμενοι* и *προσφυτοι*⁷, что, может быть, следует толковать соответственно как местные *парики* и *пришельцы*. Хотя, таким образом, у термина *προσκαθήμενοι* нет вполне определенного значения, но мы можем предполагать, что в византийской деревне различались крестьяне, издавна жившие в деревнях, и «приселенцы», приходившие в поместье и поселявшиеся в усадьбе; впрочем, обозначения *парики* и *προσκαθήμενος* могли прилагаться к тем и другим.

Пришлых людей описи и грамоты XIV в. чаще называют чужаками (*ξένοι*) и свободными (*ἐλεύθεροι*). Этому последнему термину следует придавать специальное значение: в византийской терминологии «свободными» назывались те, кто не был обязан платить подати; поэтому элевтеры характеризуются в византийских памятниках как неизвестные казне (*τῷ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοι*) и не записанные в каких-либо практиках (*μὴ κα-*

¹ Д. Шестаков. Три поэта византийского Ренессанса, Учен. зап. Казанского ун-та, 73 (1906), № 7—8, стр. 6, прим. 4.

² *Санта*с., I, 497.13.

³ Лавра, № 2.22. III. Диль, Основные проблемы византийской истории, М., 1947, стр. 113, без всяких оснований считал их «варварами», осевшими в империи после вторжения и получившими участки земли для обработки.

⁴ MM, VI, 252—253. Здесь *προσκαθήμενοι* сближаются с *αὐλῖται*.

⁵ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 191. Эту же точку зрения, не ссылаясь на Б. А. Панченко, развивает и Б. Т. Горянов, назв. соч., стр. 27.

⁶ Эсф., № 12.32 и № 14.14: Зогр., № 11.39.

⁷ А. Каждан. Два поздневизантийских акта. ВизВ, II (1949), 318.28.

ταγεγραμμένοι ἐν τισι πρακτικοῖς)¹. Интересные данные о положении элевтеров мы находим в одной грамоте 1348 г.; эта грамота содержит решение по жалобе монахов Алипийского монастыря на то, что архонтопулы города Серры незаконно завладели их «приселившимися» элевтерами (ἐλευθεροὶ προσκαθήμενοι), уведя их с монастырского метоха и распоряжаясь ими как собственными. Во время суда монахи доказывали свои права не только ссылкой на показания свидетелей, — они предъявили ряд «стародавних документов (παλαιγενῶν δικαιωμάτων)», в том числе и императорских указов². Этот документ убедительно показывает, что так называемые «свободные» на самом деле представляли собой зависимых крестьян, и спор мог идти только о том, кто из феодалов является господином данных элевтеров; далее, мы видим, что элевтеры живут не в деревне, а в монастырском метохе, причем живут они здесь достаточно долго, коль скоро монастырь может доказывать свои права на них ссылкой на «стародавние документы».

Очень любопытные данные об элевтерах содержат также описи метоха Стомий, принадлежавшего Ксенофонтову монастырю. В описи метоха Стомий от 1300 г. названы 6 крестьянских семей, которые обозначены здесь как приселившиеся мистии (προσκαθήμενοι μίσθαρνοι); в 1318 г. в Стомии было уже 17 семей; в описи они названы париками, а в хрисовуле императора Андроника II προσκαθήμενοι и элевтерами³. Мы можем предполагать, что элевтерами становились те мистии, которые оседали в поместье, получали небольшой надел в качестве «натуральной заработной платы» и постепенно превращались в феодально-зависимых крестьян. Среди этих элевтеров могли быть и свободные крестьяне, и беглые крепостные, которые оседали во владениях других феодалов, и, как мы видели в грамоте 1348 г., люди, насильственно уведенные одним феодалом у другого. Наконец, среди элевтеров было много византийских крестьян, бежавших от турецкого нашествия, как об этом прямо говорит хрисовул Стефана Душана от 1353 г.: «И кды пленише Тоурьци Анатолию, тьди и приидоше слободии людие из Грькь на црьковную землю»⁴.

Г. Острогорский, уделивший много внимания элевтерам, считает, что элевтеры всегда были беднейшими крестьянами, платившими незначительную ренту; он опирается при этом на

¹ Кутл., № 10. 82—83 и др.

² Кутл., № 21. 1—9.

³ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 272 и сл.

⁴ Русия, стр. 365—366.

данные, почерпнутые из описей Ксенофонта метоха Стомии¹. Акты монастыря Кутлумуш также говорят о бедняках — элевтерах². Однако на самом деле этот вопрос гораздо сложнее. Об этом свидетельствует опись одного метоха монастыря богородицы Спилиотиссы³, не использованная Г. Острогорским. В этом метохе, как и в Стомии, был очень значительный домен — 2000 модиев земли и виноградник в 30 модиев. Парики, среди которых были и зажиточные, платили ренту от 1 до 4¹/₂ перперов. Среди париков назван Феодосий Серб, подаренный монастырю одним стратиотом. Этим парикам противопоставлен элевтер Феодор Семиак, который платил огромную ренту в 10 перперов. Этот факт показывает, что вопрос о полсжении элевтеров решается не так просто и единообразно, как полагал Г. Острогорский; среди элевтеров могли быть и зажиточные крестьяне.

Поселяясь во владениях феодалов, чужаки и элевтеры часто превращались в мистиев⁴. Этот термин, широко распространенный вплоть до XI в., обозначал в то время бедняков, которые должны были выполнять работу в хозяйстве монастыря или частного лица. Согласно уставу Христодула для Патмосского монастыря (1091 г.), мистии должны были нести службу там, где им укажет игумен, в течение 5 дней в неделю, а на субботу возвращаться к себе домой⁵. Рассматривая мистиев как свободных людей, устав Христодула указывал, что мистий, совершивший проступок, должен изгоняться с острова — наказание, которое, разумеется, не могло применяться к крепостным.

Однако в XIII—XIV вв. мистии представляли собою скорее батраков с наделом, по полсжению своему близких к «обычному» крестьянству. Так, например, на острове Кос мы встречаем мистиев, которые владели наследственными наделами, платили денежную ренту (τέλος) и выполняли ангарии и «обычные» повинности⁶.

Наконец, для обозначения византийских крестьян применялись и другие наименования, иные из которых, может быть, даже и не имели определенного значения: «плательщики»⁷,

¹ Г. Острогорский, назв. соч., стр. 274.

² Кутл., № 11.24.

³ Александр Лаврский. ВизВ, VI (1899), 448—449.

⁴ μίσθιοι ξένοι — MM, VI, 179.32, προσκαθήμενοι μίσθιοι — MM, VI, 216.17. Ср. Ксен., № 3.11. См. подробно А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI веков. Учен. зап. Туйского Государственного педагогического института, вып. 2, 1951.

⁵ MM, VI, 67—68. О мистиях см. Б. Т. Горянов, назв. соч., стр. 36—37.

⁶ MM, VI, 209.16—30.

⁷ ὑποτεταῖ — MM, VI, 215.5; ὑποτελεῖς — MM, VI, 217.31.

иногда «бедные», хотя среди этих «бедных» можно даже встретить владельца зевгаря¹; иной раз, наоборот, подчеркивая, что они являются владельцами хижины, их называют *καλυβιώται*². Для обозначения каких-то неясных форм зависимости встречается и слово *ἄνθρωποι*³, и термин *γυνικάριοι*⁴.

Все это показывает, что византийское феодальное поместье было весьма сложной организацией, включавшей в себя различные категории зависимого крестьянства: от крестьян под патронатом до дворовых холопов. Крестьяне-обычники, не говоря уже о чиншевиках и крестьянах под патронатом, находились в довольно слабой связи с собственно господским хозяйством; они уплачивали преимущественно денежную ренту, тогда как барщина была совершенно незначительной. Домениальные земли достигали больших размеров и обрабатывались преимущественно трудом холопов и мистиев или же сдавались в аренду.

¹ *πτῶχοι* — MM, IV, 177 и VI, 257.26.

² Зорг., № 5.83.

³ MM, IV, 167. 13.

⁴ MM, V, 278.23.

Глава 6

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА

В предыдущей главе мы охарактеризовали положение византийского крестьянства и установили, что в Византии существовали все три основных вида феодальной ренты: отработочная, продуктовая и денежная. Постараемся теперь рассмотреть те принципы, на основе которых было построено взимание ренты в Византии XIII—XIV вв.

Маркс выяснил принципиальное отличие феодальной ренты от ренты капиталистической, заключающееся в том, что феодальная рента не определяется реальными доходами (прибылью) крестьянина. «Прибыль,— говорит Маркс,— если мы, прибегая к ложной антиципации, так назовем ту частицу избытка его (феодального крестьянина. — А. К.) труда над необходимым трудом, которую он присваивает сам себе, — до такой степени не оказывает определяющего влияния на ренту..., что скорее она появляется за спиною последней и находит свою естественную границу в размере ренты...»¹. Феодальная рента служит «нормальной границей... эмбриональной прибыли...»². Она определяется в большей степени личными отношениями между феодалом и крепостным, фиксированными в известной мере феодальной традицией, нежели размерами надела и имущества крепостного.

Вопрос о существовании в Византии феодальной ренты не был и не мог быть поставлен в буржуазной историографии.

Буржуазные историки рассматривают византийскую ренту — и в том случае, когда она взимается государством, и в том случае, когда она присваивается отдельным феодалом — как подать, взимание которой было построено на принципах

¹ К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1949, т. III, стр. 809.

² Там же, стр. 811.

диоклетиановой податной системы¹. Иначе говоря, они утверждают, что поздневизантийская рента и подать определялись размерами облагаемой земли (или размерами земли и числом крестьянских душ). В советской историографии эту точку зрения отстаивал Б. Т. Горянов².

Чтобы выяснить вопрос, существовала ли в поздней Византии феодальная рента или же и в самом деле речь может идти только о диоклетиановой системе обложения, мы должны определить, чем обуславливались размеры ренты в Византии XIII—XIV вв. — реальными размерами имущества или же личными отношениями и феодальным обычаем.

При этом состояние источников вынуждает нас анализировать либо подлинные государственные подати, либо же государственные подати в момент передачи их феодалу. Однако у нас нет оснований считать, что в XIII—XIV вв. государственные подати взимались на основе иных принципов, нежели частновладельческая рента, и, следовательно, если нам удастся показать, что государственные подати носили феодальный характер, то этот вывод с полным правом можно будет распространить и на частновладельческую ренту.

Существом диоклетиановой податной системы было известное соответствие между размерами земли и ренты (подати); это соответствие достигалось при помощи классификации земель в зависимости от их качества по нескольким разрядам³.

¹ К. Е. Zachariae von Lingenthal. Zur Kenntnis des römischen Steuerwesens, Зап. СПб. Академии Наук, 1863, стр. 12—13, утверждал, что в Византии существовала римская *capitatio humana*. В. Г. Васильевский, Материалы для внутренней истории византийского государства, ЖМНП, ССХ (1880), стр. 366 и слл., полагал, что в Византии сохранялась римская подушная и поземельная подать. П. В. Безобразов, Крестьяне (в кн.: Герцберг, Г. Ф. История Византии, 1897), стр. 657, считал византийскую податную систему полностью тождественной римской. Б. А. Панченко, Крестьянская собственность в Византии, стр. 209, прим. 1, полагал, что византийский *τέλος* складывался из римской *capitatio* и *annona*. Эту же точку зрения поддерживал и П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, Юрьев, 1908, стр. 22, прим. 44. К этим взглядам примыкают А. Соловьев и В. Мошин. Гречке повелю српских владар. Београд, 1936, стр. 398. Современные буржуазные византилисты также не ставят вопроса об изменении природы византийской ренты, хотя они много говорят об эволюции аппарата для взимания налогов.

Особую позицию в этом вопросе занимал Ф. И. Успенский, который полагал, что византийская податная система заимствована у римлян, но несколько видоизменена под влиянием славянства [Следы писцовых книг, в Византии, ЖМНП, ССXXXI (1888)].

² Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВизВ, т. III (1950), стр. 44.

³ Подробная характеристика этой системы была дана несколькими исследователями, в последнее время — советским ученым Н. В. Пигулевской (Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.—Л., 1940, стр. 50 и слл.).

В поздней Византии разделение земель на определенные разряды в соответствии с ее качеством сохранялось лишь в теории; так, в трактатах землемеров была точно определена ценность модия земли каждого разряда¹; в них устанавливалось, что с земли определенной ценности должна была уплачиваться определенная подать².

Однако эта существовавшая в теории классификация земель по податным разрядам в зависимости от качества почвы практического значения уже не имела. Разделение земли на разряды встречается в источниках очень редко, при этом различные документы делят угодья на разряды по-разному. Так, руководства для землемеров разделяют все земли на три разряда: плодородная земля, 1 модий которой оценивается в 1 перпер, песчаная земля — по $\frac{1}{2}$ перпера за 1 модий, и пастбища — по $\frac{1}{3}$ перпера за 1 модий³. Опись владений Патмосского монастыря на острове Липсо (1087) выделяет три разряда одной только пахотной земли⁴ и, кроме того, отдельно называет «землю горную, пастбищную, каменистую и заросли»⁵. Относящиеся к этому же времени акты лавры св. Афанасия на Афоне иногда говорят о трех разрядах земель⁶, иногда только о двух, относя к первому разряду поле и луг, а ко второму — пастбище и горы⁷. Более поздняя латинская опись владений в Морейском княжестве выделяет в соответствии с размерами ренты четыре разряда пахотной земли: за одни земли следует платить 1 перпер с 15 модиев⁸, за другие — 1 перпер с 20 модиев⁹, за третьи — 1 перпер с 25 модиев¹⁰ и, наконец, за «земли полевые и тощие с рощей» — 1 перпер с 30 модиев¹¹.

Обычно же византийские акты вообще не говорят о разря-

¹ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. Труды VI Археологического съезда, Одесса, II (1888), стр. 278.

² Там же, стр. 306.6.

³ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. Труды VI Археологического съезда, Одесса, II (1888), стр. 278—279. Ср. стр. 305. Более подробная классификация земель в Геопониках не имеет податного характера.

⁴ ММ, VI, 41.6. Ср. П. В. Безобразов. Патмосская писцовая книга. ВизВ, VII (1900), стр. 68—69.

⁵ ММ, VI, 41.7. Г. Острогорский ошибочно утверждает, что эта опись и трактаты землемеров говорят об одном и том же — см. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX (1948), стр. 240, прим. 118.

⁶ Лавра, № 51.45.

⁷ Лавра, № 51.29.

⁸ Buchon, II, 81.3.

⁹ Buchon, II, 81.17 и 89.6.

¹⁰ Buchon, II, 81.23.

¹¹ terra acreste et macrose cum nemore — Buchon, II, 81.10.

дах: в них различаются только пахотная и луговая земля, виноградники и сады¹.

Вместе с вырождением классификации земель по податным разрядам исчезает и податная единица римской налоговой системы — *jugum* (она включала в себя определенное количество земли каждого разряда, приходившееся на единицу подати), хотя соответствующее латинскому *jugum* греческое слово зевгарь (ζεῦγᾶριον), т. е. упряжка волов, продолжало употребляться в Византии и как мера земли² и для обозначения объекта обложения³.

Со времени Ф. И. Успенского в науке укоренилось воззрение, согласно которому в основе византийской податной системы лежало понятие зевгаря как экономической и фискальной единицы. Ф. И. Успенский полагал, хотя и с некоторыми колебаниями⁴, что зевгарь — это надел, оцененный в 60 перперов и содержащий 105—420 модиев, в зависимости от качества земли⁵. Однако, прежде чем говорить о зевгаре как о фискальной единице, следует выяснить, что именно, т. е. какой «зевгарь», подвергался обложению — реальная упряжка или надел земли — и какой характер носила эта подать, взимаемая с зевгарей. Дело в том, что владение упряжкой не было связано с владением наделом определенных размеров. Так, в деревне Мамициона обладатели зевгаря имели

¹ Jus., III, 447.6. См. F. Dölger. Beiträge z. Gesch. d. byz. Finanzverwaltung, S. 54. f.

² γῆ ζεῦγᾶριον ἐξ — MM, IV, 147.15. Ср. MM, VI, 232. 9; Фил., № 3.50; Ватоп., стр. 47.15. В Далмации в XV в. применялись сходные меры: quantum possunt arare paria sex bovum — см. В. Макушев. О пронии в древней Сербии. ЖМНП, 1874, сентябрь, стр. 14. Изредка в значении земельной меры применялся и термин βοῖδισον, бык — Хил., № 27.48.

³ Хил., № 113.27, указ императора Мануила II (1405) — F. Dölger, op. cit., S. 59, письма Феофилакта Болгарского — Migne, PG, CXXVI, 448. В.

⁴ Отметим, что в своей ранней работе «Материалы для истории землевладения в XVI в.», Зап. Новоросс. ун-та, XXXVIII (1883), стр. 25—26, Ф. И. Успенский стоял в этом вопросе на более правильной точке зрения.

⁵ Ф. И. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии. ЖМНП, CLIX (1888), 251—2. Ср. П. В. Безобразов, назв. соч., 652—3; А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., 399. G. Ostrogorsky, Cambridge Economic History, v. I (1942), 221, полагает, что зевгарь состоит из 100—200 модиев, в зависимости от качества земли. В работе «Византийские писцовые книги», стр. 251, Г. Острогорский хотя и выступает против точки зрения Ф. И. Успенского, но все же отрицает, «что понятие зевгаря совсем утратило значение экономической и фискальной единицы». В данном случае перед нами лишь один из примеров того, что современная буржуазная наука не в состоянии отразить объективную истину: Г. Острогорский видит, что факты не вяжутся с традиционным воззрением, но не может отказаться от него.

наделы земли в 110, 104, 85, 81, 74, 55, 50, 30, 20 модиев, тогда как владельцы одного быка — землю в 120, 94, 80, 60, 27 модиев; в деревне Хандак обладатели зевгаря имели наделы от 15 до 36 модиев, а владельцы одного быка — от 11 до 30 модиев. В пронии детей Киприяновых в селе Градец ни один из крестьян, обладавших парой быков, не имел земельного надела. Следовательно, обладание упряжкой быков (зевгарем) не означало обладания определенным земельным наделом.

Кроме того, размеры зевгаря, как надела земли, настолько резко варьируют, что в нем трудно видеть единицу обложения. На острове Лемнос русский монастырь св. Пантелеймона получил 3 зевгаря, которые составляли 748 модиев¹, т. е. около 250 модиев на зевгарь (по расчету Ф. И. Успенского — даже 277 модиев²). Тот же монастырь на Кассандре близ Афона получил 30 зевгарей, составлявших 4039¹/₂ модиев³, т. е. около 135 модиев на зевгарь. Зографский монастырь получил в деревне Лозикий 4 зевгаря, что составляло 400 модиев⁴, т. е. по 100 модиев на зевгарь. Во владениях монастыря богородицы Милостивой на 1 зевгарь приходилось по 80 модиев⁵. Наконец, в трактатах землемеров, изданных Ф. И. Успенским, мы встречаем зевгарь в 40 модиев⁶.

Такие резкие колебания размеров зевгаря заставляют нас усомниться в том, что зевгарь-надел мог быть объектом обложения. С другой стороны, источники содержат прямые указания на то, что объектом обложения был зевгарь-упряжка. Монахи Патмосского монастыря просили в 1196 г. о том, чтобы на их землях на Крите «не взимались подати с зевгарей и другого скота»⁷. Зографский монастырь должен был платить 45 перперов в год «за зевгари, которые находятся и пахут в названной деревне Превиста»⁸. Эта подать названа ситаркией⁹. Хиландарский монастырь получил паричские зевгари, облагавшиеся ситаркией¹⁰. Выше указывалось, что ситаркия, возможно, тождественна другому налогу — зевгаратикию¹¹, зев-

¹ Русик, стр. 190 и 198.

² Ф. И. Успенский. Византийские землемеры, стр. 309.

³ Русик, стр. 202 и 206.

⁴ Зогр., № 10.14 и 27.

⁵ Ф. И. Успенский. Акт отвода. ИРАИ, I, 29.20.

⁶ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры, стр. 305.5.

⁷ MM, VI, 131.32.

⁸ Зогр., № 26.33.

⁹ σιταρχία — Зогр., № 26.35. Ср. Хил., № 45.15; σιταρχία — Зогр., № 32.35. Иногда ей соответствует ἀλωνιατικόν — Русик, стр. 166.

¹⁰ Хил., № 113.32.

¹¹ См. выше, стр. 122. На этот факт указывал еще В. Г. Васильевский, Материалы для внутренней истории Византийского государства, ЖМНП, ССХ (1880), стр. 366, опирающийся на формулу: τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρχίας ἡγοῦν τοῦ ζευγαρτικείου — Русик, стр. 174.

гаратикий же взимается с зевгарей — упряжек, например, с зевгарей, работавших в деревне Хандак¹. Писцовая книга лавры св. Афанасия (1420 г.) также упоминает десятину зевгарей (τὸ δέκατον τῶν ζευγαρίων)².

Все эти факты не позволяют нам согласиться с В. Г. Васильевским, утверждавшим, что в ситаркии и зевгаратикии «легко узнается» поземельная подать³. В. Г. Васильевский пришел к этому выводу, опираясь на данные незначительного количества источников, которые имелись в его распоряжении. На самом деле, зевгаратикий представлял собой дополнительную пошлину⁴, взимавшуюся первоначально с упряжек волов⁵.

Далее: в поздневизантийских документах мы продолжаем сталкиваться с разделением крестьян на группы, уплачивающие разную ренту, причем на первый взгляд это разделение представляется связанным с обладанием зевгарем или его долей. Так, опись 1073 г. разделяет крестьян на двузевгаратов, зевгаратов, воидатов⁶ (владельцев одного быка) и бедняков, владеющих и не владеющих ослами. Все эти категории платят различные подати⁷. Трактаты землемеров Ф. И. Успенского говорят о зевгаратах одноволовых и пеших, которые платят соответственно 40, 30 и 20 перперов⁸. В 1234 г. дука Фракисийской фемы получил приказ выделить среди париков деревни Вари зевгаратов и воидатов и налсжить на них соответствующую подать⁹. Зевгараты и воидаты упомянуты и в окладном листе города Лампсака: 21 зевгарат платил 208

¹ Зогр., № 32.51.

² Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 246.

³ В. Г. Васильевский, назв. соч., стр. 366. Ср. П. В. Безобразов. Крестьяне (в книге Г. Ф. Герцберга. История Византии), стр. 657.

⁴ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность. Стр. 162, прим. 2. F. Dölger, Beiträge z. Gesch. d. byz. Finanzverwaltung, S. 53, считал зевгаратикий capitatio animalium. Г. Острогорский, Seminarium Kondakovianum, V, 320, видел в зевгаратикии поземельную подать, но в своей последней работе «Византийские писцовые книги», стр. 246, он уже правильно называет его «небольшим добавочным сбором». Встречается и термин ζευγολόγιον, которому новелла императора Мануила Комнина противопоставляет δημόσιον — Jus, III, 432.

⁵ О размерах зевгаратикии см. выше, гл. 5, стр. 122.

⁶ MM, VI, 15.6. Ср. Лавра, № 51.30, А. Дмитриевский. Топіка. Киев, т. I (1895), стр. 655.12. Ζευγητόπη и βοιδότηπη — В. Бенешевич, ЖМНП, 1907, май, стр. 228.30 и слл.

⁷ Ф. И. Успенский, Следы писцовых книг в Византии, ЖМНП, ССХХI, 1884, ошибочно считая термин «воидат» славянским, полагал, что этот термин обозначает землю, на которой сидят славяне-поселенцы, поставляющие воинов («вои-дат») — этим он объяснял меньший размер ренты воидатов; на самом деле термин «воидат» происходит от греческого слова βοῖδιον, бык.

⁸ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры, стр. 305.5 и 307.14.

⁹ MM, IV, 182.13.

перперов, а 52 воидата — 206 перперов¹. Деление крестьян на зевгаратов и воидатов встречается также в писцовых книгах XV в².

Но опять-таки понятие зевгарата не совсем тождественно понятию владельца надела земли в 1 зевгарь: зевгараты могли вообще не владеть землей. Так, Патмосский монастырь просил пожаловать ему зевгаратов, не имеющих своей земли и не платящих податей в казну³. Монастырю богородицы Милостивой были подарены 12 париков, не имевших своей земли; когда же они превратились в зевгаратов, монастырь обратился к императору с просьбой наделить их землей. Императорский чиновник, установив размеры зевгаря в болгарских фемах, нашел заброшенную землю, которую и передал этим зевгаратам⁴.

Таким образом, крестьянин-зевгарат отнюдь не был владельцем земли в 1 зевгарь; повидимому, в разряды зевгаратов и воидатов крестьяне заносились не только сообразно количеству земли, но в соответствии с размерами всего имущества⁵.

Итак, мы не в состоянии проследить в поздней Византии существование податной единицы, подобной римскому *jugum*, Византийский зевгарь земли, размеры которого резко колебались, не был единицей податного обложения. Обложению подвергался другой зевгарь — пахотная упряжка, и подать, взыскиваемая с зевгарей, не была поземельной податью; это была дополнительная пошлина (десятина), взимавшаяся, наряду с другими пошлинами, со скота.

Строгое соответствие размеров земли и подати, которое лежало в основе римской системы обложения, могло быть достигнуто только в результате тщательного измерения земли. «Трактат об обложении» подробно останавливается на способе измерения земли по маленьким частям⁶. Феофилакт Болгарский и Михаил Акоминат жалуются на чрезмерную тщательность сборщиков податей, которые измеряли землю «блошиной стопой»⁷; это выражение, повидимому, стало уже традиционным.

Однако в поздней Византии такого тщательного измерения

¹ G. Tafel—G. Thomas, op. cit. II, 208.

² Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 251.

³ MM, VI, 104.22.

⁴ Ф. И. Успенский. Акт отвода земли монастырю богородицы Милостивой. ИРАИ, I, стр. 26—29.

⁵ κατὰ τὴν ἐκάστου εὐπορίαν καὶ δύναμιν — MM, IV, 182.15. Впрочем, иной раз зевгараты и воидаты могли платить одинаковую подать; так, в некоторых владениях русского монастыря св. Пантелеймона в XV в. и зевгараты, и воидаты платили по 2 перпера — Русик, стр. 210—212.

⁶ Тракт., 115.11.

⁷ γῆ διαμετρομένη τοῖς τῆς φυλλῆς πηδύμασι — Migne PG, CXXVI, 316 B.

земли не производилось. Прежде всего, самая земельная мера (модий), видимо, варьировала: известны модии морские, царские, большие, большие царские, модии для анноны и прочие¹. Кроме того, существовали и локальные земельные меры, как, например, псомиари в Трапезунде².

Далее характерно, что писцовые книги и купчие подчас описывают размеры земли лишь приблизительно. Например, в 1300 г. Ксенофонтову монастырю были переданы 2 участка: один около 280 модиев, другой около 200. Общий размер тоже указан в этом акте: около 400 модиев³.

Кефалоникийская опись иной раз и вовсе не называет размеров земли в модиях⁴; в нее заносятся также хорафии, не измеренные в модиях, т. е. земельный участок описывается не как сумма такого-то числа модиев, но как целое, как данная земля⁵.

Отсутствие податной единицы земли и классификации угодий по разрядам, отказ от точного измерения земли в модиях — все это показывает, что римские принципы взимания поземельной подати в поздней Византии находились в состоянии разложения, что от римской поземельной подати, собственно говоря, остались лишь некоторые названия.

В этом смысле весьма примечательно сохранившееся в актах заявление переписчика катепанства Смирны XIII в. Иоанна Костомира о том, что он освобождает Лемвийский монастырь от уплаты ренты за некоторый участок земли, так как сидевший на нем крестьянин Какава переведен переписчиком в другое место, где он подвергается обложению и несет военные повинности вместе с другими париками⁶. В мотивировке Иоанна Костомира отчетливо обнаруживается понимание того, что уже не земля являлась объектом обложения.

В поздней Византии не существовало уже и римской подушной подати. В свое время В. Г. Васильевский полагал, что подушная подать сохраняется до конца империи и носит в XIII—XV вв. наименование *ἀερικόν, βιολογιον, χάραγμα, κεφάλαιον*⁷. Так как в то время, когда писал В. Г. Васильев-

¹ *θαλάσσιοι*—ММ, IV, 286; *βασιλικοί*—ММ, III, 237; Хил, № 27.35, Русик, стр. 206. *μεγάλοι*—ММ, IV, 232; *βασιλικοὶ μεγάλοι*—Александр Лаврский, ВизВ, IX (1902), стр. 132.30; *ἀννονικοί*—ММ, IV, 232; *ἐγγώριοι*—ММ, IV, 21. Это правильно отметил уже Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ССХХV (1883), 40. Ср. еще *χερσονόμιος*—Лавра, № 3. 18.

² Вазел., № 26.4 и 143.3.

³ Ксен., № 2.42—45.

⁴ Ксен., № 2.42—45.

⁵ οὐκ ἰσχύομεν μοδιολογῆσαι—ММ, V, 28.32.

⁶ ММ, IV 86.9.

⁷ В. Г. Васильевский. Материалы. ЖМНП, ССХ (1880), 367.

ский, было опубликовано лишь незначительное количество византийских актов, ему приходилось в основном опираться на филологическое толкование терминов, поэтому неудивительно, что эти догадки В. Г. Васильевского не оправдались.

Действительно, аэрикон, в котором П. В. Безобразов, в отличие от В. Г. Васильевского, видел поземельную подать¹, на самом деле представлял собою судебную пошлину².

Сравнительно недавно А. Соловьев и В. Мошин высказали некоторые сомнения в таком толковании этого термина. Они утверждали, что термин аэрикон имел несколько значений: одним из них была «судебная пошлина»; в других случаях аэрикон, по их мнению, имел значение некоторой добавочной подати, взимаемой с сельского населения. Названные авторы основываются на том, что некоторые источники говорят об аэриконе как о подати, взимаемой в определенном размере³. Однако они не учитывают, что и судебная пошлина могла взиматься податными чиновниками в определенных размерах: окладной лист Лампсака, например, указывает, что судебные пошлины (*le forfacte et jura et justiciac*) должны взиматься в размере 36 перперов в год⁴. Далее следует обратить внимание на то, что аэрикон даже в тех случаях, когда размеры его точно указаны, включал в себя такие статьи, как штрафы за убийство и прелюбодейную деньги⁵. [Это своеобразие византийских судебных пошлин вряд ли может быть объяснено чем-либо иным, кроме наличия деревенских (общинных) судов (см. стр. 89), которые не только выносили решения, но и взимали штрафы (аэрикон); казна же требовала с каждой деревни определенное количество денег в счет аэрикона: как указывал Кедрин, от 4 до 20 номисм, в зависимости от размеров деревни⁶]. Таким образом, противоречие, на которое указывают А. Соловьев и В. Мошин, оказывается миним,

¹ П. В. Безобразов. *Ἀερίκον*, Сборник в честь Карсеева. СПб., 1914, стр. 93—94.

² Это предположение впервые высказал Б. А. Паченко. О тайной истории Прокопия, ВизВ, III (1896). Окончательно удалось установить это значение термина аэрикон лишь после издания вазелонских актов — Вазел., № 55.9; 58.17; 126.7; 128.20; 129.8. Правильное толкование дано уже издателями: Ф. Успенский — В. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927, стр. LI и сл. Ср. Рецензию Г. Острогорского. *Byzantinisch-neugriechische Jbb*, 1929, S. 584—585. Тем не менее Ф. Дёльгер [F. Dölger. Das *ἀερίκον*, *BZ*, XXX (1929—30), S. 452] честь этого открытия приписал себе. Новейшая литература вопроса указана у Г. Острогорского. Византийские писцовые книги. *Byzantinoslavica*, IX (1948), стр. 299, прим. 284.

³ А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., стр. 383—384.

⁴ G. Tafel—G. Thomas, *op. cit.*, II, 208.

⁵ Хил., № 92.146; Зорг., № 29.90.

⁶ Cedr., II, 521.13.

и мы с полным правом можем рассматривать аэрикон как судебную пошлину.

Несостоятельными являются попытки истолкования целого ряда податных терминов в качестве подушной подати.

Термин *βιολόγιον* встречается в значении какой-то неопределенной подати в районе Янины — Арты¹, но всего лишь дважды, а этого мало, чтобы делать какие-либо решительные заключения. Исходя из того, что этим термином обозначался податной кадастр², А. Соловьев и В. Мошин высказывают предположение, что он мог приобрести локальное значение: подать с недвижимости³, однако и это предположение, резко расходящееся с предположением В. Г. Васильевского, не может быть доказано с достаточной убедительностью.

В. Г. Васильевский сближал этот термин с *βιωτικόν*⁴, но, истолковывая его таким образом, оказался жертвой филологических рассуждений: *βιωτικόν* или, правильнее, *ἀβιωτικόν*⁵, в действительности имел совершенно иное значение, нежели подушная подать, он обозначал право господина на выморочное имущество крестьянина, как это совершенно отчетливо видно из новеллы императора Андроника II и патриарха Афанасия от 1306 г.⁶

Редко встречающийся термин *χάραγμα*⁷ В. Г. Васильевский отождествлял с турецким хараджем, однако исследования последних лет показали, что в нем нельзя видеть какой-либо основной налог — он был дополнительной податью⁸.

Гораздо сложнее вопрос о значении термина *κεφάλαιον* и родственных ему терминов. Поддерживая предположение В. Г. Васильевского, П. В. Безобразов отождествлял *κεφαλατικόν* с римской подушной податью, *capitatio humana*, основываясь, помимо филологического сходства терминов, еще и на том, что в акте, перечисляющем повинности, эта подать названа среди основных налогов⁹. Однако П. В. Безобразов приводит искаженную цитату: на самом деле, *κεφαλατικόν* назван в этом

¹ ММ, V, 83.28. А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., № 32.66.

² ММ, VI, 212.19.

³ А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., стр. 413.

⁴ В. Г. Васильевский, назв. соч., стр. 369.

⁵ Фил., № 9.77; ММ, V, 170.16; ММ, VI, 253.35.

⁶ См. выше, стр. 94—95.

⁷ Зогр., № 23.44, 26.90, 37.43; Эсф. XIV. 14.

⁸ G. Rouillard, Le mot *χάραγμα* dans les actes de Paléologues, *Εἰς μνήμην Σπ. Λάμπρου*, 1933—1934, ссылается на неизвестный хрисовул лавры св. Афанасия (1298 г.), в котором *κεφάλαιον* составляет 240 перперов, а *χάραγμα* 20. См. А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., стр. 503.

⁹ П. В. Безобразов. Патмосская псалмовая книга. ВизВ, VII, (1900), стр. 95.

документе среди дополнительных поборов, рядом с *κατέρχων χτίσις*¹. Кроме того, место, которое занимает в акте тот или иной налог, не может служить свидетельством в пользу его большей или меньшей значимости, так как порядок перечисления налогов далеко не всегда соответствовал их значению; например, в акте афонского монастыря св. Павла (1405) перечисление податей начинается с налога на пчел². Исследователи более позднего времени также расходятся между собою в определении значения кефалеона³.

Все это говорит о том, что вопрос о *κεφάλαιον* является весьма сложным. При его разрешении следует обратить внимание прежде всего на то, что этот термин постоянно применяется для обозначения подати вообще: речь может идти о кефалеоне ситаркии⁴, о «каком-нибудь еще кефалеоне»⁵ и т. д. Поэтому естественно, что этот (или родственный) термин употребляется для обозначения всей квоты податей округа⁶.

Он может приобрести и значение основной подати; например, в одной грамоте Филофеева монастыря мы встречаем указание на то, что крестьяне должны платить в казну в качестве кефалеона 15½ перперов; остальные подати получал монастырь⁷. Поэтому в актах кефалеон постоянно противопоставляется дополнительным поборам: аэрикону⁸, харагме⁹, зевгаратикию¹⁰ и т. д. Таким образом, хотя все эти акты,

¹ MM, VI, 121.31.

² А. Каждан. Два поздневизантийских акта, ВизВ II (1949), стр. 345.23.

³ В последнее время представление о том, что *κεφάλαιον* и производные от него термины означают поголовную подать, защищал Г. Острогорский, *Seminarium Kondakovianum*, V, 320, и Византийские писцовые книги, *Byzantinoslavica*, IX (1948), № 2. F. Dölger, *Die Frage des Judensteuers in Byzanz*, *Vierteljahrschrift f. Soc.-u. Wirtschaftsgeschichte*, 1933, полагал, что *κεφαλῆτιον* — это специфическая подать, которую платили евреи, тогда как термин *κεφάλαιον* не имеет специального значения и употребляется для обозначения налогов вообще (Ср. F. Dölger, *Beiträge z. Gesch. d. byz. Finanzverwaltung*, S. 49 f.). A. Andréadès, *Deux livres récents sur les finances byzantines*, BZ, XXVIII (1928) считал *κεφαλῆτιον* податью, взимавшейся в пользу *κεφαλῆ*, крупного чиновника.

⁴ Зорг., № 37.30.

⁵ οὐδὲ ἐνομίον δόσει, ἢ κεφαλαιογράφου, ἢ ἐτέρου τινος κεφαλαίου — MM, IV, 318.19.

⁶ πάντα τὰ δίκαια τοῦ κεφαλῆτικίου τῆς αὐτῆς χώρας — MM, III, 173.14.

⁷ Фил., № 6.12—15.

⁸ А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., стр. 385.

⁹ См. выше, стр. 147, прим. 8.

¹⁰ Т. Флоринский. Афонские акты из собрания П. Севастьянова, СПб. 1880, стр. 95.16. Ср. там же, стр. 93.31. F. Dölger, *Die Frage des Judensteuers in Byzanz*, *Vierteljahrschrift f. Soc.-u. Wirtschaftsgeschichte*, 1933, S. 21, считает это место погрешностью издателя. Иначе — А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., стр. 456.

упоминающие кефалеон и производные от него термины, показывают, что кефалеон мог иногда применяться для обозначения основных податей, но все же не раскрывают природы основной подати. Поэтому нет никаких оснований поддерживать взгляд В. Г. Васильевского — Г. Острогорского на кефалеон как на римскую подушную подать.

Г. Острогорский, как мы уже видели, полагал, что римские поземельная и подушная подати сохраняются в Византии под названием зевгаратикий и кефалеон. В другом месте он говорит о том, что эти римские подати сохраняются под терминами *συμωνή* и *καπνικόν*¹. *Συμωνή* представляла собой коммутированную не позднее X в. ранневизантийскую аннону, которая превратилась теперь в поземельную подать². *Καπνικόν*, подымное, взимался, по мнению Г. Острогорского, с крестьян независимо от того, имели они землю или нет. Проблема синоны и капникона также достаточно сложна, главным образом в связи с тем, что число источников по этому вопросу очень незначительно. О том, что очаг, *καπνός*, служил в Византии объектом обложения, свидетельствует еще Иоанн Малала³, рассказывающий о повинности, которую в Антиохии взимали пропорционально числу очагов; это было задолго до IX в., которым обычно датируют появление в Византии капникона⁴. О нем упоминают также и более поздние хроники: Кедрин рассказывает о том, что в IX в. монастырские парики платили капникон⁵. Во время восстания Фомы Славянина император наградил стратигов фем Опсикий и Армениак за их лояльность, пожаловав им налог, взимавшийся казной, — так называемый капникон⁶. Император Иоанн Цимисхий «простил» капникон подданным всех фем⁷.

Арабский писатель ибн-Хордабде также говорит о том, что в Византии ежегодно собирают со всех людей подымную подать. Но эта подымная подать представляла собой дополнительный сбор, который взимался на военные нужды⁸.

¹ G. Ostrogorsky. Deutsche Literaturzeitung, 1927, H. 41. Sp. 2024; ср. же. Византийские писцовые книги, Byzantinoslavica, IX (1948), 244.

² G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byz. Reiches im X. Jhdt, Vierteljahrschrift f. Soc.- u. Wirtschaftsgeschichte, 1927, S. 49 f., ср. же. Византийские писцовые книги, Byzantinoslavica, IX (1948) стр. 296, прим. 272. Впрочем, и в более поздних актах встречается *εἰσαγωγή συνωνής* в значении поставки хлеба — MM, VI, 100.6.

³ Malalas, p. 246.18.

⁴ А. Соловьев — В. Мошпи, назв. соч., стр. 451.

⁵ Cedrenos, II, 37.19.

⁶ Ibid., II, 77.16.

⁷ Ibid., II, 443.23.

⁸ В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. Зап. Акад. Наук, 44 (1883), 278—280.

Хроники приводят размеры капникаона; его взимали в сумме 2 милиарисиев, т. е. $\frac{1}{6}$ номисмы¹: поскольку хронист не говорит об объекте обложения, можно предполагать, что эти 2 милиарисия уплачивали с каждого очага, т. е. с каждого хозяйства.

Очаг как объект обложения сохранялся и позднее. В середине XI в. каноникон, т. е. подать в пользу епископа, взимался сообразно с числом очагов в деревне². Сборщиков капникаона (*καπνολογούντες*) в XII в. упоминает Михаил Акоминат³. В районе Янины—Арты в XIV в. мы встречаем термин *καπνολόγιον*, обозначавший какой-то налог⁴. Еще в 1421 г. в Далмации платили налог в размере 1 дуката с очага (*pro foco*)⁵.

Но было бы неверно видеть в капниконе только дополнительную подать, взимавшуюся соразмерно числу очагов, как это делают некоторые исследователи⁶. Значение капникаона постепенно изменяется. Самый термин *καπνός*, очаг, становится синонимом термина *στίχος*, обозначавшего хозяйство как податную единицу⁷. В описи 1073 г. капникон (вместе с синоной) является основным налогом с крестьян; он варьирует в пределах от $\frac{1}{4}$ до 1 номисмы (теоретически), а на деле достигает 4 номисм. Константин Багрянородный говорит о том, что дома, в которых были поселены пленные арабы, получали освобождение (*ἐξκουσσεύεσθαι*) на три года от уплаты синоны и капникаона⁸. Особенно важные указания относительно характера капникаона и синоны содержит Пира, где говорится, что если церковь сдает в аренду землю, обязанную капниконем и синоной, то арендатор должен платить эти налоги церкви; если же сдается земля, свободная (*ἐλεύθερος*) от уплаты этих налогов, то арендатор обязан платить капникон во всех случаях, а синону, повидимому, лишь в том случае, если он будет обрабатывать *ζεωγήλατα*, т. е. усадьбу, пахотное поле и т. п.⁹

Таким образом, можно предположить, что термином капникон стали теперь обозначать не дополнительную подать,

¹ Theoph. Cont., 54.5.

² Jus., III, 323.

³ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ССХХV (1883), стр. 51.

⁴ MM., V, 83.23. А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., 32.66.

⁵ В. Макушев. О прописи в древней Сербии. ЖМНП, 1874, сентябрь, стр. 3.

⁶ Н. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, Юрьев, 1908, стр. 21. А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., стр. 451—452; A. Andreades, BZ, XXVIII (1928), 316—317.

⁷ βλάχων καπνοί εἰκοσι — MM, V, 86.11 и στίχοι τρεῖς βλάχων — MM, V, 85.18.

⁸ Constant. Porphy., De cerim., p. 645.

⁹ Пира, XVIII, 2. Издатель Цахария фон-Лингенталь уже отметил, что конец этого параграфа искажен (Jus, I, p. 66, n. 2).

которая взималась на специальные нужды соразмерно числу очагов, но, основную подать, взимавшуюся с хозяйства, со стиха,— подать, которую тем самым следует сближать с постоянно встречающимися в поздневизантийских актах *στοιχικόν τέλος*¹, *οἰκιακόν τέλος*², *οἰκοῦμενον*³.

Рассмотрение различных контрrovers относительно значения тех или иных терминов, в которых можно было бы попытаться увидеть римские подушную и поземельную подать, показывает, что представление о том, что римская податная система сохраняется в поздней Византии, не может быть обосновано с достаточной убедительностью. Для того, чтобы установить природу крестьянских повинностей в поздней Византии, мы должны отказаться от филологического истолкования терминов, встречающихся в тех или иных, часто неясных и неопределенных по содержанию императорских грамотах, и исследовать описи, позволяющие установить не только название, но и размеры ренты, равно как и размеры того имущества, которым владел плательщик ренты.

Описи дают нам возможность получить более или менее полное представление о природе этой ренты. Чтобы свести

¹ Зогр., № 29.76 п 53.14 и 18.

² MM, V. 124.31 и 125.1.

³ Эсф., стр. XV.27; Зогр., № 15.36 п 29.9. Ф. Дёльгер без достаточных оснований считал капникон налогом, взимавшимся исключительно с крупных поместий, владельцы которых переложили его на плечи своих париков: поскольку эта подать не названа в «Трактате об обложении», утверждает Ф. Дёльгер, она не взималась со свободного крестьянина, платившего канон [Beiträge f. Gesch. d. byz. Finanzverwaltung, S. 53. Ср. его же BZ, XXXIV (1934), 371 ff. A. 2]. Наоборот, по мнению Г. Острогорского, капникон является основной податью свободного крестьянина. [Deutsche Literaturzeitung, 1927, II. 41. Sp. 2020; его же. Die ländliche Steuergemeinde, S. 50. Ср. E. Stein. Vierteljahrsschrift f. Soc.- u. Wirtschaftsgeschichte, XXI (1928), S. 159].

Рассуждение Ф. Дёльгера о природе капникона не представляется убедительным, ибо он исходит только из факта умолчания о капниконе «Трактата об обложении». Однако несовершенство византийских документов достаточно хорошо известно, чтобы не придавать никакой силы доказательствам ex silentio. К тому же нет никаких оснований предполагать, что повинности византийских свободных крестьян и париков в X—XI вв. были принципиально различны: наоборот, мы знаем, что частновладельческая парикия возникала сплошь да рядом из передачи частному лицу, монастырю или вельможе права взимать государственные подати. Это отсутствие принципиального разрыва между податями свободных крестьян и париков отчетливо проступает в хрисовуле императора Алексея Комнина от 1084 г., в котором он передал одному вельможе право взимать подати в некоторых владениях лавры св. Афанасия. Испуганные этим монахи обратились к императору с прошением, в котором указывали, что они опасаются, как бы их отныне не стали считать париками этого вельможи.—В. Г. Васильевский. Хрисовул Алексея Комнина 1084 г. ВпзВ, III (1896), 121 и слл.

воедино данные различных описей, мы составили ряд таблиц, показывающих средний размер крестьянского имущества, за которое в разных деревнях одного и того же района (по р. Стримон) крестьяне вносят одинаковую подать. При составлении этих таблиц учтено основное имущество: недвижимость и вола, а также число членов семьи.

Прежде чем анализировать с помощью таблицы 3 поставленный выше вопрос о природе ренты, заметим, что, конечно, данные этой таблицы чрезвычайно скудны; в ней учтено лишь

Таблица 3

**Соотношение размеров имущества и ренты крестьян
(первая половина XIV в.)**

Название деревни	Число волов	Земля	Вино- град- ник	Сад	Число чле- нов семей	Число уч- тенных хо- зяйств
		(в модиях)				

Имущество крестьян, плативших 4 перпера

Липсохорий	4	4	4	1	4,5	2
Евнух	3	—	8	—	4	2
Поместье Вардана	2	100	4	—	5	3
Мамициона	1	90	6	—	4,5	2

Имущество крестьян, плативших 3 перпера

Липсохорий	4	—	3	—	3	1
Поместье Вардана	2	75	5,5	—	4,5	4
Евнух	2	—	6,5	1	3	8
Мамициона	1,5	93	2	—	4,5	6
Волвон	—	100	4	—	1	1

Имущество крестьян, плативших 2½ перпера

Поместье Вардана	2	65	3,5	—	4	4
Ерисс 1320 г.	2	16,5	3	—	4	2
Евнух	2	—	2	—	4	1
Мамициона	1	55	1	—	4	4
Антигония	1	—	5	—	3,5	2
Волвон	—	100	2	—	5	1

Имущество крестьян, плативших 2 перпера

Липсохорий	3	—	3	—	2	1
Антигония	2	—	4	—	4	1
Поместье детей Киприпых	2	—	2	—	5	1
Мамициона	1,5	58	1,5	1,5	3	7
Поместье Вардана	1,5	42	2,5	—	4	6
Евнух	1,5	—	6	—	4	3

Название деревни	Число волов	Земля	Виноградник	Сад	Число членов семей	Число занятых хозяйств
		(в модиях)				

Имущество крестьян, плативших 1½ перпера

Поместье детей Киприяновых	2	—	3	—	4,5	2
Нисий	1	70	2	—	4	3
Поместье Вардана	1	50	1,5	—	7	1
Хандак	1	21	3	—	3	6
Ерисс 1300 г.	1	11,5	3,5	—	6	2
Евнух	0,5	—	2	—	4	2
Антигония	—	50	6	—	2	1

Имущество крестьян, плативших 1 перпер

Липсохорий	2	—	2,5	—	2	4
Поместье детей Киприяновых	2	—	0,3	—	4	10
Хандак	1	27	2	—	3	8
Поместье Вардана	1	6	1,5	—	4	3
Симеон	1	1	3,5	1,5	3	1
Антигония	1	—	—	—	4	1
Мамицона	0,5	23,5	1	—	3	7
Ерисс 1300 г.	0,5	1	1	—	4	7
Евнух	0,5	—	2	—	3	2
Нисий	—	3	1	—	4	3
Ерисс 1320 г.	—	1	1	—	4,5	2

Имущество крестьян, плативших 1½ перпера

Хандак	1	19	1	—	3	6
Поместье детей Киприяновых	1	—	—	—	2,5	5
Липсохорий	0,5	—	—	—	2,5	2
Нисий	—	36	1	—	4	1
Мамицона	—	15	—	—	3	7
Евнух	—	—	3,5	—	2	1
Ерисс 1300 г.	—	—	2	—	3	1

около 150 крестьянских хозяйств; естественно, что при анализе мы всегда рискуем столкнуться с ошибками. Чтобы хоть в некоторой мере оградить себя от ошибок, мы старались взять средние цифры по каждой деревне с тем, чтобы ошибки,

неминуемо содержащиеся в каждой средневековой описи, растворились в средних числах.

Но средние числа имеют тенденцию скрывать различия. Например, в деревне Антигония одинаковую ренту в $2\frac{1}{2}$ перпера платили Димитрий, сын Георгия, имевший зевгарь, осла, 7 модиев виноградника¹, и Иоанн, сын Льва Диадромита, все имущество которого состояло из $2\frac{1}{2}$ модиев виноградника². При этом надо учесть, что в семье Димитрия 5 человек, а семья Иоанна состоит лишь из него самого и его жены.

Кроме того, все наши описи относятся к одному району; они не дают нам возможности увидеть локальные различия, которые безусловно существовали; это доказывается хотя бы тем, что крестьяне Меникийского монастыря за 100 модиев и виноградник платили колоссальное подворное — 9 перперов³.

И все же даже на материале этой таблицы мы можем видеть, что размер имущества и, следовательно, эмбриональная прибыль не оказывают определяющего влияния на ренту: в деревне Мамицона крестьяне, платившие 2 перпера, в среднем обладают большим имуществом, чем крестьяне, платившие $2\frac{1}{2}$ перпера; то же самое можно наблюдать и в деревне Евнух. В деревне Нисий, и особенно в Хандаке, крестьяне, платившие $\frac{1}{2}$, 1 и $1\frac{1}{2}$ перпера, имеют одинаковое имущество и одинаковую семью. В поместье детей Киприяновых те, кто платил $1\frac{1}{2}$ перпера, несколько более состоятельны, чем платившие 2 перпера.

Сравнивая положение крестьян различных деревень, мы можем видеть, что крестьяне Ерисса, платящие $1\frac{1}{2}$ перпера ренты, обладают примерно вдвое большим имуществом, чем крестьяне деревни Евнух, платящие такую же ренту. Если отказаться от средних чисел, то мы найдем в деревне Хандак владельца зевгаря, 25 модиев земли, модия виноградника (семья из 4 человек), который платит $\frac{1}{2}$ перпера⁴, тогда как в Евнухе такие крестьяне платят $2\frac{1}{2}$ перпера! Крестьяне из деревни Евнух, платящие 2 перпера, состоятельнее крестьян из Антигонии, платящих $2\frac{1}{2}$ перпера, а крестьяне поместья детей Киприяновых, платящие $1\frac{1}{2}$ перпера, состоятельнее крестьян Евнуха, платящих $2\frac{1}{2}$. За примерно равное имущество платят: в Хандаке — 1 перпер, в поместье Вардана — $1\frac{1}{2}$, Мамицоне — 2, Евнухе — $2\frac{1}{2}$ и т. д.

¹ Зогр., № 17. 40.

² Зогр., № 17.45.

³ ММ, V, 125.1.

⁴ Зогр., № 29.16.

Материал таблицы 3, несмотря на всю ее неполноту, позволяет нам пересмотреть вопрос об объекте обложения в поздней Византии. Б. А. Панченко, полагавший, что в Византии сохраняется римская система обложения, утверждал, что объектом обложения здесь служит земля¹. Этой точки зрения придерживался и В. Мошин, считавший, что подать сообразована с наделом². Немногим отличается от этой точки зрения и представление П. В. Безобразова о том, что в основе обложения лежали имущество и число членов семьи³.

Г. Острогорский, изучивший большой конкретный материал, сделал попытку оторваться от этих традиционных представлений; он писал: «Тщетно было бы пытаться найти точное и неизменное мерило, по которому при раскладке податей расценивался тот или иной объект обложения. Между имуществом отдельных крестьянских дворов и наложенными на них платежами существует, конечно, известное соотношение, но раскладка часто довольно произвольна»⁴. Но даже сделав это очень важное конкретное наблюдение, Г. Острогорский все же не осмелился отступить от традиционных представлений; объясняя эти расхождения произволом раскладки, он приходит в конце своей работы к следующему выводу: «Нормы обложения во всех рассмотренных писцовых книгах в общем оказались сходными, и всюду обнаруживалось примерно то же отношение между размерами подворной подати отдельных крестьянских семей и их имущественным положением»⁵.

На самом же деле, как это показывает материал таблицы 3, в поздней Византии не существовало какого-либо единого объекта, лежавшего в основе обложения. Ни земля, ни число волов, ни число членов семьи не могут объяснить размеров ренты; можно думать, что в основе обложения лежит

¹ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность, стр. 105.

² В. Мошин. *Δουλίκιον ζευγάριον*. *Seminarium Kondakovianum*, X (1938), стр. 121.

³ П. В. Безобразов. Афонские акты. Византийское обозрение, I (1915). К этой точке зрения примыкает и Б. Т. Горяпов, назв. соч., стр. 43.

⁴ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. *Byzantinoslavica*, IX (1948), стр. 257. Заметим кстати, что уже П. В. Безобразов, Об актах Зографского монастыря, *ВизВ*, XVII (1910), 410—412, принужден был признать «неравномерность и произвольность» обложения и ссылаться на действие «неуловимых для нас обстоятельств», хотя он, противореча самому себе, все же стремился доказать наличие функциональной зависимости между рентой и силой хозяйства.

⁵ Г. Острогорский, назв. соч., стр. 286.

все крестьянское хозяйство в целом¹. Но при этом размер ренты не определяется одной только реальной силой хозяйства. К тому же колебания ренты являются более резкими у бедных крестьян, нежели у зажиточных.

В этом факте исчезновения функциональной зависимости между размерами имущества и суммой ренты (подворного) отчетливо проступает распад римской (ранневизантийской) податной системы. Отказ от римских принципов обложения приводит к тому, что изменение характера владения, например превращение пашни в виноградник, не влияет на сумму ренты. Некто Каллиник Скуллат имел вблизи от Смирны 3 модия земли, за которую он уплачивал ренту в $\frac{1}{4}$ номисмы², или 6 коккий. Когда дети его, превратив эту землю в виноградник, продали $\frac{2}{3}$ его Лемвийскому монастырю, рента, которую принял на себя монастырь, составила 4 коккий³, т. е. осталась прежней. Разумеется, в других случаях могло быть и иначе. В 1366 г. монастырь св. Пантелеймона получил участок с оливами. При этом в дарственной грамоте было оговорено, что если монахи разобьют там виноградник, рента, которую они уплачивали проту Афона, должна будет измениться⁴.

Римское право периода империи требовало регулировки не только повинностей, поступавших с того или иного владения, но и цены земли. Классифицируя угодья по разрядам, оно устанавливало твердые цены на единицу земли каждого класса. Такое установление определенной цены на землю создавало в римском праве иск *laesio enormis*, т. е. возможность судебного преследования в случае покупки земли за половинную цену⁵. Этот иск не является «наивной мерой социальной политики», как это кажется историкам римского права, изучающим учреждения прошлого, исходя из представления об исконности частной собственности⁶: он связан со всей системой собственности на землю, при которой земля — в теории — выступала в качестве обеспечения повинностей.

Но по мере того как разлагалась старая система обложения, изменялось и старое представление о цене земли. Это

¹ Характерно, в этой связи, что основная крестьянская повинность, встречающаяся в писцовых книгах, носит название, близкое к нашему «подворное»: *κατνικόν*, *στοιχικόν τέλος*, *οἰκιακόν τέλος*, *οἰκοῦμενον*, иногда просто *τέλος*. Самое название этой повинности показывает, что за основу обложения ею брались не земля и не личность крестьянина, а его стих или двор, его хозяйство в целом.

² MM, IV, 85.

³ MM, IV, 132.

⁴ Русик, стр. 112.

⁵ Cod. Just., IV, 44.2.

⁶ И. А. Покровский. История римского права. 1913, стр. 329

выразилось прежде всего в том, что цена, уплачиваемая за землю, перестала, подобно ренте, соответствовать реальной ценности недвижимости. Колебание цен на землю в поздней Византии было чрезвычайно резким¹. В одном и том же документе цена стремы хорафия варьирует от $2\frac{1}{6}$ дуката до 9 дукатов². Еще большими были колебания цен на виноградники: если иногда 1 строма стоит менее 3 перперов³, то в 1324 г. 2 стремы виноградника были проданы за колоссальную сумму в 135 перперов⁴. Колеблются цены и на оливы: часто оливы продаются по перперу за дерево⁵, иногда вдвое и втрое дешевле,⁶ а иной раз по $2\frac{1}{2}$ перпера за дерево⁷.

Г. Острогорский, специально изучавший вопрос о византийских ценах, в том числе и о ценах на землю, не придавал должного значения этим колебаниям, хотя и он уже отметил, что те цены, которые указывают документы XIII в., не укладываются в пределы, установленные трактатами землемеров⁸, т. е. цены на землю варьируют гораздо резче, чем это было предусмотрено в трактатах.

Однако Г. Острогорский, стремясь вычислить средние цены 1 модия виноградника или пашни, обходит тем самым вопрос о колебаниях земельных цен. Разумеется, получив средние цифры, мы оставляем в стороне вопрос о колебаниях цен на землю, рассматриваем эти колебания как нечто слу-

¹ Это заставило недоумевать П. В. Безобразова: «Приходится, — писал он, — предполагать описки в документах, а может быть, и опечатки» (Афонские акты. Византийское обозрение, т. I, 1915, стр. 66).

² Хил., № 109.18 и 31. П. В. Безобразов, там же, по недосмотру называет нижней границей только $2\frac{1}{4}$, что, впрочем, не меняет принципиально характера дела. Ср. еще колебания цен на 1 стрему от 1 перпера (Зогр., № 19.95) до $\frac{1}{2}$ перпера (Зогр., № 19.76) в районе Стримона в XIV в.; от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{6}$ перпера колеблются цены на 1 стрему в районе Смирны в XIII в.: 1 модий хорафия стоит там то 1 перпер, то $\frac{1}{10}$ перпера. В 1213 г. близ Милета были проданы хорафии: по 1 перперу было уплачено за участки в $1\frac{1}{2}$, 2 и 8 модиев (ММ, VI, 159—164).

³ В актах монастыря Кутлумуш (нач. XIV в.) мы встречаем случаи продажи 1 стремы виноградника за $2\frac{2}{3}$ перпера (Кутл., № 8.24), 5 перперов (Кутл., № 7.9—10), $8\frac{3}{4}$ перпера (Кутл., № 8.18—19); в актах Хиландарского монастыря — за 6—7 перперов (Хил., № 93.13 и № 107.11).

⁴ Хил., № 99.14 (все цифры прописью). Ср. еще 12 перперов за 1 модий (Хил., № 22.34) и $5\frac{1}{2}$ перперов за 1 модий (ММ, IV, 132).

⁵ ММ, IV, 116 и 135.

⁶ ММ, IV, 61 и 135.

⁷ ММ, IV, 118. Г. Острогорский (Löhne und Preise in Byzanz, BZ, XXXII, 1932, S. 317) произвольно утверждает, что этот документ, «вероятно, испорчен».

⁸ Г. Острогорский, назв. соч., стр. 314.

чайное, тогда как на самом деле эти колебания были обусловлены глубокими внутренними причинами.

Для того чтобы понять сущность этих колебаний, необходимо выяснить соотношение трех факторов: ценности земли, цены ее и ренты. Заметим предварительно, что при решении этой проблемы большую трудность представляет вопрос о так называемой эпителии. Дело в том, что часто при отчуждении земли покупатель принимал на себя обязательство платить продавцу каждый год некоторую ренту, так называемую *ἐπιτελεία*¹. Так как эпителию должны были платить и монастыри², установление ее не приходится связывать с потерей личной свободы. Разумеется, эпителию нельзя считать просто государственным налогом, как это делали В. Г. Васильевский, Б. А. Панченко, а позднее Г. Вернадский³. Не может быть безоговорочно принято и мнение Ф. Дёльгера, который хотел видеть в эпителии временную замену государственного налога, устанавливавшуюся до исправления «стиха» описи, т. е. до внесения в опись нового владельца, иначе говоря, до тех пор, покуда податные чиновники продолжали взыскивать еще подать со старого владельца⁴. Следует прежде всего учитывать, что эпителия иной раз вносилась в описи⁵ и рассматривалась, следовательно, не как временный, но как постоянный сбор. Когда землю продает парик, то в грамоту может быть внесено условие, что покупатель обязан платить эпителию не продавцу, а его господину: так, когда парик Ксен Лега продал Лемвийскому монастырю оливы, было условлено, что монастырь станет платить эпителию господину Ксена Лега⁶. Это заставляет предполагать, что парик Ксен Лега платил эпителию своему господину, а после продажи земли эпителия была перенесена на покупателя. Наконец, частный характер этого платежа подчеркивается и тем, что даже в одной и той же деревне сроки уплаты эпителии были различны: в Мантее, например, ее платили и в марте⁷, и в августе⁸.

Неясным остается вопрос о соотношении между эпителией-рентой и эпителией-налогом⁹.

¹ MM, IV, 183.29 и др. Ср. *ἐπιτελεία ἀμπελίου* — Хил., № 92. 129 *ἐπιτελεσμός* — MM, VI. 6.27.

² MM, VI, 175.19; MM, IV. 61 и др.

³ Г. Вернадский. Заметки о византийских купчих грамотах XIII в. Сборник в честь на В. Златарски, София, 1925.

⁴ F. Dölger. Beiträge z. Gesch. d. byz. Finanzverwaltung, S. 55.

⁵ Хил., № 92.129 и 133 и др.

⁶ MM, IV, 61.20. Ср. MM, IV, 135.6 и 137.29.

⁷ MM, IV, 134.12 и 135.31

⁸ MM, IV, 201.8.

⁹ О последней см. MM, IV, 86.

Скорее всего, в эпителии надо видеть частную ренту, возникающую в результате субинфеодации, но по природе своей связанную с налогом. Но как бы ни решать остающийся спорным вопрос об эпителии, акты Лемвийского монастыря дают нам возможность сопоставить размеры цены на землю, земельной ренты и реальной ценности отчуждаемой недвижимости, причем обнаруживается, что ни цена на землю, ни эпителии не были обусловлены только реальной ценностью продаваемой земли.

Таблица 4 показывает прежде всего резкое несоответствие между размером эпителии и ценой земли, что было бы, разумеется,

Таблица 4

Соотношение цены, эпителии и реальной ценности недвижимости
(по актам Лемвийского монастыря)

Эпителния	Цена земли	Объект сделки	Дата	Страницы по- ММ, IV
(в перперах)				
2	4	пашня	1246	237
1 ¹ / ₂	70	пашня	1213	119
1 ¹ / ₂	70	27 олив	1213	118
1 ¹ / ₃	43	44 оливы	1274	116
1	8	пашня	1232	78—79
1	7	24 оливы	1232	134—135
1	6	7 олив	1282	130
1	5	18 олив	1231	61
1	5	7 олив	1279	137
1	4	пашня	1272	127
1 ¹ / ₂	20	пашня	1208	183
1 ¹ / ₂	13	14 олив	1281	135
1 ¹ / ₂	10	14 олив, пашня и разные деревья	1281	122—123
1 ¹ / ₃	дарение	46 олив	1285	137
1 ¹ / ₆	11	2 модия виноград- ника	1283	132

совершенно немыслимо в условиях господства римского принципа обложения, требовавшего строгого соответствия между стоимостью недвижимости и рентой с нее. Более того, эта таблица показывает также отсутствие прямой зависимости между реальной ценностью земли и уплачиваемой за нее ценой. Мы видим, что не только рента была неравномерной, о чем уже было сказано выше, но и цена на землю, оказывается, определяется неравномерно.

Такое несоответствие между реальной ценностью недвижимости и ценой, уплаченной за нее, коренится в том, что акт купли-продажи земли не сводится только к этой купле-продаже, но контрагенты вместе с тем вступают и в личные отношения, и эти личные отношения проявляются как в форме ренты (эпителии, которая, может быть, частично и включала в себя элементы государственного налога), так и в форме установления вассалитета. Установление личных отношений в акте продажи отчетливо выступает перед нами в грамоте 1422 г. Когда монахи афонского Алипийского монастырька продали русскому Пантелеймонову монастырю на Афоне землю для устройства гавани, они оговорили в купчей не только цену, но и обязанность покупателя оказывать им покровительство. «Вы должны, — писали продавцы, — будучи людьми справедливыми и добродетельными, любить нас и покровительствовать нам, согласно заповеди Христа, — как слабый и беспомощной стороне»¹.

В феодальном обществе получение цены на землю и земельной ренты сплошь да рядом отходит на второй план перед установлением личных отношений, ибо, как подчеркивает К. Маркс, «могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных...»². Передача земли служит здесь средством установления личных отношений, средством субинфеодации или вступления в прекарную зависимость. Поэтому передача земли сплошь да рядом становится актом, который на деле не ведет к перемене непосредственного пользования, но создает прекарное владение.

В 1232 г. Алексей Тесаит подарил Лемвийскому монастырю принадлежавший ему монастырек св. Пантелеймона, пришедший в упадок. Много лет спустя, в 1280 г., Михаил Тесаит передал Лемвийскому монастырю церковку Предтечи, а вместе с ней и все «улучшения», сделанные им в монастырьке св. Пантелеймона. Мы видим, что Тесаиты и после дарения продолжали жить на своей земле; теснимые «некими дурными людьми», они искали покровительства монастыря, и не случайно Михаил Тесаит назван в грамоте *προσχαδόμενος*, присельник, зависимый человек³. Тот же Лемвийский монастырь приобрел землю у некоего Какавы, однако этот Какава продолжал оставаться на своей земле⁴.

Несколько более сложный случай возникновения прекарной зависимости выступает в истории тяжбы из-за земли Гунаропулов, протекавшей в XIII в. Некто Михаил Гунаропул про-

¹ Русик, стр. 120.

² К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1949, т. I, стр. 722.

³ MM, IV, 57—59 и 98.2.

⁴ MM, IV, 182.

дал одну воидату земли вестияриту Влатеру, своему дальнему родственнику; от него земля перешла Лемвийскому монастырю. Впоследствии Гунаропул вновь попытался приобрести эту землю; возникшая тяжба была разрешена следующим образом: Гунаропулу было предложено взять эту землю, если он это захочет, но на условии выполнения за нее паричских повинностей¹.

Возникновение прекарного владения, возможно, раскрывает нам один из хиландарских актов, в котором описывается случай, когда некий Константин Ласкарь передал свою землю монастырю св. Пантелеймона после 10 лет столкновений из-за нее с Хиландарским монастырем².

Впрочем, иногда прекарная зависимость оформлялась иначе: крестьянин в своем завещании оговаривал, что его дети «безо всяких противоречий» должны нести барщину в пользу монастыря³.

Так как передача земли прежде всего имеет в виду установление личных связей, а не получение цены, то мы часто можем встретить в документах такие сделки, при которых продавец одновременно с продажей совершает и дарение. В 1320 г. Василий Модин передал свою землю Хиландарскому монастырю, при этом половина была передана в дар (ὡς προσέφεις), а половина продана⁴. Из другого акта мы узнаем о том, что 12 модиев земли были проданы за ничтожную сумму в 2 номисмы, а 4 модия — подарены⁵. Известны и такие случаи, когда сама грамота отмечает, что покупатель уплачивает неполную цену, жертвуя избыток продавцу⁶. Ясно, что в этих случаях цена выступает лишь как своего рода придаток сделки: сущность ее заключалась в установлении личных связей.

Даже простое дарение подчас сопровождается установлением личных связей, выражающихся, например, в ограничении прав распоряжения владением, переданным в дар. Например, запрещается отчуждение его третьему лицу без ведома дарителя, который должен был получать в случае отчуждения цену земли⁷.

Из всего этого следует, что коль скоро передача земли не завершалась уплатой цены, коль скоро продавец (даритель) сохранял те или иные права на отчужденную недвижимость, собственность на землю, явившуюся объектом передачи (дарения,

¹ ММ, IV, 85—86.

² Хил., № 155.21.

³ Вазел., № 144.14.

⁴ Хил., № 52 и 53.

⁵ ММ, VI, 187.30. Ср. ММ, IV, 133.2.

⁶ ММ, IV, 408.33. Ср. там же, 411. 9 и 413.14.

⁷ Лавра, № 14.28.

продажи), раздваивалась. Это положение легко подтвердить хотя бы следующим примером. Семья Ламбонов обладала хорафием, полученным по наследству. Ламбоны могли свободно распоряжаться своей землей, могли дарить ее и продавать, но в то же время известно, что этот хорафий находился во владении некоего Феодора Гульельмо, париками которого являлись Ламбоны¹. Раздвоение собственности отчетливо проступает в факте конфирмации, т. е. подтверждения сделки. После смерти дарителя или продавца его наследники, как бы отказываясь от своих прав на давно уже переданное владение, вручали новому владельцу конфирмационную грамоту².

Поскольку отчуждение земли могло вести к установлению личных отношений между контрагентами, действующее византийское право вступало в резкое противоречие с нормами римского права, которые проводили четкое разграничение между отчуждением, эмфитевсой и арендой. Отчуждение (*ἐκποίησις*) согласно римскому праву, представляло собой окончательный акт, после которого на покупателя не ложились никакие обязательства³. Аренда (*μίσθωσις*, *ἐκδοσις*) рассматривалась как временный контракт⁴, с установлением которого связана уплата ренты⁵, причем обязательно денежной⁶. Наконец, эмфитевса трактовалась как нечто среднее между арендой и отчуждением: она устанавливалась навечно, но была связана с уплатой ренты⁷.

В поздней Византии все эти термины получили иной смысл и значение. Термин эмфитевса в деловых документах теперь вовсе не встречается; родственное ему слово *ἐμφύτευμα* обозначает здесь плату за аренду дома⁸. Отчуждение, как мы уже видели, приобрело теперь иное значение; точно так же и аренда в византийском праве выступает в ином облике, чем в памятниках римского права. Действующее византийское право знает аренду (*ἐκλήψις*) на вечные времена. Так, у Латр-

¹ ММ, VI, 154—156.

² Хил., № 6.24.

³ Synopsis minor, E. 22. Вальсамон называет ее *μετάθεσις τῆς δεσποτείας* — Migne PG, CXXXVII, col. 929. D.

⁴ Synopsis minor, E. 22; Пира XV, 17.

⁵ Synopsis minor, M. 6.

⁶ Basilica, XX. 1.2 schol.

⁷ Synopsis minor, E. 22. Basilica, V, 26. Иногда речь идет об эмфитевсе на срок 3 поколений — Basilica, V, 21; Пира, XV, 17.

⁸ ММ, III, 50—55, где этому термину соответствует *ἐνοίκιον*. Ср. еще ММ, III, 165.19. *Οἰκήματα ἐμφύτευτικά* в Серрах (ММ, V, 124) Б. А. Панченко, назв. соч., стр. 191 и А. Соловьев и В. Мошин ошибочно рассматривают как эмфитевсу. Этот термин встречается и в неспециальном значении «насаждение»: *τόπων ἐν ἐμφύτευσιν ἀμπέλωνων* — Кутл., № 2.15.

ского монастыря примикирий Иоанн Карандин взял в аренду участок, на котором росли оливы; он получил его навечно при условии уплаты ренты оливковым маслом. Договор указывал, что если Карандин не будет платить ренты, он должен быть изгнан с этого владения¹.

В то же время в Византии распространяется и аренда на срок жизни. При передаче некоей собственности в 1034 г. было установлено, что часть этой недвижимости была уже раньше сдана в аренду монаху Петру. Контракт оговаривает, что Петр должен сохранять свою землю до самой смерти². Другой пример: афонский прот передал игумену лавры св. Афанасия Никифору некое поле: право собственности было передано немедленно, владение же (χρῆσις) Никифор должен был получить лишь после смерти монаха, который обрабатывал это поле³; этот монах был как бы пожизненным арендатором земли. В 1051 г. некто Евстратий передал своему племяннику землю на срок его жизни; после смерти племянника Евстратия земля должна была перейти монастырю Предтечи⁴. После того, как Феодор Карава подарил Хиландарскому монастырю виноградники, его сын в 1322 г., по соглашению с монахами, взял часть из них в аренду на срок жизни⁵.

Термин аренда (ἐκλήψις) в поздней Византии мог обозначать и такое отчуждение земли, при котором рента не устанавливается. Так, Михаил Прозлевсис взял в аренду (ἐξελάβου ἐκλήπτορικῶς) землю у родителей Димитрия Филантромена; впоследствии Димитрий освободил арендатора на вечные времена от уплаты ренты⁶.

Передавая арендатору, по сути дела, владельческие права, византийское право разрешает субаренду земли. В Пире (XV.9) мы находим рассказ о том, как монастырь св. Фоки сдал некоему лицу (ἐξεδόχασι) проастиий на 29 лет, получивший же передал его другому.

Таким образом, хотя византийский канонист XII в. Вальсамон решительно подчеркивает, что отчуждение и аренда — это совершенно разные вещи⁷, мы видим на самом деле, что, с одной стороны, отчуждение перестает быть однократным актом, завершающимся уплатой цены, с другой стороны, аренда может быть теперь установлена навечно и даже без ренты. Аренда и отчуждение сближаются, теряя свой прежний

¹ MM, IV, 320 и сл.

² Русик, стр. 12.

³ Лавра, № 55.9.

⁴ Эсф., № 2.17.

⁵ παρ' ὅλην μου τὴν ζωὴν — Хил., № 85.37.

⁶ Хил., № 21.52.

⁷ Migne PG, CXXXVII, 929. D.

характер; арендованная и купленная земля в равной мере выступает перед нами как феодальное держание.

Мы видим, что в Византии XIII—XIV вв. существует типичная феодальная рента, определяющаяся в конечном счете тремя моментами: рутинностью (традиционностью) хозяйственных отношений, степенью натиска феодалов на крестьян и силой сопротивления крестьянской общины. Поэтому размер ренты устанавливается, до известной степени, независимо от эмбриональной прибыли крестьянского хозяйства. Средневековое общество не знает выравнивания ренты на рынке.

С природой феодальной ренты в условиях феодальных отношений теснейшим образом связана и цена земли, которая в феодальном обществе, в том числе и в Византии, не представляла собою капитализации из определенного процента, но устанавливалась независимо от прибыли и ренты. Это объясняется тем, что земельная сделка в феодальном обществе не является простой передачей собственности, но ведет к установлению личных отношений между контрагентами — отношений феодальной зависимости и вассалитета.

Глава 7

РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ДЕРЕВНИ

Говоря об особенностях производства, И. В. Сталин указывает: «Третья особенность производства состоит в том, что возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя...»¹. Уже в недрах феодального общества постепенно и стихийно начинают складываться новые общественные отношения, разлагающие старый феодальный строй. Огромную роль в этом процессе разложения старых общественных порядков играло распространение товарно-денежных отношений, связанное с ростом городов.

Анализ нумизматического материала, обнаруженного в результате систематических раскопок в Коринфе и других византийских городах², свидетельствует о резком сокращении чеканки монеты в VII—IX вв. и, следовательно, об абсолютном господстве в это время натурального хозяйства. Это подтверждается и данными нарративных источников: в константинопольском синаксаре, например, мы находим рассказ о пафлагонском крестьянине (IX в.), который, приезжая раз в год на ярмарку, не только продавал, но и обменивал привезенные с собой продукты³.

Земледелие еще не было отделено от ремесла: крестьяне сами производили грубые шерстяные ткани⁴ и иные необходимые им предметы, а жители крупнейших городов (как Солунь и Никея) занимались земледелием⁵.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 559.

² A. Bon. *Le Péloponnèse byzantin jusqu'en 1204*, Paris, 1951, p. 53. О Херсонесе — А. Л. Якобсон. *Средневековый Херсонес*, М.—Л., 1950, стр. 12.

³ *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae*, ed. H. Delehaye, Bruxelles, 1902, p. 721.30.

⁴ Migne PG, CXX, 45.B; Nicet. Chon., p. 858.15.

⁵ *Camēniates*, de exc. Thess., p. 500. 4—5, Migne PG, CVI, 951. А. Ср. еще А. П. Рудаков, *Византийская культура по данным греческой агиографии*. М., 1917, стр. 108.

Исключение составлял, повидимому, лишь Константинополь, этот «Золотой мост между Востоком и Западом»¹, который продолжал играть роль важного торгового центра.

В X — XII вв. происходит известный подъем византийской торговли. Неуклонно возрастает количество выпускаемых в обращение монет. Возникают новые города². В маленьких городах и даже во владениях крупных земельных собственников уже в это время были свои ярмарки, *πανηγύρεις*, на которых торговали местные (*αὐτόχθονες*) купцы³.

Развивается, в частности, торговля хлебом и сельскохозяйственными продуктами. В житии Илии Спилеота рассказывается о некоем Христофоре из деревни Сикрон, который отправляется покупать хлеб на берег моря⁴. Атталиата рассказывает, что в г. Редесто в XI в. прибывало большое количество телег с хлебом, который здесь продавали⁵. Император Константин Мономах в монастырском уставе 1045 г. отметил, что афонские монахи на своих кораблях привозили вино и иные продукты из Константинополя и других городов⁶. В конце XII в. Михаил Акоминат жаловался, что афиняне не имеют плодородных земель и обогащаются только от морской торговли⁷. В Солуни ежегодно происходила грандиозная ярмарка, известное описание которой сохранено в диалоге XII в. «Тимарион». На эту ярмарку привозили свои товары купцы из Италии и Египта, с северного Причерноморья и из Испании. Во время ярмарки в Солуни торговали скотом: лошадьми, быками, овцами, свиньями, собаками⁸.

Не следует, однако, преувеличивать размеров византийской торговли в это время. Немногочисленные данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют об известной примитивности в организации византийской торговли в XII в. До самого конца XII в. здесь существовало береговое право, отмененное только Андроником Комнином, и выброшенные на берег

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 441.

² Мы не можем согласиться с утверждением М. Я. Сюзюмова, Проблемы иконоборчества, стр. 60, что византийские города «вели непрерывную традицию от эллинистического города». Ср. его же, Ремесло и торговля в Константинополе в нач. X в., ВизВ, IV (1951), стр. 13.

³ Jus. III, 317.22.

⁴ AASS Septembris, III, 883. B.

⁵ Attaleiates, p. 201.20.

⁶ Ph. Meyer. Haupturkunden f. d. Gesch. d. Athoskloster. Lpz., 1894, S. 154.32.

⁷ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ИМНП. ССХХV (1883), стр. 47.

⁸ A. Ellissen. Analecten d. mittel- u. neugriechischen Literatur, Bd. IV Th. 1, S. 48.3.

корабли подвергались разграблению местными жителями¹. Даже наиболее крупные купцы, состояние которых вызывало зависть податных чиновников, сами принимали непосредственное участие в торговле, совершая далекие путешествия².

Можно предполагать, что с конца XII в. византийская торговля еще более возрастает. В XIII—XIV вв. византийцы вели значительную торговлю хлебом. Нимфейский договор 1261 г. разрешил генуэзцам свободно вывозить хлеб из всей империи³. Одним из центров хлебной торговли на Балканах еще в XIV в. оставался Редесто, хотя итальянские купцы все более проникают в болгарские города⁴. Одним из самых крупных центров поздневизантийской торговли была Солунь, второй по величине город после Константинополя. И в Константинополе, и в Солуни, и во многих других городах империи были теперь колонии генуэзских и венецианских купцов.

Льготные грамоты торговцам Монеmvасии⁵ показывают, что морскую торговлю хлебом и скотом вели и греческие купцы. Они продавали свои товары в Константинополе, в *κᾱστρα* и во время ярмарок⁶. Хиландарский монастырь имел корабль и пользовался правом беспошлинно привозить на нем продукты в монастырь со всей Солунской фемы⁷. Корабли Ватопедского монастыря в середине XIV в. заходили в Константинополь и в другие города (*κᾱστρα*)⁸. В гаванях, принадлежавших Зографскому монастырю, останавливались корабли, груженные хлебом и другими продуктами⁹. У монастыря Неа Мони на берегу моря были склады (*ἀποθήκαι*), и в гавани постоянно жили двое монастырских крепостных (*δορυτοποῖται*)¹⁰. О морских кораблях, которые перевозили хлеб, упоминает Иоанн Кантакузин¹¹.

Для понимания характера балканской хлебной торговли большое значение имеет сообщение флорентийского купца XIV в. Франческо Бальдуччи Пеголотти, который чрезвы-

¹ Nicet. Chon, p. 423.11.

² Nicet. Chon, p. 692.20.

³ Е. Ч. Скржинская. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. ВизВ, I (1947), стр. 225.

⁴ I. Sakàzov. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte, Grundriss d. slav. Philologie u. Kulturgeschichte, V (1929), S. 141.

⁵ Jus, III, 636, 33 и др.

⁶ Jus, III, 637.22.

⁷ Хил., № 5.48.

⁸ Ватоп., стр. 26.3.

⁹ Зопр., № 32.27.

¹⁰ MM, V, 11.18.

¹¹ Cantac., III, 80.21.

чайн о хвалит болгарский хлеб и рекомендует покупать его у крупных земельных собственников¹. Повидимому, и в Византии крупная вотчина в XIV в. производила хлеб для продажи.

О наличии внутренней торговли свидетельствуют постоянные упоминания о ярмарках в поздневизантийских актах. В Янине, например, ежегодно происходила ярмарка, продолжавшаяся 15 дней². Во владениях Филофеева монастыря ярмарка происходила каждый год 8 ноября³. Ежегодные ярмарки происходили во владениях Эсфигменова⁴, Зографского⁵, Ватопедского⁶ и других афонских монастырей. В монастыре св. Георгия в Болгарии (в Скопле), — стране, в которой социально-экономические условия, повидимому, немногим отличались от византийских, — существовал специальный винный рынок, где разрешалось продавать только монастырское вино⁷. Самым серьезным аргументом, доказывающим развитие торговли в византийской деревне, является факт преобладания в XIII—XIV вв. денежной ренты.

В то же время мы можем говорить о существовании в византийской деревне ремесла и ремесленников. Некоторые указания на это встречаются в агиографической литературе: мы узнаем, например, что один из проастиев Трапезундского монастыря св. Фоки платил ренту железом⁸. Существование развитого столярного ремесла в деревне предполагает уже упоминавшийся устав Константина Мономаха от 1045 г., из которого видно, что афонские монахи торговали деревом для поделок (ξύλον ἐργάσιμον), досками, факелами и смолой⁹. Церковные ремесленники поселялись в *κῆστρα*¹⁰. В описях XIV в. упоминаются ремесленники, например ткачи (ὕφανται)¹¹, или швецы, как называет их славянский хиландарский практик¹². Стефан Сахликис знает и портных (ῥάπτες), которые живут в деревне¹³. Часто мы встречаем в деревнях кузнецов (χαλκεύς)¹⁴;

¹ I. Sakâzov, op. cit., S. 103 f.

² MM, V, 85.27.

³ Фил., № 3.70. Ср. еще Фил. № 4.79.

⁴ Эсф., № 12.38.

⁵ Зогр., № 16.12.

⁶ Ватоп., стр. 3. 8.

⁷ I. Sakâzov, op. cit., S. 106.

⁸ А. Пападопуло-Керамевс, ВизВ, 1906, стр. 140.10.

⁹ Ph. Meyer, op. cit., S. 157.28.

¹⁰ Jus., III, 447.7—8.

¹¹ Зогр., № 17.51.

¹² Ф. И. Успенский. Учен. зап. Новоросс. ун-та, XXXVIII (1883), стр. 120.

¹³ С. Пападимитриу. Летопись Ист.-фил. об-ва при Новорос. ун-те, VI (1896), стк. 173.

¹⁴ Лавра, № 9.18; Ф. И. Успенский, назв. соч., стк. 63; Зогр., № 53.12.

в одной из деревень Меникийского монастыря жил кузнец, обязанный платить необычно большую для византийского крестьянина ренту — более 14 номисм¹. В Филофеевом монастыре в XII в. имелся ряд ремесленников: ткач, бочар, специалист-корабельщик и другие². Позднее тому же Филофееву монастырю принадлежали специальные постройки, приспособленные для работы ремесленников³. Наличие сельского ремесла, существование ремесленников в деревне, естественно, содействовало развитию внутренней торговли.

Некоторые грамоты XIII — XIV вв. показывают, что византийское поместье было тесно связано с рынком, с городом. В 1294 г. византийский землевладелец Гуделис сделал богатый вклад Лемвийскому монастырю. Как видно из документов, кроме земельных владений, ему принадлежали лавки и ремесленные помещения в Смирне и Нимфее. Некоторые помещения он сдавал в аренду, получая за них большую арендную плату⁴. В 1313 г. Косьма Панкалос подарил свое имущество константинопольскому монастырю Пандократора: кроме земли в районе города Серры, он имел дома, три эргастерия в этом городе и две пекарни (μαγειρεία). Одну из этих пекарен он купил, а другая была выстроена по его приказанию⁵. В 1338 г. Феодора Кантакузина передала монастырю Кутлумуш некоторое имущество, в состав которого, кроме садов, виноградников, земли и скота, входили также ремесленные помещения, сдававшиеся в аренду (ἐργαστήρια σιδηροκαύσια), и пекарня⁶.

Развитие торговли и ремесла порождало рост имущественной дифференциации в деревне: как говорит К. Маркс, само производство расшатывает общину⁷.

В советской историографии уже было выяснено, что еще в VIII в. среди византийского крестьянства происходило расслоение, и социальные различия внутри общины, имевшие определенные оттенки и градации, приобретали тенденцию к тому, чтобы оформиться в виде социальных категорий⁸.

¹ ММ, V, 124.33.

² Лавра, № 55. Ср. А. П. Рудаков, назв. соч., стр. 195.

³ ἐξωεργαστήρια καὶ σιδηροκαύσεια δύο καὶ ἑσωεργαστήριον — Фил., № 3.29. Ср. А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч., № 12.58.

⁴ ММ, IV, 286. 5—7.

⁵ Кутл., № 8.

⁶ Кутл., № 18.

⁷ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Журнал «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 160—161.

⁸ Мы имеем в виду работу Е. Э. Липшица. Византийское крестьянство и славянская колонизация, Византийский сборник, М.—Л., 1945, в которой на материале «Земледельческого закона» охарактеризованы апоры (неимущие), вынужденные сдавать землю в аренду своим более состоятельным соседям; мортиты, обязанные платить десятину; мистии и рабы.

С течением времени разложение византийской общины становится более резким и отчетливым. Памятники более позднего времени выделяют такие категории крестьян, как «неимущие» (*ἀχρημόνες*)¹, «неплательщики» (*ἀτελεῖς*)² или «пешеходы» (*πέζοι*)³: они противопоставляются здесь более состоятельным земледельцам. Особенно отчетливо показывают нам дифференциацию византийского крестьянства византийские писцовые книги XIV в., что вынужден был признать даже Г. Острогорский⁴.

Для того чтобы получить представление о степени расслоения византийского крестьянства в XIV в., мы изучили несколько описей деревень, расположенных в районе р. Стримон, выбрав те деревни, население которых занималось преимущественно хлебопашеством и описи которых отмечают размеры крестьянских наделов, а именно — деревни Хандак, Нисий, Мамицону и частично Градец (за исключением поместья детей Киприяновых, опись которого не отмечает размеров крестьянских наделов). Всего было учтено 108 крестьянских хозяйств. Результаты исследования этого материала могут быть представлены в виде таблицы.

Таблица 5

Расслоение крестьянства в районе р. Стримон в первой половине XIV в.

Группы крестьян	Число дворов	Проп. всего числа дворов	Средний размер надела (в модиях)	Всего пашни (в модиях)	То же в процентах к итогу
1. Не имеющие пашни	14	13,0	—	—	—
2. Имеющие до 24 мод.	22	20,4	14,6	321	6,9
3. » » 49 »	20	18,5	28,4	567	12,3
4. » » 74 »	33	30,5	56,6	1868	40,5
5. » » 99 »	6	5,5	83,3	500	10,9
6. » » 100 мод и более	13	12,1	104,5	1359	29,4
Всего	108		42,7	4615	

¹ Ф. И. Успенский. Акт отвода земли монастырю богородицы Милостивой (в Струмице). ИРАИ. т. I, стр. 26. C. Sathas. Bibliotheca graeca, I, 213.1. G. Tafel—G. Thomas, op. cit., II, 208.

² L. Petit. ИРАИ, VI, 29.9.

³ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. Труды VI Археологического съезда, т. II, Одесса, (1888), стр. 304.16.

⁴ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX, 2 (1948), стр. 262 и др.

Как видно из таблицы 5, в названных деревнях имело место довольно значительное расслоение крестьянства: правда, более половины крестьянских дворов может быть отнесено к средним (54,5%); у них сосредоточена основная масса крестьянской земли: 63,7%. Но все же мы видим, что беднейшим крестьянским хозяйствам, составляющим треть всего числа крестьянских дворов, принадлежит лишь 6,9% посевной площади, тогда как наиболее состоятельные хозяйства (12,1%) сосредоточили в своих руках почти $\frac{1}{3}$ всей учтенной площади.

Данные описей позволяют поставить вопрос и об обеспеченности крестьянства живым инвентарем (волами).

Таблица 6

Обеспеченность живым инвентарем (волами) крестьянства в районе р. Стримон в первой половине XIV в.

Группы крестьян	Число голов на 1 двор	Процент дворов		
		без скота	с 1 волом	с 2 волами
1. Не имеющие пашни . . .	0,9	35,7	35,7	28,6
2. Имеющие до 24 мод. . . .	0,6	59,1	27,3	13,6
3. » » 49 » . . .	1,0	40,0	25,0	35,0
4. » » 74 » . . .	1,4	6,1	42,4	51,5
5. » » 99 » . . .	1,2	16,7	50,0	33,3
6. » 100 модиев и более	1,9	—	7,7	92,3

Таблица 7

Обеспеченность виноградниками крестьян в районе р. Стримон в первой половине XIV в.

Группы крестьян	Средний размер виноградника (в модиях)	Процент дворов			
		без виноградника	с виноградником		
			менее 2 модиев	от 2, но менее 4 модиев	4 модия и более
1. Не имеющие пашни	1,4	35,7	35,7	14,3	14,3
2. Имеющие до 24 мод.	1,1	41,0	36,3	13,6	9,1
3. » » 49 »	2,0	5,0	35,0	45,0	15,0
4. » » 74 »	3,1	3,0	21,2	39,4	36,4
5. » » 99 »	1,4	33,3	50,0	16,7	—
6. » 100 модиев и более	4,5	—	7,7	15,4	76,9

Таблица 6 показывает, что зажиточное крестьянство лучше обеспечено рабочим скотом, нежели бедное и среднее: зажиточные крестьяне обладают, как правило, парой волов, и в то же время совершенно отсутствуют зажиточные дворы без волов. Аналогичную картину мы получаем, анализируя вопрос об обеспеченности византийских крестьян виноградниками.

Приведенные выше таблицы показывают, что крестьяне, обладавшие большими наделами земли, имели и большее количество рабочего скота, и большее количество земли под виноградниками. Эти факты свидетельствуют о значительном расслоении византийского крестьянства.

При этом следует отметить, что расслоение в различных деревнях протекало различными темпами: в деревне Мамициона, например, оно было более значительным, нежели в деревнях Хандак и Нисий.

Данные о расслоении крестьянства, полученные на материале описей этих четырех деревень, подтверждаются и данными по другим деревням. Приведем для сравнения данные, которые мы получаем из анализа описей деревень Евнух и Липсохорий, население которых занималось преимущественно виноградарством. В основу таблицы положены данные о размерах земли под виноградником.

Таблица 8

Расслоение крестьянства по данным описей деревень Евнух и Липсохорий (район Стримона, первая половина XIV в.)

Группы крестьян	Число дворов	Средний размер виноградника (в модиях)	Среднее число голов скота на 1 двор		
			волы	крупный скот	мелкий скот
1. Не имеющие виноградника	2	—	1,5	0,5	—
2. Имеющие виноградник до 2 модиев . .	10	1,8	0,8	0,9	1,5
3. Имеющие виноградник от 2 ¹ / ₂ до 3 ¹ / ₂ модиев	6	3,0	2,1	1,0	1,5
4. Имеющие виноградник от 4 до 5 ¹ / ₂ модиев	7	4,3	2,3	2,0	12,0
5. Имеющие виноградник от 6 и более модиев	8	8,0	3,5	4,0	27,0

Расслоение в этих деревнях проступает не менее отчетливо, нежели в деревнях с преобладанием хлебопашества. В дерев-

нях Липсохорий и Евнух половина земли под виноградником сосредоточена в руках 8 хозяев, составляющих менее четверти всего населения этих деревень. Им же принадлежит 42% всего рабочего скота (волон), 54% крупного скота и 66% мелкого скота (овец и свиней). Один из крестьян деревни Евнух обладал 4 быками, 6 головами крупного скота, имел 20 свиней, 120 овец, виноградник в 10 модиев и небольшой сад, тогда как в той же деревне жили крестьяне, владевшие лишь небольшим виноградником в 2 модия.

Сведенные в наши таблицы данные об имущественном расслоении византийского крестьянства подтверждаются, наконец, и уже известной нам описью крестьянских стасей в деревне Афет, где наделы варьируют от 46 до 160 модиев.

Деревни, явившиеся объектом предыдущего анализа, принадлежат к числу наиболее зажиточных византийских деревень (из тех, конечно, положение в которых может быть охарактеризовано на основании сохранившихся описей). Наряду с такими деревнями, существовали и бедные, как, например, метох Стомий Ксенофонта монастыря, где лишь несколько крестьян имело по одному быку, а подавляющее большинство жителей было вовсе неимущими. Сходную картину мы обнаруживаем и в некоторых селах Хиландарского монастыря, описанных в славянском хиландарском практике, например в селе Кумица, где лишь 7 человек из 15 были собственниками быков (по одному у каждого), а остальные имели либо осла, либо десяток свиней, либо небольшой виноградник (1—2½ модия).

К сожалению, тот факт, что хозяйственная жизнь в византийских деревнях не была единообразной, не дает возможности выбрать для подсчетов по всему известному материалу один какой-нибудь основной принцип — размер земли под пашней или виноградником. Приходится брать за основу при подсчетах число быков, хотя необходимо сразу же оговорить, что в действительности число быков далеко не всегда определяло степень зажиточности того или иного крестьянского двора¹.

Данные таблицы 9 соответствуют данным таблицы 5 в отношении неимущего крестьянства; и та, и другая таблицы показывают, что треть византийских крестьян в XIV в. относилась к неимущим. В то же время таблица 9 показывает, что сравнительно небольшое количество крестьян имело более двух волов.

¹ Вообще, следует отметить, что составленные нами таблицы построены на основе сравнительно незначительного материала, относящегося к одному району; возможно, что в других областях империи положение могло быть и иным.

Степень обеспеченности крестьянских дворов рабочим скотом (волами) (район Стримона, первая половина XIV в.)

Группы крестьян	Количество дворов	Процент к итогу
1. Не имеющие волов	86	32,6
2. Имеющие 1 вола	78	29,6
3. » 2 волов	93	35,2
4. » 3 и 4 волов	7	2,6
Итого	264	100,0

Материалы изученных нами описей позволяют сделать следующие выводы относительно расслоения византийского крестьянства в XIV в.

1. Основная масса византийского крестьянства — в районе р. Стримон — относится к группе среднего крестьянства: по нашим данным, 64,8% крестьян имели одного-двух волов, 54,5% крестьянских дворов могут быть отнесены к средним по обеспеченности землей.

2. Однако в византийской деревне этого времени уже была значительная прослойка неимущих, достигавшая, повидимому, $\frac{1}{3}$ всех крестьян.

3. Значительно слабее прослеживается выделение зажиточного крестьянского хозяйства; число таких дворов, которые мы могли бы отнести к зажиточным, очень невелико.

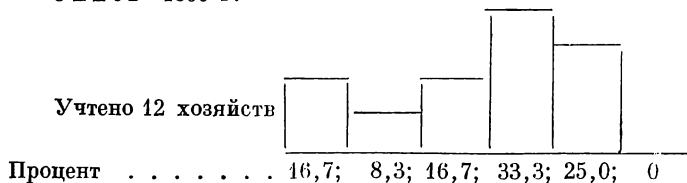
Описи XIV в. позволяют не только установить наличие имущественного неравенства в византийской деревне, но в отдельных случаях раскрывают и самый процесс расслоения крестьянства. Некоторые возможности для изучения этого процесса может представить, например, сопоставление данных двух сохранившихся описей деревни Ерисс: от 1300 и 1320 гг.¹ Эти описи не отмечают размеров крестьянской земли, указывая лишь количество голов скота, размеры виноградника и ренту; и это обстоятельство затрудняет изучение положения различных групп крестьян на основе единого принципа классификации крестьянских хозяйств. Анализируя процесс имущественной дифференциации, мы разделили крестьян Ерисса на 5 групп. К группе А мы отнесли совсем неимущих крестьян, плативших ренту от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ перпера; к группе Б — тех, кто имел виноградник менее 2 модиев и платил

¹ Зогр., № 15 и 17.

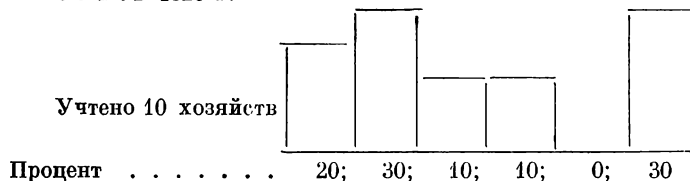
ренту от $\frac{1}{3}$ до 1 перпера; к группе В — тех, кто имел 2— $2\frac{1}{2}$ модия виноградника и платил 1 перпер ренты; всех этих крестьян мы можем считать беднейшими. К группе Г отнесены владельцы быка и 1—2 модиев виноградника (или же большого виноградника без быка), платившие ренту от 1 до $1\frac{1}{2}$ перперов; к группе Д — владельцы одного быка и прочего скота, имевшие 3—4 модия виноградника и платившие ренту в $1\frac{1}{2}$ перпера; этих крестьян можно считать средними. Наконец, к группе Е мы отнесли владельцев 2 быков и другого скота, имевших 3—4 модия виноградника и уплачивавших ренту более 2 перперов; это зажиточные крестьяне.

Группы крестьян: А В Г Д Е

О п и с ь 1300 г.

О п и с ь 1320 г.

Уже эти цифры показывают, что деревня Ерисс представляет сравнительно неудачный материал для анализа имущественной дифференциации крестьянства, так как здесь мы не найдем такой резко выраженной разницы, как в деревне Мамициона или Евнух. К тому же число хозяйств в этой деревне сравнительно невелико: здесь может быть учтено всего лишь 10—12 хозяйств. И тем не менее, диаграмма, составленная на материале описей Ерисса, рисует значительный рост имущественного неравенства в этой деревне за 20 лет.

В. И. Ленин в замечательной работе «Развитие капитализма в России» показал, что имущественная дифференциация в деревне усугубляется арендными отношениями, ибо богатые крестьяне арендуют больше, нежели крестьяне бедные¹.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 57—59 и др.

Вывод В. И. Ленина подтверждается и на византийском материале, хотя надо отметить, что дошедшие до нас византийские источники содержат, к сожалению, очень немного сведений относительно крестьянской аренды. О межкрестьянской аренде случайно упоминает подробная опись крестьянских стасей Афета: описывая стась крестьянина Георгия, акт называет среди других его земель хорафий, «который засеивал Франк Феодор»¹. Повидимому, этот Франк Феодор арендовал хорафий у Георгия. В селе Градец опись отмечает у богатого крестьянина виноградник «на месте чуждим»².

Но если прямых известий об аренде у нас немного, зато имеется одно очень важное косвенное свидетельство, доказывающее довольно широкое распространение аренды в византийской деревне XIV в. Описи часто называют крестьян, имеющих пару волов и в то же время лишенных земли; эти крестьяне должны были, повидимому, арендовать землю.

Рассматривая таблицы 6 и 7, мы можем заметить странное на первый взгляд явление: крестьяне, не имеющие пашни, в среднем более зажиточны, нежели крестьяне, обладающие незначительным наделом (до 24 модиев): 30,8% имеют пару быков и 15,3% — виноградник более 4 модиев. Естественно, что средние цифры в данном случае только затемняют картину, так как в группу крестьян, не имеющих пашни, входят и самые бедные крестьяне. Ясно, что среди крестьян,

Таблица 10

Расслоение крестьянства, не имеющего своей пашни, в деревне Градец (без поместья детей Киприяновых) в 1300 г.

Группы крестьян	Число дворов	Средний размер виноградника (в модиях)	Среднее число голов скота	
			крупного	мелкого
1. Не имеющие волов	5	1	—	3
2. Имеющие 1 вола	4	0,5	—	—
3. Имеющие 2 волов	3	3,3	4	5

не имеющих пашни, приходится ждать чрезвычайно значительного расслоения.

Таблица 10 показывает, что среди крестьян, не имеющих пашни, было известное количество зажиточных крестьян, обладавших парой волов и другим значительным имуществом: повидимому, эти крестьяне арендовали землю.

¹ Хил., № 40. 154. Ср. № 40. 152 и 76.

² Хиландарский практик, изд. Ф. И. Успенского — Материалы для истории землевладения в XIV в., Учен. зап. Новороссийского ун-та, 1883, стк. 15.

Крестьяне не только арендовали землю у других крестьян, но и брали в аренду землю у феодалов. Особенно яркую картину аренды феодальной земли крестьянами рисует критский поэт XV в. Стефан Сахликис, который рассказывает, что он сдал свою деревеньку вместе с мельницами в аренду и получал за нее так называемую «третью долю»¹. Мелкий феодал Стефан Сахликис перестает непосредственно эксплуатировать свое владение и раздает земли крестьянам в аренду: развитие денежных отношений изменяет всю структуру поздне-византийского феодального владения.

Составленные нами таблицы показывают выделение значительного количества бедняков в византийской деревне XIV в. Было бы чрезвычайно важно выяснить, в какой мере беднякам в византийской деревне приходилось продавать свой труд, превращаться в батраков. Ведь многие византийские крестьяне не имели никакого имущества, кроме одного-двух волов; таковы, например, крестьяне поместья детей Киприяновых в деревне Градец.

Возможно, что этим крестьянам приходилось наниматься на работу вместе с волами. Известно, например, что парики некоторых деревень Зографского монастыря вместе со своими «зевгарями» уходили на заработок в другие деревни². Фессалийский крестьянин Константин Кацидона продал свой виноградник, чтобы купить быка и зарабатывать на жизнь, возделывая чужую землю³.

В разорении византийских крестьян очень значительную роль играло наступление турок. По свидетельству Паламы, набеги врагов сплошь да рядом были настолько продолжительными, что в течение долгого времени нельзя было выйти за городские стены⁴. Никифор Григора рисует картину поспешного бегства в Солунь окрестного населения, которое искало за стенами города спасения от турецкого набега. Солунские крестьяне прятались в городе вместе со своими стадами, и уже очень скоро начинала чувствоваться нехватка припасов и корма для скота⁵. Набег турок на Фракию лишил местное население скота, и после этого набега земля осталась незаселенной, а крестьяне бежали⁶. Хиландарский акт 1356 г. говорит о разрушениях, причиненных «варварами» во владениях

¹ С. Пападимитриу. Стефан Сахликис и его стихотворение *Ἀφῆγησις παραξενός*. — *Летопись Ист.-фил. об-ва при Новоросс. ун-те*, VI (1896), стк. 155.

² Зограф., № 26.51 и № 32.51.

³ MM, IV, 408. Ср. ниже, стр. 185.

⁴ Migne PG, CLI, col. 264. A.

⁵ Gregoras, II, 673.14.

⁶ Gregoras, II, 747.21.

монастыря¹. Из акта 1363 г. мы узнаем о частых набегах «агарян» на остров Фасос: они уводили в плен местное население, причем иные так и умирали в плену². Выше уже упоминалось о грамоте Стефана Душана, свидетельствующей о превращении анатолийских крестьян в элевтеров афонских монастырей в результате турецкого наступления. Особенно часто говорят о турецком наступлении вазлонские акты.

Помимо внеэкономического гнета византийских феодалов и налоговых сборщиков, помимо турецкого наступления, процесс разорения крестьянства в Византии ускорял еще один важный фактор — фактор, тесно связанный с развитием в империи денежного обращения и наличием денежной ренты, — ростовщичество. «...Широкой и своеобразной ареной ростовщичества, — говорит К. Маркс, — является функция денег как средства платежа. Всякие денежные повинности, приуроченные к определенному сроку, — аренда, подати, налоги и т. п., сопряжены с необходимостью денежных платежей»³.

Необходимость уплаты в срок денежной ренты заставляла византийского крестьянина обращаться к ростовщику. Уже в житии Филарета Милостивого⁴ и в стихотворениях поэта X в. Иоанна Геометра⁵ мы находим жалобы крестьян на бремя долгов. О бедняке, задолжавшем 10 номисм, рассказывает житие Евстратия Агаврского⁶.

Разнообразные источники, носящие, к сожалению, по большей части риторический характер, подробно сообщают о развитии ростовщичества в поздней Византии.

Риторы, выступающие против ростовщичества, называют ростовщиков (τοκογλύφοι) дикими зверями⁷. «Ты обращаешь соплеменника в рабство», порицает ростовщика Кавасила⁸. Исидор Солунский сообщает, что должнику приходилось бояться побоев, заключения в тюрьму, разрушения дома, разграбления самых необходимых вещей⁹. Ему вторит и Димитрий Кидонис, повествующий о том, как должника хватают за горло и за

¹ Хил., № 145. 18—24.

² Пандокр., № 4.14 и № 6.40.

³ К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1949, т. III, стр. 613.

⁴ А. Васильев. ИРАИ, V, 66.24.

⁵ Migne PG, t. CVI, 957 A.

⁶ А. Παπαδόπουλος-Keraméus, Ἀνάλεκτα τῆς Ἱεροσολυμιτικῆς Σταυρολογίας, IV, 378.3.

⁷ Рукопись: Paris, gr., 1213, f. 278—280. Цит. по O. Tafrali. Thessalonique au XIVe siècle, Paris, 1913, p. 113.

⁸ σὺ δὲ ἀνδραποδίζεις τὸν ὁμόφυλον — Migne PG, t. CL, col. 748.

⁹ Рукопись: Paris. gr., 1192, f. 226—226 v. Цит. по O. Tafrali, op. cit., p. 116, n. 3.

бороду, волокут из дому и бьют палкой на глазах у его жены¹.

Но если известия риторов, порицающих ростовщичество, относятся по преимуществу к городу, то для нашей цели большее значение имеют сухие и простые известия актов, свидетельствующие о распространении ростовщичества в деревне. Мы знаем, например, что крестьяне деревни Вари в XIII в. задолжали Лемвийскому монастырю 55 номисм, которые никак не могли выплатить; монахи обратились к императору с просьбой взыскать этот долг с крестьян². Хиландарский монастырь в XIV в. давал деньги под залог недвижимости³. О ростовщичестве византийских священников рассказывают, между прочим, и риторы XIV в., например Кавасила⁴.

К. Маркс указывает, что «...ростовщик, не довольствуясь выжиманием прибавочной стоимости из своей жертвы, мало-помалу приобретает титул собственности на самые условия его труда—на землю, дом и т. д.—и постоянно занят тем, чтобы его экспроприировать...»⁵. Этот процесс происходил и в Византии: его так раскрывают нам поздневизантийские акты. Некий трапезундский крестьянин дал Вазелонскому монастырю свой хоррафий в обеспечение долга в 100 аспров. Когда он не сумел выплатить долг, монастырь был признан собственником земли⁶. Помимо так называемого «ручного заклада», мы встречаем и ипотеку. Некто Хрисоверг одолжил 1¹/₃ нечеканенного серебра у одного крупного землевладельца; после смерти Хрисоверга кредитор стремился взыскать долг с его вдовы, которая, не имея чем заплатить, должна была отдать кредитору мужа свои оливы⁷.

То небольшое количество данных, которое имеется в нашем распоряжении относительно развития в поздневизантийской деревне ростовщичества, показывает, что в качестве ростовщиков сплошь да рядом выступают монастыри: Лемвийский, Хиландарский, Вазелонский. Имелись ли ростовщики среди зажиточных крестьян, в настоящее время с уверенностью сказать невозможно.

Развитие ростовщичества, превращая крестьян в «придавленных нуждою хозяев»⁸, заставляет их продавать земли, т. е.

¹ J. Fr. Boissonade. *Anecdota graeca nova*. Paris, 1844, p. 258. О ростовщичестве в XIV в. по данным риторов см. O. Tafrali, *op. cit.*, p. 104 sqq.

² MM, IV, 256. 7—8.

³ Хил., № 112.31.

⁴ Migne PG, t. CL, col. 741. D.

⁵ К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1949, т. III, стр. 609.

⁶ Вазел., № 97—98. Сад в качестве залога упомянут в грамоте 1400 г.—MM, II, 344.31.

⁷ MM, IV, 114.21—26.

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 152.

содействует мобилизации земли в византийской деревне, где появляются скупщики земель. Весьма вероятно, что таким ростовщиком, скупавшим землю, был протовестиарий Григорий Евнух, который в течение октября 1212 — марта 1213 гг. купил 5 участков земли в районе Милета, общим размером свыше 65 модиев¹. Эти участки по своему размеру — крестьянские. Житель деревни Мантея Феодор Гордата, повидимому, специально занимался куплей-продажей земли: у некоего Капила он купил 1 модий земли и передал Лемвийскому монастырю²; другой участок земли он продал Фоке Кирамари³.

Рост имущественного неравенства и мобилизация земли содействуют разрыву общинных связей во всех их формах. Распадается в первую очередь та большая семья, остатки которой еще можно видеть в поздней Византии. В уже известной нам деревне Ерисс в 1300 г. жил некто Константин, сын Димитрия Пендикондари, имевший с двумя своими братьями неразделенное хозяйство. Они владели быком, большим виноградником и платили ренту в 1½ перпера. Но прошло 20 лет и Константин умер; за это время в его семье произошли крупные перемены: она распалась на три части. Но этот раздел не был разделом поровну: если вдова и сын Константина имели пару быков, скот и виноградник и платили ренту в 2⅔ перпера, если его брат обладал примерно таким же имуществом, то судьба его дочери сложилась гораздо печальнее: она осталась вдовой безо всякого имущества и платила ренту в 1/6 перпера.

В процессе имущественной дифференциации беднейшие члены общины должны были покидать деревню; иногда они уходили со своих земель, продавая их: купчая грамота 1271 г. говорит о крестьянской семье, которая, оказавшись в такой бедности, что даже не имела пропитания и жила под страхом голодной смерти, — продает свой виноградник⁴. Иногда крестьяне-бедняки вынуждены были просто оставлять свою землю «из-за бедности», как о том говорится в одном из актов вазелонского кодика⁵.

Эта имущественная дифференциация, обостряя отношения между крестьянами, иной раз приводила к резким столкновениям. Очень интересный факт, правда, относящийся к XI в., передает житие Лазаря Галесийского, где идет речь о девочке, отец которой пропал на войне, а мать умерла; после смерти

¹ MM, VI, 157—164.

² MM, IV, 8.27.

³ MM, IV, 127.16.

⁴ MM, IV, 400.27. Ср. MM, IV, 412.26.

⁵ ἀποδημήσε ἐκ τοῦ γονικοῦ αὐτῆς διὰ τὴν προσοῦσαν αὐτῆς πτωχείαν — Вазел., № 39.13.

матери соседи, разграбив все имущество, выгнали девочку и ее братьев из дому¹.

Несмотря на то, что источники содержат чрезвычайно скудный материал по вопросу о разложении византийской деревни, мы можем все же сделать некоторые выводы. Прежде всего обращает на себя внимание факт расслоения крестьянства — выделения значительного количества (треть — по нашим подсчетам) беднейшего неимущего крестьянства. Этот процесс ускорялся благодаря гнету феодалов и злоупотреблениям сборщиков налогов, благодаря постоянным войнам, происходившим в XIII—XIV вв. на территории Византийской империи и прежде всего — турецкому наступлению, и, наконец, ростовщичеству. Количество зажиточных крестьян в византийской деревне сравнительно невелико. Имеются некоторые основания предполагать, что зажиточные крестьяне арендовали земли более бедных крестьян и земли мелких феодалов, а также и то, что безземельные крестьяне уходили на заработки в другие деревни, но мы не можем судить о степени распространенности этих явлений. Источники говорят о них нечасто. Основную массу византийского крестьянства в это время (более половины), исходя из данных наших источников, составляют средние крестьяне. Мы, разумеется, далеки от того, чтобы идеализировать положение среднего крестьянства. «Самостоятельный земледельческий труд, — говорит В. И. Ленин, — разве лишь в лучший год и при особо благоприятных условиях покрывает содержание такого крестьянства, и потому оно находится в крайне неустойчивом положении»². Каждый неурожай толкал значительные массы крестьян такого типа в лапы ростовщиков, заставлял продавать земли, превращал в бедняков. Но в то же время мы не должны ни в коей мере преувеличивать степень имущественного расслоения поздневизантийского крестьянства, не должны забывать, что византийская деревня XIV в. — это еще деревня феодальная, где лишь зарождаются элементы новых отношений. «...Еще при господстве натурального хозяйства, — указывал В. И. Ленин, — при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения»³. Не всякое расслоение крестьянства есть уже результат развития капиталистических отношений. Несмотря на наличие значительного имущественного расслоения, преобладание среднего крестьянства свидетельствует о том, что византийская деревня остается феодальной.

¹ AASS Novembris, III, 529 D.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 148.

³ Там же, стр. 143.

Одновременно с разложением общины в византийской деревне XIV в. происходит изменение самого характера поместья: в структуре византийского феодального хозяйства возникают такие явления, которые могут быть объяснены только влиянием новых отношений нарождающегося капиталистического уклада. Мелкий феодал вроде Стефана Сахликиса сдает свою землю в аренду, повидимому, зажиточным крестьянам. Иначе приспосабливается к новым отношениям крупная вотчина: XIII—XIV вв. характеризуются ростом крупного монастырского землевладения; акты византийских монастырей показывают, как крупные землевладельцы — богатые монастыри — распространяют свои шупальцы, подчиняя себе и мелкие монастыри, и владения мелких феодалов¹.

При этом монастырские владения имеют, как мы видели, значительные по размерам домены, обрабатываемые частично путем сдачи земель в аренду, частично домениальными плугами, частично трудом крестьян-обычников. Домениальное хозяйство производит хлеб и вино, и известная часть этих продуктов выбрасывается на рынок. Каждый монастырь стремится иметь в своих владениях ярмарку и иногда даже запрещает другим учреждениям и лицам продавать свои товары на этой ярмарке; другие крупные собственники, подобно Иоанну Кантакузину, заводят крупное скотоводческое хозяйство, часть продуктов которого, повидимому, сбывалась на рынок.

Если мы верно отметили рост отработок и появление новых видов натуральной ренты в XIV в., то эти явления проливают яркий свет на формы приспособления крупной вотчины к наступлению товарного хозяйства: балканские феодалы, продающие хлеб итальянцам, стремились выжать прибавочный продукт из непосредственных производителей в большем, нежели прежде, размере, но они выжимали его чисто феодальными методами.

Видимо, крупное феодальное хозяйство оказалось более приспособленным к новым хозяйственным условиям. К сожалению, недостаток материала не позволяет говорить об этом процессе более определенно; мы можем представить себе зарождение в поздневизантийской деревне элементов новых общественных отношений лишь в самых общих чертах.

¹ См. об этом А. Ф. Вишнякова. Хозяйственная организация монастыря Лемвиотиссы. ВизВ, XXV (1927), и И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту в Византии. Известия АН СССР, ООИ, 1931. Ср. выше, стр. 70—72, 91.

Глава 8

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ XIV в.

Разорение крестьянства порождало обострение социальных противоречий в византийской деревне XIV в. В то же самое время можно наблюдать и рост недовольства среди городского населения: ремесленников и мелких торговцев. Византийские писатели рисуют картину чрезвычайно напряженной классовой борьбы в XIV в. Никифор Григора с некоторой долей риторики, но по существу правильно изобразил положение в империи, когда писал: «Можно было видеть, что весь народ ромеев во всех городах и деревнях (*κατὰ πᾶσαν πόλιν καὶ χώραν*) раскололся на две части... на отличающихся богатством и знатностью и на неимущих»¹.

Эта упорная классовая борьба, развернувшаяся в Византии в XIV в., когда движение плебейских масс города стало сливаться с движением зависимого крестьянства, нашла отражение в своеобразном литературном жанре — в баснях, содержание которых носит подчас чрезвычайно радикальный характер. В басне «Синаксарь почтенного осла» народ зло издевается над монахами. Волк рассказывает в этой басне о том, как он грабил и убивал телят, а после того предавался покаянию:

Потом я уходил на холм, в пустынную обитель,
И тотчас изменялся я и каялся во всем я,
И черным красил спину я и становился старцем,
Одевши схему, был во всем игумену подобен².

Эта басня содержит очень резкую сатиру на монашество, далеко превосходящую робкие нападки Гемиста Плифона на монахов, которых он осуждает лишь за безделье, называя трутнями³.

¹ Gregoras, II, 613. 10—14.

² Συναξάριον τοῦ τιμημένου γαδάρου, ed. W. Wagner. Carmina graeca medii aevi, Lpz. 1874, vers. 130 sqq.

³ A. Ellissen. Analecten d. mittel- u. neugriechischen Literatur, IV (1860), 2, S. 52.3.

Еще более резкие нападки на современные социальные отношения содержит другая басня — «Поучительная повесть о четвероногих», где рассказывается о двух группах зверей: чистых и хищных. Царь зверей Лев приказал всем зверям рассказать о себе, о своих грехах и заслугах. Естественно, что вол, олень и другие «чистые» стали говорить о той пользе, которую они приносят людям, тогда как волк, леопард и им подобные — о своих грабежах и жестокости. Выслушав все это, Лев, однако, не вынес справедливого решения, но постановил:

Пусть продолжается война, как это было раньше,
И пусть все хищники и впредь уничтожают мирных ¹.

Это решение вызвало негодование мирных зверей, и вол заявил: «Это — не царь и повелитель» ²; бросившись на Льва, он убил его. Началось сражение, Осел затрубил, и мирные звери двинулись против хищников, которые не выдержали натиска:

Волк даже в горы убежал, Лиса укрылась в чаще,
И дикий Кот на самый верх на дерево забрался ³.

Острая классовая борьба, получившая отражение в этих баснях, окрашена новыми чертами, характерными уже для периода начинающегося распада феодальных отношений.

Особенно острые формы классовая борьба в Византии приняла в Македонии и Фракии, где, как мы знаем, процесс закрепощения крестьянства проходил более интенсивно, чем в других областях империи, доступных нашему изучению. Вместе с тем число безземельных крестьян в районе Солуни было также весьма велико. Кроме того, здесь находились и такие крупные ремесленные и торговые центры, как Солунь, Редесто, Адрианополь. Эти города, особенно Солунь, были постоянными очагами возмущения. «Кто не знает, — писал Димитрий Кидонис, — что наш город (Солунь. — А.К.) является учителем подобных зол?» ⁴.

Непосредственным поводом для народного движения, вспыхнувшего в 40-е годы XIV в. в районе Солуни, послужила борьба между двумя группировками феодального класса. Одна из них делала ставку на «законного» претендента на престол Иоанна V Палеолога, во главе другой стоял представитель провинциальной феодальной знати, богатейший землевладелец

¹ Διήγησις παιδοφραστὸς τῶν τετραπόδων ζώων—ed. W. Wagner, op. cit., vers. 988 sq.

² Ibid., vers. 1012.

³ Ibid., vers. 1072 sq.

⁴ Migne PG, CLIV, col. 1213. B.

и скотовладелец¹ Иоанн Кантакузин. Провозглашение Иоанна Кантакузина императором и появление во фракийских городах послов Кантакузина с императорскими грамотами в 1341 г. послужило той искрой, которая зажгла долгую и упорную «гражданскую войну».

В 1341 г. грамоты Иоанна Кантакузина были оглашены в Адрианополе. Феодалы (динаты) приветствовали нового императора — ставленника феодалной знати, однако ремесленное население города и беднота, которых историки обозначают несколько неопределенным и архаичным термином *δημος*, выступили с резкими нападками на Кантакузина. Уже днем, когда знать перешла от хулы к побоям², произошли столкновения между нею и беднотой, ночью же бедняки напали на дома знати и разрушили многие из них. В среде бедноты в Адрианополе возник заговор, во главе которого стал некто Вранос, человек, принадлежавший к демосу и, по словам Кантакузина, трудом своих рук и заступом обеспечивавший себе скудное существование³. Эта краткая характеристика позволяет догадываться, что Вранос был безземельным и не имевшим быков крестьянином, который должен был добывать средства к существованию работой в садах и огородах крупных земельных собственников или более богатых крестьян, — он был батраком. Таким образом, можно предполагать, что уже в первой вспышке восстания городское движение сливается с движением крестьян-бедняков: во главе восстания в Адрианополе оказывается батрак Вранос. В ходе адрианопольского восстания проявилось еще одно противоречие, которое существовало как в городе, так и в деревне: противоречие между должниками и кредиторами. Так, Кантакузин, стремящийся опорочить народное движение 40-х годов, внешне направленное против него, замечает, что после победы демоса многие жители Адрианополя стремились использовать эту победу в своекорыстных целях; поэтому должники стали обвинять кредиторов в «кантакузинизме», т. е. в приверженности к Кантакузину и его окружению⁴. На самом деле, надо полагать, борьба против кредиторов-ростовщиков имела более глубокие причины: мы уже видели, что ростовщический капитал играл в это время значительную роль в византийской экономике, что он проникал и в деревню. Поэтому естественно, что народное движение, всей своей силой направленное против динатов, обратилось также и против ростовщиков.

¹ Gregoras, II, 623.15.

² Cantac., II, 176.6.

³ σκαπάνη προσέχων καὶ χρεαὶ καὶ γλισχρῶς ἐκ τούτων πορίζόμενος τὸν βίον — *ibid.*, II, 176. 11.

⁴ *Ibid.*, II, 177.4.

Восстание в Адрианополе нашло широкий отклик в городах Фракии и Македонии и распространилось вплоть до Родопов¹. Повсюду бедняки выступали против динатов, арестовывали сторонников Кантакузина и в оковах отправляли их в Константинополь, где находилось «законное» правительство Иоанна V Палеолога. Однако нигде социальная сущность движения в 1341 г. не выступала так отчетливо, как в Адрианополе. С новой силой народное движение вспыхнуло в начале следующего, 1342 г. Центром его на этот раз стал крупнейший из македоно-фракийских городов — Солунь. Восставшие одержали победу, и власть в городе перешла к так называемым зилотам, которые изгнали представителей знати — сторонников Кантакузина².

Восстание зилотов (1342—1349) не раз уже было предметом изучения как в буржуазной, так и в советской исторической науке. О. Тафрали, изучивший большое количество неопубликованных источников по истории Солуни в XIV в., не смог, однако, разобраться в причинах восстания зилотов. Причиной восстания он выдвигает множество самых разнообразных обстоятельств: тут и «печальное экономическое состояние населения»³, и внешний пример (восстание в Генуе)⁴, и, наконец, даже «любовь» солунского населения к семье Палеологов, которая не позволила ему подчиниться Кантакузину⁵. О. Тафрали дает чрезвычайно примитивный анализ расстановки классовых сил в ходе восстания, по существу не раскрывая тех характеристик, которые он находит в источниках: динаты, «средние», беднота (демос). Поэтому он не может понять классовых целей восстания: ему представляется, будто зилоты стремились к некоей абстрактной цели — «благо города»⁶. Он не видит антифеодального характера восстания.

Гораздо ближе подошел к пониманию характера восстания греческий историк Г. Кордатос⁷, который прямо указывал, что зилоты выступали с оружием против феодального гнета. Однако Г. Кордатос не вскрыл экономических корней восстания.

А. К. Бергер⁸ стремился увязать восстание зилотов с эко-

¹ Cantac., II, 180.14.

² Ibid., II, 233.22.

³ О. Тафрали. Thessalonique au XIV siècle. Paris, 1913, p. 255.

⁴ Ibid., p. 256.

⁵ Ibid., p. 226.

⁶ Ibid., p. 261.

⁷ Г. К. Кордатос. Κομμούνα τῆς Θεσσαλονίκης. Афины, 1928. Ср. также Г. Браунинг. Комуна на зилотите в Солуни. Исторически Преглед VI (1950) № 4—5 Д. Ангелов. История на Византия, ч. II, София, 1948, стр. 107—116.

⁸ А. К. Бергер. Демократическая революция в Византии в XIV в. Архив Маркса и Энгельса, V (1930).

номической историей поздней Византии, которую он рассматривал как страну более передовую даже по сравнению с Италией этого периода. Восстание в Солуни было, по его мнению, революцией, произведенной торгово-ремесленными кругами этого наиболее развитого города Средиземноморья. Нам представляется, что А. К. Бергер преувеличивает радикализм восстания зилотов, стремясь представить его как революцию XIV в. Еще более существенно другое: А. К. Бергер не рассматривает восстание зилотов в связи с аграрным движением, не видит, если так можно выразиться, «крестьянской стороны» восстания зилотов.

Восстание зилотов было предметом специального изучения Б. Т. Горянова¹, который, с нашей точки зрения, совершенно справедливо поставил восстание зилотов в связь с историей аграрных отношений в поздней Византии, указал, что восстание это было проявлением классовой борьбы не только городской бедноты, но и македонского крестьянства. Мы видели уже, что в восстании в Адрианополе в 1341 г. приняли участие и крестьяне. Естественно ожидать, что и в восстании зилотов имело место участие крестьянства.

История восстания зилотов и общественный строй, установленный ими в Солуни, нам, к сожалению, недостаточно хорошо известны. Хотя византийские писатели XIV в. уделяют много внимания восстанию зилотов, они искажают его характер, стремятся очернить это движение. К тому же значительное количество памятников, относящихся к истории восстания зилотов, находится в рукописях, изданных лишь в извлечениях.

Хотя переворот 1342 г. внешне был направлен против Иоанна Кантакузина, в защиту прав «законного» наследника престола Иоанна V Палеолога, на деле Солунь превратилась в независимую республику.

Современники отчетливо ощущали, что государство зилотов имеет совершенно новый и невиданный характер. «Оно создано, — писал Никифор Григора, — не по образцу какого-нибудь государства. Ведь оно не является аристократическим, подобным тому, которое Ликург создал для лакедемонян; ни демократическим, какое создал Клисфен в Афинах, заменив четыре филы десятью... Не является оно и каким-нибудь подновленным типом (*ἐν τι καίνωτερον εἶδος*), созданным из смешения двух или большего количества (старых), как было у жителей Кипра, или как создал, говорят, в древнем Риме плебс, восстав против консулов. Оно было до сих пор не-

¹ Б. Т. Горянов. Восстание зилотов в Византии (1342—1349). Изв. АН СССР, сер. ист.-фил., III (1946).

бывалой властью черни (ὀχλοκρατία ξένη τις), которая сложилась не по воле человека (αὐτόματον)»¹. В другом месте Григора подчеркивает, что зилоты не заботились о старых местных обычаях (αὐτονομία)².

Управление города принадлежало ряду демократических учреждений. Верховная власть находилась в руках двух архонтов. Первыми архонтами были великий примикийрий Иоанн Апокавк, сын великого дуки Апокавка, злейшего врага Кантакузина, и Михаил Палеолог, вождь зилотов³; последними архонтами были Андрей Палеолог, имевший титул стольничего (ὁ ἐπὶ τραπέζης), и протосеваст Алексей Метохит⁴. Мы не знаем, на какой срок избирались архонты: во всяком случае, они оставались на своем посту больше года, так как Иоанн Апокавк и Михаил Палеолог занимали эту должность в 1342—1345 гг., а Андрей Палеолог — с 1345 до 1349 гг. Неизвестно также, кем и в каком порядке выбирались архонты.

Кроме архонтов существовал совет (βουλή), который мог созывать каждый из архонтов. У Иоанна Кантакузина сохранилось описание одного из заседаний совета, состоявшегося в 1345 г. Его созывает Иоанн Апокавк для того, чтобы обсудить общие дела (βουλευέσθαι τῶν κοινῶν); второго архонта (συνάρχων) он приглашает принять участие в заседании, и тот является на совет в сопровождении небольшого количества своих приближенных (ὀλίγους ἔχων περὶ αὐτόν)⁵.

Мы вправе предполагать также существование народного собрания. Возможно, впрочем, что оно появилось только в конце правления зилотов в Солуни, уже после переворота 1345 г. Во всяком случае, известно, например, что Андрей Палеолог сжигал в 1349 г. императорские постановления на городской площади (ἐπὶ μέσῃς τῆς πόλεως)⁶, т. е. перед народным собранием. Однако народное собрание не играло большой роли: все наши источники единодушно подчеркивают, что власть находилась в руках вождей зилотов, которых Никифор Григора называет демагогами. По его словам, они требовали беспрекословного повиновения: «Те решения, которые они принимали, были для других законами и канонами»⁷.

¹ Gregoras, II, 796.2. А. К. Бергер, назв. соч., стр. 455, ошибочно приписывает это высказывание Паламе.

² Gregoras, II, 674.9.

³ Cantac., II, 568.16 и слл.

⁴ Ibid., III, 104.10.

⁵ Cantac., II, 570.4.

⁶ Ibid., III, 105.20.

⁷ Gregoras, II, 796.17.

То же самое сообщает и Кантакузин, заявляя, что зилоты сами правили городом¹.

Несмотря на наличие ряда демократических учреждений, власть в Солуни оставалась в руках имущих кругов, так как занимать должности практически могли только богатые. Николай Кавасила в обвинительной речи против зилотов («О незаконно дерзающих против церковного начальства»), изданной пока в извлечениях, указывает, что зилоты взимали своего рода пошлину со всякого, кто вступал в какую-нибудь должность, причем платить надо было и до хиротонии, и после хиротонии².

Таким образом, политические реформы зилотов передали власть в городе верхушке торгово-ремесленных кругов, которые обладали значительной силой в таком крупном центре, как «второе око» Византийской империи — Солунь³. К ним, вероятно, примкнули и мелкие феодалы. Торговые круги Солуни имели опору в приморских районах, где жили моряки (ναυτίκόν)⁴. В то же время на первых порах в городе оставалось большое количество представителей знати, поддерживающей Иоанна V Палеолога. Во главе этой знати находился Иоанн Апокавк, один из архонтов. Но Иоанн Апокавк, будучи архонтом, на деле не имел власти. Зилоты, вождем которых был другой архонт, Михаил Палеолог, фактически управляли делами города, оставив за Апокавком, по словам Кантакузина, лишь пустое наименование должностного лица⁵.

Восстание зилотов в Солуни нашло поддержку в других македонских городах. Приморский город Платамон и некоторые другие городки (πολίχναι) признали власть солунян⁶. В крепости Рентина местное население напало на поставленный Кантакузином гарнизон, состоявший из 200 человек, и прогнало его⁷. Успех солунян был обусловлен проведенными ими социальными и религиозными реформами. Более или менее отчетливое представление о социально-экономической политике зилотов может дать обвинительная речь Николая Кавасилы.

Он рассказывает о том, что зилоты конфисковали имущество монастырей, отбирая у них «поля, дома и землю и,

¹ Cantac., I, 568.21.

² O. Tafrali, op. cit., p. 264, n. 1.

³ Cantac., III, 109.16.

⁴ Ibid., II, 575.8.

⁵ Ibid., II, 568.22.

⁶ Ibid., II, 571.19.

⁷ Ibid., II, 277.3.

прежде всего, серебро, пшеницу, ячмень, вино и прочие продукты земли, а кроме того, крестьян и самые деревни»¹. Зилоты не употребили отобранные у феодалов богатства в личных целях, как утверждает Кантакузин, который клеветает на зилотов, заявляя, что они «из беднейших и лишенных уважения сделались богатыми и знаменитыми»². Николай Кавасила передает слова самих зилотов, которые, опровергая обвинения своих противников, говорили: «Мы не увеличили своего богатства, не украсили своих домов»³. На что же было употреблено отобранное у феодалов имущество? По словам Николая Кавасилы, зилоты говорили: «В чем поступаем незаконно, если мы починим крышу и поправим развалившееся жилище, если позаботимся о полях и пашнях и накормим тех, кто ведет борьбу за их свободу»⁴. Они заявляли: «Мы отнимаем землю у монастырей и кормим бедняков»⁵.

Эти известия, хотя они и риторичны, все же позволяют установить, что зилоты провели конфискацию части земель монастырей и светских феодалов. Неясный намек на это содержит и повествование Иоанна Кантакузина, который обвиняет зилотов в том, что они «испоганили округу (διεπόρθοῦν τὴν χώραν), используя в корыстных целях общее несчастье»⁶. В другом месте он говорит, что зилоты разграбили имущество знати, а самих феодалов либо заключили в тюрьму, либо изгнали⁷. Кроме земель, были конфискованы деньги, зерно и пр. Эти земли и другое конфискованное имущество были употреблены, по крайней мере, частично, для наделения крестьян. Особенно важно указание Кавасилы на то, что зилоты отнимали у монастырей крестьян. Это сообщение может быть истолковано только в том смысле, что зилоты провели освобождение (частичное?) монастырских крестьян. Не случайно аграрная реформа зилотов вызывает такое негодование вождя феодальных сил, Иоанна Кантакузина, который в ярости не находит иных слов для передачи сущности земельных реформ зилотов, кроме краткого сообщения о том, что они «испоганили округу».

Социальный характер реформ зилотов подтверждается и известиями других писателей XIV в. Григорий Палама в речи «Об общем замирении», произнесенной в Солуни несколько дней спустя после подавления восстания зилотов,

¹ O. Tafrali, op. cit., p. 263, n. 2.

² Cantac., II, 235.4.

³ O. Tafrali, op. cit., p. 268, n. 1.

⁴ Ibid., p. 267, n. 3.

⁵ Ibid., p. 266, n. 1.

⁶ Cantac., II, 570.19.

⁷ Ibid., II, 569.17.

описывал это восстание следующими словами: «Кто это бегает по городу, разрушает дома, грабит в домах имущество, с великим бешенством разыскивает хозяев и кричит на них безжалостно и бесчеловечно?»¹. Риторичность этой фразы не может скрыть того, что конфискация имущества знати составляла важнейший момент в требованиях восставших.

Примкнувшие к движению мелкие феодалы стремились воспользоваться конфискацией церковных имуществ в личных целях. Представление об этом дает грамота Алипийского монастыря от 1348 г. В 1348 г. монахи этого монастыря принесли жалобу на архонтопулов города Серры, которые присвоили себе в это смутное время зависимых крестьян Алипийского монастыря. Крестьяне были возвращены монахам².

Далее, зилоты провели реформу податей, хотя и не отменили их совсем. По сообщению Кавасилы, они взимали подати (*εἰσφοραί*), требовали с населения принудительных работ по строительству стен и облагали его другими повинностями³. Однако податные льготы монастырей и знати были отменены.

Социальные требования зилотов получили своеобразное выражение в их религиозной программе. Известно, что антифеодалное движение в средние века носило обычно характер ересей: «...всеобщие нападки на феодализм, — писал Ф. Энгельс в «Крестьянской войне в Германии», — и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси»⁴. Еретическое движение было широко распространено в Византии XIV в. Уже в 20—30-е годы в Солуни распространилась ересь жидовствующих, которые отрицали необходимость поклонения иконам⁵. Еще шире распространилось еретическое движение на Афоне, который, будучи центром крупного монастырского землевладения, являлся в XIV в. и значительным очагом еретических движений. Житие св. Феодосия Тырновского, написанное болгарским патриархом Евфимием, рассказывает о нескольких таких еретиках, приходивших в Болгарию из Византии. Автор жития подробно останавливается на ереси Лазаря и Кирилла Босоты. Эти еретики отвергали иконы, крест, священные сосуды; они называли себя нищими духом и утверждали, что злое начало владеет землей. Еретики выступали против брака и призывали не сдерживать естественных страстей. Автор жития отмечает,

¹ Б. Т. Горянов. Первая гомилия Григория Паламы как источник к истории восстания зилотов. ВизВ, I (1947), стр. 265.20.

² Кутл., № 21.

³ O. Tafrali, op. cit., p. 269, n. 4.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

⁵ ММ, I, 174 и слл.

что приверженцы этой ереси были хорошо организованы: они имели своих учителей и епископов. Житие Феодосия рассказывает и о другой ереси, основателем которой был некий Феодосий, выступавший против семьи. Он собрал группу женщин и мужчин, которые обнаженными бродили по пустынным местам в подражание, как говорит Феодосий, святым апостолам. Весьма вероятно, что сторонники Феодосия проповедывали и «примитивный коммунизм», общность имущества¹.

В XIV в. на Афоне широко распространяется и другое движение, направленное против старой церкви, — идиоритм. Повидимому, распространение идиоритма, сторонники которого выступали против киновий, против общего имущества монахов, было связано с проникновением в церковь влияния горожан, влияния частной собственности.

Между зилотами и Афоном существовали, повидимому, какие-то связи, хотя скудные сведения, которые мы находим в источниках, не дают возможности вскрыть характер этих связей; мы знаем лишь, что один из наиболее радикальных вождей зилотов, Андрей Палеолог, после поражения восстания и неудачных переговоров с сербами нашел себе прибежище на Афоне²; трудно предполагать, что он был принят одним из тех крупных монастырей-вотчинников, богатства которых он конфисковал во время восстания зилотов. Повидимому, его скрыли у себя именно афонские еретики.

Некоторые сведения относительно религиозной политики зилотов сохранились у Иоанна Кантакузина, который, разумеется, не понимал ее, да и не стремился понять. По мнению Кантакузина, зилоты лишь насмехались над христианской религией: «Напившись в кабачках, — говорит он, — они высмеивали христианские таинства»³. На самом деле, это высмеивание христианских таинств не было пьяной шуткой, как полагает Кантакузин. Те конфискации церковных имуществ, о которых мы уже говорили, заставляют нас предполагать, что зилоты выступали с требованием «дешевой церкви», которое представляло собою выражение оппозиции городских верхов против богатого духовенства. Естественно, что требование «дешевой церкви» включало в себя и упрощение самого культа, — отсюда и вытекает оппозиция зилотов старому культу с его пышной службой и непонятными таинствами.

Известия Кантакузина позволяют догадываться, что религиозная программа зилотов включала в себя и анабаптистские

¹ См. об этом К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898.

² Cantac., III, 109.16.

³ Ibid., II, 571.6.

требования. Он рассказывает, что зилоты устраивали на улицах большие цистерны, в которых перекрещивали (ἀναβάπτισον) людей, принадлежащих к демосу (ὄντας ἐκ τοῦ δήμου). Кантакузин, правда, утверждает, что перекрещивали тех, которые являлись его сторонниками, и что второе крещение должно было очистить их от близости к Кантакузину¹. Однако этому утверждению трудно поверить, так как он сам несколько ниже говорит, что только тех, кто отказывался креститься вторично, подозревали в сочувствии Кантакузину². Повидимому, второе крещение было одним из догматических требований зилотов.

Подводя итоги нашему изучению программы зилотов³, мы можем видеть, что она носила отчетливо выраженный антифеодалный характер. Зилоты выступали против монастырского и светского крупного землевладения, против церкви, освящавшей феодальный строй. Восстание зилотов передало власть в Солуни представителям верхушки торгово-ремесленных кругов, которые опирались на широкое народное (городское и сельское) движение. Мы видим, что в политической и социальной программе зилотов отразились требования крестьянства и плебейских низов города; народное движение в XIV в. приобретает гораздо более организованный характер, становится гораздо более угрожающим для класса феодалов, нежели это было прежде.

В борьбе против зилотов Иоанн Кантакузин опирался на поддержку фессалийцев, причем он подчеркивает, что его сторонниками были именно знатные фессалийцы (τῶν πόλεων οἱ ἄριστοι)⁴. Хотя об общественном строе Фессалии до нас дошло очень немного данных, все же мы можем предполагать, что в этой стране было широко распространено мелкое рыцарство, из которого формировалась фессалийская копница, сумевшая оказать упорное сопротивление войскам сербского царя Стефана Душана⁵. Феодальная знать Фессалии XIV в. добилась почти полной независимости от империи: грамота дуки Фессалии Михаила Гавриилопула называет правителей этой области «наследственными владыками» (κληρονομοδιαδόχοι)⁶. Эта независимость Фессалии проступает и в рассказе Кантакузина,

¹ Cantac., II, 570.21.

² Ibid., II, 571.4.

³ О программе зилотов — см. А. К. Бергер, назв. соч., стр. 454—455; М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 249; Б. Т. Горянов. Восстание зилотов в Византии (1342—1349), Изв. АН СССР, сер. ист.-фил., III (1946), стр. 94—95.

⁴ Cantac., II, 311.16.

⁵ А. Соловьев. Фессалийские архонты в конце XIV в. Byzantinoslavica, IV, 1932.

⁶ MM, V, 260.23. О дате этой грамоты см. А. Соловьев, назв. соч., стр. 163.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII и XIV в.в.

который сообщает, что к нему явились послы из Фессалии, которые провозгласили его императором (καλοῦντες βασιλέα) и просили его управлять ими ¹.

Повидимому, распространение крестьянско-плебейского движения по городам и деревням Македонии вызвало беспокойство феодальной знати Фессалии, и перед лицом грозного народного движения сложился союз знати.

Однако Иоанн Кантакузин не рассчитывал добиться победы над зилотами при поддержке одних фессалийцев; он привлек на свою сторону турок и сербов. В 1343 г. с помощью фессалийцев и наемного отряда турок во главе с Омарбегом он одержал победу над зилотами у Веррии и приступил к осаде Солуни. Турки были использованы для подавления крестьянского движения; они разграбили окрестные деревни, множество людей было уведено в рабство и продано на невольничьих рынках.

Хотя осада Солуни оказалась бесплодной, все же военные неудачи внесли разлад в ряды солунян, движение которых, как мы видели, было социально неоднородным.

Повидимому, знать и верхушка торговых кругов, тяготившиеся властью зилотов, готовы были пойти на соглашение с Кантакузином; во всяком случае, некто Палеолог, человек знатный (ἐκ τῶν ἀρίστων), и Гавала, принадлежавший к «средним», торговым кругам (ἐκ τῶν μέσων πολιτῶν), добивались заключения перемирия с Кантакузином. Однако это первое выступление солунской знати против зилотов окончилось неудачей: Палеолог и Гавала были преданы смертной казни ². Тем временем положение Кантакузина стало укрепляться, несмотря на неудачную осаду Солуни, которую пришлось вскоре снять. Поэтому в 1345 г. солунская знать попыталась снова вступить в переговоры с Кантакузином. На этот раз переворот знати был подготовлен архонтом Солуни Апокавом, который, предательски убив вожда зилотов Михаила Палеолога, отправил послов к Мануилу, сыну Иоанна Кантакузина, и обещал ему прекратить сопротивление на следующих условиях: Солунь должна была получить освобождение от податей (ἀτέλεια κοινῇ τῇ πόλει), а солунская знать — чины и денежные пожалования (τιμὰς καὶ προσόδους) ³. Иначе говоря, сторонники Апокавка добивались большей или меньшей независимости Солуни, в чем заинтересована была прежде всего городская верхушка, и кроме того, чинов и денежных пожалований, которые получили бы, разумеется, солунские феодалы,

¹ Cantac., II, 309.22.

² Ibid., II, 393.17.

³ Ibid., II, 574.13.

перешедшие теперь на сторону Иоанна Кантакузина. Причиной разрыва знати с восставшими было то, что аграрная программа зилотов оказалась слишком радикальной для имущих верхов, которые пошли на стовор с Кантакузином.

В то же время Иоанн Апокавк арестовал вождей зилотов и выслал их в Платамон и некоторые другие города, находившиеся под его властью¹. Изложение последующих событий у Кантакузина несколько неясно; во всяком случае, повидимому, в результате сопротивления народных масс Солуни Апокавку пришлось бежать на акрополь². Особенно решительно против Апокавк выступили моряки, во главе которых стали Андрей Палеолог и Георгий Кокала. Всюду зилотов были, по сообщению Филофея, автора жития св. Саавы, молодыми людьми (*νεανίσκοι*), которые принадлежали, повидимому, к городской верхушке. Один из родственников Георгия Кокалы находился в числе ближайших к Апокавку лиц³. Андрей Палеолог, как мы уже знаем, имел титул стольничего.

Вооруженные моряки напали на небольшой гарнизон города, насчитывавший 800 человек и являвшийся основной опорой Апокавк. Упорное сражение продолжалось всю ночь, пока утром народные массы не поддержали моряков. Солдаты Апокавк, видя бесполезность дальнейшей борьбы, стали переходить на сторону зилотов; только феодальная знать, архонты, наиболее ожесточенные противники демократического движения, продолжали оказывать сопротивление. Но оно уже не могло помочь: около ста архонтов во главе с Апокавком были схвачены на акрополе и перебиты⁴. Лишь немногие из знатных солунян смогли спастись от народной ярости, бежав из города или укрывшись в церквях. Расправа со знатью приняла такой грозный характер, что вожди зилотов, и особенно Андрей Палеолог, стремились удержать народ от мщения; мы можем судить об этом на основании того, что Кантакузин хвалит Андрея Палеолога за умеренность, за его стремление воздержаться от грабежей и убийств⁵.

В ходе восстания 1345 г. народные массы Солуни окончательно расправились с феодальной знатью, группировавшейся вокруг Иоанна Апокавк. Вся полнота власти перешла к Андрею Палеологу и его друзьям.

В 1347 г. зилоты заключили мир с Кантакузином; но город попрежнему оставался фактически независимым от императорского правительства и управлялся архонтами. Положение

¹ Cantac., II, 571.19.

² Ibid., II, 571.22.

³ Ibid., II, 581.14.

⁴ Ibid., II, 580.3.

⁵ Ibid., II, 573.20.

города было чрезвычайно тяжелым: вся Македония в это время была занята сербскими войсками¹. В то же время Кантакюзин, примирившийся уже с правительством Иоанна V Палеолога, стремился подорвать изнутри силы зилотов. С этой целью в 1349 г. в город был направлен в качестве солунского архиепископа противник зилотов Григорий Палама, но архонты не приняли архиепископа: он был изгнан из Солуни и бежал на Лемнос, где император наградил его пронией².

После неудачной попытки назначить солунским архиепископом Григория Паламу Кантакюзин попытался опереться на имущие круги города, недовольные тем влиянием, которым пользовались в Солуни моряки. Все большее влияние в городе приобретали динаты, которые вернулись обратно после примирения зилотов с Кантакузином в 1347 г. Во главе всех этих групп стал один из архонтов Алексей Метохит. История подавления восстания зилотов изложена Кантакузином очень неясно. Он рассказывает лишь, что Андрей Палеолог, почувствовав, что граждане (πολιται) настроены враждебно по отношению к нему, обратился к приморским жителям и приказал им взяться за оружие³. Однако на этот раз попытка поднять моряков была неудачной. Чувствуя свою слабость, Андрей Палеолог бежал из города и отправился искать поддержки у сербского короля. Дом Андрея, а вслед за тем жилища моряков были разрушены. При этом Кантакюзин лицемерно замечает, что ни один человек не был убит⁴.

После расправы с наиболее радикальными участниками движения судьба восстания была решена. По приглашению Метохита в город прибыл Иоанн Кантакюзин, который выступил в народном собрании с речами, стремясь всячески очернить зилотов. Остававшиеся еще в городе вожди зилотов были либо брошены в тюрьмы, либо высланы.

Несмотря на недостаточность известий относительно восстания зилотов, мы можем видеть, что радикальный характер этому движению придало именно участие в нем крестьянских и плебейских масс (моряки), выдвинувших смелую программу социальных реформ. Они добились конфискации имущества светских и духовных феодалов, передачи их имущества беднякам. Однако участие в восстании имущих верхов города и части феодалов подрывало силы восставших: городская верхушка стремилась преимущественно к проведению политической реформы и боялась радикальных требований крестьянства

¹ Cantac., III, 104.20.

² Ibid., III., 105.10.

³ Ibid., III., 109.4.

⁴ Ibid., III., 109.13.

и плебейства; мелкие феодалы стремились к тому, чтобы присвоить имущество монастырей. На протяжении нескольких лет господства зилотов в городе имущие верхи не раз пытались предать восстание и пойти на компромисс с феодальной знатю, добываясь лишь податной автономии города.

Анализируя причины поражения Крестьянской войны в Германии, Ф. Энгельс указывал, что «местное и провинциальное раздробление и вытекающее из него неумение возвыситься над местными и провинциальными интересами привели все движение к гибели», что «ни горожане, ни крестьяне, ни плебеи не оказались способными к соединенному общенациональному выступлению»¹. Разрозненность народных масс в феодальной Византийской империи, разрозненность отдельных областей ее, наконец, отсутствие пролетариата и буржуазии, которые одни только могут явиться общенациональной силой, способной возглавить победоносную борьбу крестьянских масс, — все это послужило причиной поражения народных движений середины XIV в. Византийское феодальное крестьянство было расколото на бесчисленное количество групп не только в силу господства натурального хозяйства и замкнутости каждой отдельной общины, но также и в силу существования здесь многочисленных градаций по степени зависимости, по податному и имущественному признакам. Сплошь и рядом отдельная деревня распадалась на несколько самостоятельных мирков, в каждом из которых господствовал особый феодал.

Короче говоря, народные движения XIV в. потерпели поражение именно потому, что феодальные отношения еще господствовали в византийской деревне, где только начиналось вызревание капиталистических элементов.

Народные движения середины XIV в. были порождены кризисом феодальных отношений, но они, в свою очередь, расшатывали старый феодальный порядок; конфискация имущества знати, физическое истребление ряда архонтов, — все это наносило такой удар классу феодалов, от которого он уже не мог оправиться.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 196.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный нами фактический материал показывает несостоятельность концепций буржуазных ученых, отрицавших самое существование феодальных отношений в Византийской империи, не понимавших характера феодальной ренты, феодальных учреждений, классовой борьбы. Этот материал свидетельствует о том, что в Византии XII—XIV вв. существовал феодальный строй, при котором «основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде»¹.

Анализируя аграрные отношения в поздней Византии, мы исходили из общины как основного учреждения средневекового общества. Именно община, а не поместье лежит в основе византийских аграрных отношений. Это сказывается уже на самой структуре византийского сельского поселения: византийская деревня, которая может быть и большой деревней, и малой, и хутором, выступает перед нами как основная ячейка византийского общества, внутри которой или рядом с которой вырастает поместье; оно далеко еще не успело поглотить деревни. Византийское поместье не представляло собою целостного комплекса, покрывающего и подчиняющего себе деревню или ряд деревень: поместье лежит внутри деревни, охватывает лишь часть деревенской территории и граничит не только с другими феодальными владениями, но и с наделами крестьян, свободных или зависимых.

Византийская община обладает рядом характерных прав: она имеет прежде всего свои земли, угодья, которые исполь-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 555—556.

зуются сообща всеми крестьянами, входящими в данную общину. Община повсеместно выступает как административная и судебная ячейка, имеющая своих должностных лиц и своих судей. Мы без колебаний можем говорить о сохранении в поздней Византии византино-славянской общины-марки.

Но византийская община выступает перед нами как учреждение классового общества; это уже не организация равноправных во всех отношениях соплеменников. Византийская община была подчинена государству, которое использовало общинность в своих интересах, обложив крестьян податями и обязав их выполнять возложенные на них повинности.

В поздневизантийскую деревню уже давно вторглись феодалы. Еще в X в. византийские феодалы присваивали, не столько скупая, сколько захватывая, крестьянские земли, превращали свободные деревни в собственные проастии. Однако это наступление феодалов натолкнулось на сопротивление крестьянства: особую силу крестьянскому сопротивлению придавала община, в которой крестьяне получали как бы готовую организацию для борьбы. Крестьяне отказывались выполнять повинности, которые налагали на них феодалы, устраивали по ночам потравы, поджигали здания; избивали монахов. Отдельные возмущения перерастали в крупные волнения, как, например, восстание 1262 г. в Вифинии или крестьянско-плебейское движение во Фракии и Македонии в 40-х годах XIV в.

Крестьянские волнения при феодализме были разрозненными: «крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой...»¹. Тем не менее крестьянское сопротивление, несмотря на его распыленность и неорганизованность, имело чрезвычайно большое значение не только потому, что оно сдерживало наступление феодалов на общину и создавало необходимость для феодала считаться с традиционными отношениями сельской общины, но и потому, что оно ослабляло феодальное государство и класс феодалов: разгром имущества феодалов во время восстания зилотов был так значителен, что византийская знать уже никогда не смогла от него оправиться.

Однако, несмотря на сопротивление крестьянства, византийские феодалы в X—XIII вв. постепенно одерживают верх над общиной. При этом наступление феодалов было более успешным в балканских областях империи, во всяком случае, в Македонии, где к началу XIV в. почти не остается свободного крестьянства. Несколько иначе складывались общественные отношения в малоазийских фемах империи; во всяком случае, в районе Смирны и Никеи мы еще в конце XIII в. находим некоторое количество свободных крестьян. С этим яв-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 384.

лением связано и то, что крепостное право в балканских областях империи оформляется раньше, чем в М. Азии.

Наступление феодалов приводит к захвату ими крестьянских земель, прежде всего общинных угодий. В то же время феодалы присваивают себе общинные права: право на выморочные крестьянские земли и на определенную долю наследства бездетного крестьянина (авиотикий).

Крестьянин превращается в зависимого человека; его отношения с феодалом определяются не только размером того надела, на котором сидит крестьянин, но и целой системой личных отошений. Эксплуатация крестьянства осуществляется в форме взимания феодальной ренты, определяемой не размерами недвижимости, но обусловленной «емкостью желудка» феодала и зависящей в значительной мере от произвола феодала и от феодальной традиции.

В то же время и цена земли приобретает феодальный характер. Данные XIII в. показывают, что цена недвижимости определялась не одной только реальной ценностью ее — она в значительной мере обуславливалась еще и личными отношениями, которые устанавливались между сторонами во время самого акта продажи. Тем самым сделка по продаже земли превращалась в акт субинфеодации, так как отношения между сторонами не прекращались после заключения сделки.

Византийское зависимое крестьянство XIII—XIV вв. представляло далеко не однородную группу, так как процесс феодализации протекал в разных частях империи, и даже в разных деревнях неодинаковым темпом, и степень крестьянского сопротивления в разных условиях была различной. Мы находим здесь крестьян под патронатом, крестьян-обычников, чиншевиков, мистиев, элевтеров, дворовых и другие категории крестьянства. Крестьяне-обычники обязаны были платить денежную ренту, которая составляла основную часть их повинностей, выполнять сравнительно небольшую барщину (до 1 дня в неделю — по греческим актам первой половины XIV в.), вносить оброк. Византийские феодалы стремились увеличить крестьянские повинности, причем это увеличение шло не за счет основного крестьянского платежа («подворное»), но за счет дополнительных повинностей, введения новых видов натуральной ренты и, повидимому, за счет увеличения барщин. В то же самое время часть натуральных повинностей и барщин коммунтируется.

Крестьяне-обычники выполняли в первой половине XIV в. незначительные барщины, которые ни в коем случае не могли покрыть потребностей домена в рабочей силе. Для обработки значительного в монастырских вотчинах домена приходилось привлекать элевтеров, мистиев и дворовых. В то же время

часть домениальных земель сдавалась в это время в аренду; арендная плата почти повсеместно носила характер феодальной денежной ренты, и арендаторы были скорее чиншевиками (издольщиками), чем собственно арендаторами.

Византийская община в XIV в. не состояла из равных в имущественном отношении владельцев: мы можем проследить значительное расслоение византийского крестьянства. По данным изученных нами описей, около $\frac{1}{3}$ крестьян принадлежало к неимущим, почти совершенно лишенным земли и скота; вместе с тем уже образовалась группа зажиточных крестьян, арендовавших, повидимому, землю у своих односельчан и даже у помещика. Правда, основная масса населения деревни может быть отнесена к среднему крестьянству, и деревня в основном сохраняет феодальный облик. В то же время в византийской деревне XIV в. начинают вызревать элементы новых, капиталистических отношений, хотя развитие их замедляется сопротивлением феодальных сил. Развитие торгово-денежных отношений и, в частности, хлебной торговли влечет за собой изменение структуры поместья. Правда, немногочисленные дошедшие до нас источники не позволяют достаточно четко нарисовать картину поздневизантийского поместья, но все же мы можем предполагать, что мелкая вотчина в это время сплошь да рядом целиком сдается в аренду, тогда как крупные вотчинники стремятся с помощью феодальных средств принуждения увеличить массу высасываемого из непосредственных производителей прибавочного продукта: именно эту цель преследует увеличение ренты. Крупная вотчина XIV в. имеет большой домен и стремится производить больше хлеба и вина для продажи на рынке.

Сложность византийских аграрных отношений XIII—XIV вв. заключается в том, что здесь сохраняются пережитки архаичных форм общественных отношений, например, большая семья; процесс феодализации оказывается еще незавершенным — далеко не повсеместно восторжествовало крепостное право, и византийские феодалы еще нуждаются в иммунитете, т. е. учреждении, присущем раннему этапу в истории феодализма. Но в то же время торговля и ростовщичество, денежная рента, мобилизация земли — все это разлагает старые средневековые порядки в византийской деревне, ведет к ее расслоению и зарождению элементов новых, капиталистических отношений.

Разорение крестьянства и развитие в недрах феодализма элементов новых экономических отношений обостряют антифеодальную борьбу и порождают попытки единения крестьянства и плебейских масс городов в их борьбе против феодальной знати.

ПРОНИЯ

В пронии историки обычно видят условное владение, бенефиций, в отличие от вотчины, лена. Представление о пронии как о поместье в русской буржуазной историографии было создано на основании сербских источников. Опираясь на них, русский славист А. Майков впервые предположил, что «прония представляла кормежную землю, поместье, назначаемое по усмотрению верховной власти лично тому или другому, даже без права пожизненного пользования, так что верховная власть могла или обратно взять ее и отдать другому, или произвести обмен». В. Макушев, изучивший большое количество актов венецианского архива и собравший чрезвычайно ценный материал для характеристики пронии в далматских владениях Венеции в XV в., доказал, что пронии в Далмации XV в. представляли собой территории (деревни, земли или виноградники), которые венецианский Большой совет раздавал знати, согласно албанским обычаям (*secundum consuetudinem Albanie*), на срок жизни под условием уплаты некоторой суммы и несения конной военной службы. Пронии были неотчуждаемы и могли быть конфискованы в пользу казны¹.

Выводы В. Макушева, сделанные на основании венецианских источников XV в., были в дальнейшем распространены и на византийскую пронию. В. Г. Васильевский высказался относительно пронии очень осторожно, полагая, что в раздачах монастырской земли царским рыцарям в пронию можно видеть «действительный зародыш феодального порядка»². Это положение в одном отношении было подвергнуто справедливой критике со стороны Ф. И. Успенского, который доказал на материале хиландарского практика, что прония развивалась «не на почве церковного, а свободного общинного землевла-

¹ В. Макушев. О пронии в древней Сербии. ЖМНП, 1874, сентябрь.

² В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, ССП (1879), стр. 415.

дения. Отдача земель в пронию была средством эксплуатации общинных земель»¹. Ф. И. Успенский правильно подчеркнул, что пожалование части деревни в пронию разрывало, дробило общину.

Однако во взглядах Ф. И. Успенского на византийскую пронию имелись существенные недостатки. Одним из них было то, что в своих построениях он опирался на венецианские акты XV в. Ф. И. Успенский полагал, что «венецианские документы остаются самым важным и надежным материалом [подчеркнуто нами. — А. К.] в постановке вопроса об историческом значении пронии»². Опираясь именно на них, Ф. И. Успенский рисовал пронию как условное владение землей (поместье), жалуемое в качестве вознаграждения за военную службу³.

Скудным византийским известиям о пронии Ф. И. Успенский придает второстепенное значение, прямо утверждая, что невозможно «угадать (!) политическое значение византийской пронии на основании монастырских актов»⁴.

Ф. И. Успенский, хорошо знавший изданные к тому времени византийские акты, не мог не видеть, что в византийских актах XIV в. прония отнюдь не имеет того специфически условного характера, который отличает сербско-далматскую пронию. Ф. И. Успенский отмечает, что византийские пронии XIV в. могли быть отчуждаемы, могли быть переданы по наследству. Но это наблюдение порождает новую трудность: оно противоречит данным венецианских актов, которые, по мнению Ф. И. Успенского, следует положить в основу изучения византийской пронии. Стремясь увязать представления о пронии-поместье и о пронии-вотчине, Ф. И. Успенский высказал предположение о том, что прония-поместье в ходе исторического развития превращается в пронию-вотчину⁵. Правда, эта гипотеза сразу же вызывает сомнения: ведь известия о пронии-вотчине (XIV в.) хронологически предшествуют известиям о пронии-поместье (XV в.).

¹ Ф. И. Успенский. Материалы для истории землевладения в XIV в. Учен. зап. Новороссийского ун-та, XXXVIII (1883), стр. 23. Ср. его же, К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, CCXXV (1883), стр. 360.

² Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской пронии. Сб. статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского к 25-летию его ученой деятельности. СПб., 1883, стр. 14.

³ Там же, стр. 1, 22, 29, 30. Ср. его же. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, CCXXV (1883), стр. 353.

⁴ Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской пронии, стр. 13.

⁵ Там же, стр. 28.

Далее, Ф. И. Успенский переходит к анализу известий о пронии в византийских источниках XI—XII вв. и стремится показать, что византийская прония этого времени, подобно далматской пронии XV в., являлась условным владением, поместьем. Таких известий Ф. И. Успенский приводит немного. Это: сообщение Атталиаты о раздаче проний при Михаиле VII Дуке, Анны Комнины — о раздаче проний «на суше и на море» и, наконец, грамота, пожалованная роду Скордилов на Крите (1184 г.). Рассмотрим эти известия.

Атталиата сообщает, что Никифор, бывший логофетом при Михаиле Дуке, «раздавал чины и пронии по своему желанию»¹. Это известие более чем неопределенно: под пронией здесь может подразумеваться не только поместье и вотчина, но и любая иная форма награды. Еще меньше оснований видеть поместье в той пронии, о которой сообщает Анна Комнина²: разумеется, «пронии на море» ни в коем случае не могли обозначать ни поместий, ни вотчин.

Более сложен вопрос о грамоте 1184 г., в которой Ф. И. Успенский видит указание на противопоставление пронии и наследственных земель — вотчины. Обратимся к тексту этой грамоты.

Грамота 1184 г. содержит повеление «ввести каждого во владение его γονικὴ ἐπαρχία и земель, данной ему императорами διὰ προνοιαστικῆς δωρεᾶς»³. Ф. И. Успенский полагает, что в этом повелении содержится противопоставление родового поместья и пронии⁴, что доказывает, по его мнению, условный характер владения пронией. Однако такое истолкование этого места грамоты 1184 г. не представляется нам достаточно обоснованным. Термин ἐπαρχία имеет значение «провинция»⁵. (Ф. И. Успенский предполагает, что в грамоте 1184 г. этот термин употреблен в необычном для него значении «вотчины», однако не подтверждает этого предположения каким-либо текстом источников, где бы термин ἐπαρχία действительно обозначал «вотчину».) Прямой смысл выражения γονικὴ ἐπαρχία — «родовая провинция», т. е. наследственная должность по управлению провинцией. Такая наследственность в управлении провинциями действительно складывалась постепенно в Византии. Еще в X в. должность

¹ καὶ τὰς τιμὰς καὶ προνοίας οἷς ἐβούλετο χαρίζομενος — Attaleiates, p. 200.

² ἐκεῖνος γὰρ ἀφωρίσατο τὰς ἀπὸ γῆς καὶ θαλάττας προνοίας — Anna Comnena II, 348.

³ ἀποκαθιστᾶν καὶ ἀναπαύειν ἐνὶ ἐκάστῳ εἰς τὴν γονικὴν ἐπαρχίαν καὶ γῆν αὐτοῦ καὶ διὰ προνοιαστικῆς δωρεᾶς. . . δεδομένην — MM, III, 235.7.

⁴ Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской пронии, стр. 4.

⁵ Attaleiates, p. 51.5; Gregoras, II, 883.15; Cantac., I, 54.15.

стратига Анатолика фактически передавалась по наследству в роде Фок¹. Наследственным владыкой (κεφαλὴ καὶ φυσικὸς ἀφέντης)² был пелопоннесский феодал конца XII в. Сгур³. Таким образом, у нас нет оснований отвергать прямое значение этого термина и придавать ему иное значение, не подтверждаемое источниками.

Мы не можем согласиться с Ф. И. Успенским и в предложенном им истолковании выражения «земля, данная διὰ προνοιαστικῆς δωρεᾶς», которое, по его мнению, обозначает пронию. Так как слово πρόνοια постоянно встречается в актах в значении «забота», то мы в праве выражение «земля, данная διὰ προνοιαστικῆς δωρεᾶς», понимать как «земля, заботливо пожалованная». В одном акте XI в. подобное же выражение: προνοία παραδέδωκε⁴, встречается в значении: «заботливо передал», а отнюдь не «пожаловал в пронию».

Таким образом, уже анализ текста грамоты 1184 г. показывает, что этот источник может быть истолкован иначе, нежели это сделал Ф. И. Успенский. Это предположение подтверждается другим вариантом этой грамоты, изданным еще в 1846 г. Бернардом (Вернардис). Спорное место читается в нем следующим образом: «Древняя отцовская земля (πατρικὸν ἔδαφος), пожалованная каждому из них διὰ προνοητικῆς δωρεᾶς»⁵. Этот вариант не содержит никакого противопоставления «отцовской земли» и пронии: речь идет об отцовской земле, заботливо пожалованной, т. е. о земле, которая была пожалована еще предкам Скордилов. Термин прония отчетливо выступает в этом варианте грамоты 1184 г. в своем ином, специальном значении.

Данное здесь истолкование грамоты 1184 г. находит подтверждение и в ее староитальянском переводе, опубликованном впервые в 1907 г., т. е. уже после выхода в свет статьи Ф. И. Успенского. В этом переводе мы читаем об «отцовской провинции» (paternal diocese) и о земле, которая была заботливо (per providentia) пожалована Скордилам императорами⁶.

Проверяя и пересматривая многочисленные данные о пронии XI—XII вв., собранные Ф. И. Успенским, трудно согласиться с тем безоговорочным выводом, который делает

¹ Theophanes Continuatus, p. 459.16 et 462.6.

² The Chronicle of Morea, ed. I. Schmitt, Lond., 1904, vers. 1465.

³ Его печать издана G. Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin, Paris, 1884, p. 698 sq.

⁴ Лавра, № 47.56.

⁵ καὶ διανεμόμεν τὸ παλαιὸν πατρικὸν ἔδαφος εἰς τὸν καθένα διὰ προνοητικῆς δωρεᾶς τῶν κραταίων καὶ εὐσεβῶν κυρίων καὶ αὐτοκρατόρων ἐξ ἀρχῆς μέχρι τοῦ νῦν δοθείσης — Цит. по E. Gerland. Histoire de la noblesse crétoise du moyen âge. Paris, 1907, p. 91. B.

⁶ E. Gerland, op. cit., p. 91. C.

из них сам исследователь, пишущий: «Мы получаем вполне убедительные доказательства на то, что эпоха Мануила должна считаться вполне законченным периодом построения земельных отношений, основывающихся на пронии»¹. Еще меньше оснований имеется к тому, чтобы утверждать, что прония XI—XII вв. представляла собой условное владение, поместье. И, наконец, в известиях о ранней пронии мы не видим также никаких свидетельств относительно военного характера этого института.

Ф. И. Успенский правильно подчеркнул, что проникновение прониара в деревню ведет к разрушению общины, но его попытка нарисовать историю развития пронии оказалась неудачной. Причины этого коренятся в общей методологической несостоятельности Ф. И. Успенского, как буржуазного историка.

Ф. Энгельс, критикуя немецкого историка Маурера и отмечая у него наличие противоречий, писал: «Эти противоречия вытекают у Маурера: 1) из привычки приводить доказательства и примеры из всех эпох рядом и попеременно; 2) из остатков юридического мышления, которое мешает ему всякий раз, когда дело идет о понимании развития...»².

Эти черты, характерные для всей буржуазной исторической науки в целом, присущи в значительной мере и Ф. И. Успенскому, который, во-первых, изображал византийские общественные отношения XI в. на основании анализа венецианско-далматинских актов XV в. и, во-вторых, рассматривал развитие пронии исключительно с точки зрения взаимоотношений прониара с государством. Ф. И. Успенский не связывал вопроса о развитии пронии с вопросом об изменении феодальной ренты и взаимоотношений прониара с феодально зависимым крестьянством. Поэтому из его поля зрения, естественно, выпало основное содержание пронии—формы присвоения прибавочного продукта непосредственных производителей феодалами.

Взгляды Ф. И. Успенского на пронию подверглись критике уже в буржуазной исторической науке. Русский историк Н. Скабаланович утверждал, что ранние пронии представляли собою только «жалуемые поместья», а соединение с прониями обязанности нести военную службу возникает в позднейшее время³. Теорию об исключительно военном характере пронии отвергал и П. Мутафчиев⁴.

¹ Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской пронии. Стр. 7.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 599.

³ Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в., СПб, 1884, стр. 264—265.

⁴ П. Мутафчиев. Воиншки земи и воинци в Византия, Списание на Българ. Акад. на науките, XXVII (1923).

Концепция о пронии Ф. И. Успенского подвергается «критике» и в современной западноевропейской науке, однако эта критика носит весьма своеобразный характер: это — критика «справа», игнорирующая положительные моменты, содержащиеся все же, как мы видели, в теории Ф. И. Успенского и сохраняющая лишь слабые, ошибочные и порочные стороны его концепции. Современные буржуазные историки приходят к отрицанию феодального характера пронии. Так, Ф. Дёльгер полагает, что прониар был только получателем земельной ренты; он игнорирует таким образом факт разрушения крестьянской общины прониаром, — факт, верно подмеченный Ф. И. Успенским и являющийся весьма существенной стороной развития пронии именно как феодального института. Совершенно лишает классового содержания институт пронии и румынский историк Н. Иорга, который рассматривает пронию просто как государственные субсидии ¹.

Большинство же буржуазных историков, отвергая в теории Ф. И. Успенского ее «рациональное зерно» — элементы социальной характеристики пронии, — принимает его чисто юридическое толкование этого учреждения и его истории и продолжает рассматривать пронию как поместье, превращающееся по мере ослабления Византийской империи в вотчину ². Особенно отчетливо это проступает в работах Г. Острогорского ³, который, отстаивает представление о военном характере пронии: отвергая взгляд П. Мутафчиева, Г. Острогорский готов допустить лишь, что в XI в. прония не представляла собой военного держания, тогда как при Комнинах происходит «военизация системы проний». Подчеркивая условный характер пронии, он отождествляет ее с западноевропейским фьефом. Если он и говорит о «феодальной ренте», то в духе Ф. Дёльгера приравнивает ее к «доходам» вообще, — тем самым ставя вопрос о пронии только в плане взаимоотношений между Византийским государством и крупным землевладельцем и не рассматривая историю пронии в связи с историей феодальной ренты.

¹ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byz. Finanzverwaltung. Mñch., 1927, S. 65. Cp. его же. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. Bulletin of the Intern. Committee of Histor. Sciences, V (1933), S. 14. N. Iorga. Histoire de la vie byzantine, v. III, Bucarest, 1935, p. 121.

² A. Vasiliev. On the question of byzantine feudalism. Byzantion, VIII (1933), p. 590. А. Соловьев — В. Мошин. Гречке повелъе српских владара. Београд, 1936, стр. 486.

³ G. Ostrogorsky. Agrarian conditions in the Byzantine empire. Cambridge Economic History, I (1942), pp. 215—216; его же. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX (1948), № 2, стр. 286; его же. Le système de la pronoia à Byzance et en Serbie médiévale, Actes du VIe Congrès Intern. d'études byzantines, t. I, Paris, 1950.

Теория о том, что византийская прония-поместье превращается в пронию-вотчину, продолжает удерживаться и в советской исторической литературе. Б. Т. Горянов, оценивая значение работ Ф. И. Успенского, признавал правильным предложенное Ф. И. Успенским истолкование термина прония, указав при этом, что «пожалование пронии вызывалось в значительной степени военными интересами центрального правительства»¹. Б. Т. Горянов писал, что Г. Острогорский «весьма близок к истине, когда, изучая институт пронии, подтверждает, что линия развития шла на превращение условного и временного владения пронией в наследственную и неограниченную собственность»².

Б. Т. Горянов не дает критики чисто юридического построения Г. Острогорского потому, что он сам полагает, будто «основной линией развития крупного феодального землевладения в поздневизантийское время является окончательное превращение владений, жалуемых на основе пронии, из условных, временных, ограниченных, в лучшем случае, сроком жизни пожалованного, — в наследственные вотчины, при полной отмене всяких ограничений в отношении передачи по наследству, дарения, продажи и любых других видов отчуждения»³. Развивая теорию Ф. И. Успенского о превращении пронии в полную собственность, Б. Т. Горянов утверждал, что в первой половине XIV в. прониары превращаются в самостоятельных правителей⁴.

Учитывая обрисованное выше состояние вопроса о пронии в исторической литературе, мы сочли необходимым проследить действительную эволюцию пронии, подойдя к изучению этого вопроса с совершенно иной позиции, чем это обычно делается: подлинно научное понимание пронии может быть достигнуто лишь при условии, если этот институт будет рассматриваться отнюдь не в чисто юридическом плане, но прежде всего в связи с изменением форм взимания феодальной ренты в X—XIV вв.

Термин прония (прѳονια) мог обозначать различные понятия. Он употребляется иногда для обозначения управления

¹ Б. Т. Горянов. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении. ВизВ (1947), стр. 60.

² Б. Т. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. Вопросы истории, 1945, № 3—4, стр. 141.

³ Б. Т. Горянов. Основные проблемы поздневизантийского феодализма. АН СССР, Отд. ист. и фил. Пригласительный билет и тезисы докладов сессии Отделения 27—28 ноября 1947 г., стр. 12.

⁴ Б. Т. Горянов. Восстание зилотов в Византии. Изв. АН СССР, Сер. ист. и фил., III (1946), № 1, стр. 92.

церковью или монастырем, при этом с оттенком, подчеркивающим светское, хозяйственное управление — в отличие от *θεραπεία*, духовного попечения¹; поэтому монастырский устав Григория Бакуриани говорит об игумене, «творящем пронию»².

Но особенно часто этот термин применяется для обозначения власти светского лица над церковным учреждением.

Император Исаак Комнин, по известию Скилицы, взял на себя обязательство не вручать пронию «святых сокровищ» никому из своих приближенных, но подчинить их все патриарху³. Монастырский устав Ирины (1118 г.) говорит о лицах, которых направляют «творить пронию» во владения монастыря⁴: эконоом должен был выбирать их не по родству и знакомству, но среди лиц достойных и опытных.

Прония в этом значении представляет учреждение, чрезвычайно сходное с хорошо известной, благодаря исследованиям Ф. И. Успенского⁵, харистикией. Действительно, мы можем видеть, что некоторые документы XI в. отождествляют прониаров и харистикариев⁶.

Сущность харистикарной системы по актам XI — XII вв. заключается в том, что собственник монастыря передавал этот монастырь в пользование тому или иному частному лицу; владелец должен был извлекать из монастыря хозяйственные выгоды, как это ярко подчеркнуто в одном из писем Михаила Пселла. «Если я сделаю для монастыря, — писал Пселл в марте 1078 г., — все, что нужно: куплю быков, насажу виноградник, изменю течение рек, устрою орошение, приведу в движение и землю и море, — я буду получать 100 медимнов пшеницы, вдвое больше ячменя, а маслин — сколько угодно»⁷. В 1071 г. митрополит Кизика жаловался, что в его епархии много монастырей передано харистикариям, которые извлекают из них немалые доходы⁸. Чрезвычайно близким по своему

¹ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления Константинопольских поместных соборов. ИРАИ, V, стр. 23.11.

² Бакур., 51.30, Ср. MM, VI, 91.8.

³ Skylitzes, p. 641.11.

⁴ ἀποστελλόμενοι εἰς τὴν τῶν κτημάτων τῆς μονῆς πρόνοιαν — MM, V, 355.23. Ср. προνοητὴς τῆς μονῆς τῆς Καρέας — MM, IV, 315.17.

⁵ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления Константинопольских поместных соборов XI и XII вв. о раздаче церковных имуществ. ИРАИ, т. V; его же, Типик монастыря св. Маманта в Константинополе. Летопись ист.-фил. об-ва при Новороссийском ун-те, I (1892).

⁶ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления..., стр. 19.13 и 20.4. Ср. MM, VI, 84.30.

⁷ Перевод М. Я. Сюзюмова. Проблемы иконоборчества в Византии. Учен. зап. Свирдловского пединститута, IV (1948), стр. 90.

⁸ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления..., стр. 16.13.

содержанию к харистикии было так называемое ктиторское право, т. е. право светского лица на основанное им самим церковное учреждение. Михаил Атталиата в уставе 1077 г. говорит о праве ктитора (эфора) на получение $\frac{2}{3}$ доходов в основанном им странноприимном доме в Редесто¹; при этом Михаил Атталиата называет власть ктитора «эфорией, собственностью и пронией»².

Таким харистикарием мог выступить и монастырь; так, из грамоты Алексея Комнина от 1083 г. мы узнаем, что Ксенофонтов монастырь пользовался пронией по отношению к двум другим монастырям и извлекал из этой пронии 200 перперов дохода³. Уже в IX в. термин прония употребляется для обозначения власти посторонних лиц или монастырей над духовным учреждением. Василий Македонянин, как мы узнаем из диплома его сына Льва VI, «решил по просьбе Иоанна Колову дать сигилий об охране всех подвизающихся на этой горе (Афон. — А. К.) в разных жилищах божьих мужей и, кроме того [о том], чтобы недавно построенный этим Иоанном монастырь пользовался этой пронией и имел округ Ерисса и только»⁴. Однако с воцарением Льва VI монахи монастыря Иоанна Колову добились грамоты, «в которой, противозаконно изменив характер сигилия, написали — чего не следовало делать — харистику и, указав границы, захватили в собственность почти весь Афон»⁵. Они стали притеснять афонских старцев, как будто те были их собственными париками⁶. При императоре Романе Лекапине монастырь Галакрин пользовался пронией по отношению к другому церковному учреждению⁷.

¹ C. Sathas. Bibliotheca graeca. I, 25.29.

² τῆς ἐφορείας καὶ κυριότητος καὶ προνοίας — там же, стр. 15.14. W. Nissen, Die Diataxis des Michael Attaleiates. Jena, 1894, S. 54 f., различал три типа светской власти над монастырем: ктиторское право, эфорию и харистику.

³ Ксен., № 1.221. Здесь употреблен термин οἰκονομία, тождественный пронии.

⁴ σιγίλλιον ἐξ αἰτήσεως Ἰωάννου, τοῦ ἐπιλεγομένου Κολοβοῦ, λαβεῖν ἐδικαίωσε τοῦ παραφυλάττεσθαι πάντας τοὺς ἐν αὐτῷ ὄρει σχολάζοντας τοὺς θεοῦ ἄνδρας ἐν διαφόραις κατασκηνώσεσι καὶ πρὸς τοῦτοις καὶ τὴν παρ' αὐτοῦ Ἰωάννου νεοεργηθεῖσαν μονὴν τῆς τοιαύτης προνοίας καταπολαύειν καὶ κατέχειν τὴν ἐνορίαν τοῦ Ἐρίσσου καὶ μόνον — Порфирий (Успенский). История Афона. Т. III, ч. I, стр. 297.1. Переиздано у K. Lake. The early days of monasticism on Mount Athos. Oxf. 1909, p. 84. Е. Выражение προνοίας ἀπολαύειν, иметь пронию, см. еще MM, V, 171.7. Порфирий, назв. соч., стр. 43, неправильно переводит: «такого же попечения сподобил и вновь построенную оным Иоанном обитель».

⁵ Порфирий, назв. соч., стр. 297.10.

⁶ ὡς ὑπὸ ἰδίαν παροικίαν — там же, стр. 297.24.

⁷ Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae, ed. H. Delehaye, Bruxelles, 1902, p. 937.16.

В XI в. патриархи ведут упорную борьбу с системой раздачи монастырей харистикариям — прониарам, жалуются, что харистикия ведет к разорению монастырей¹. Однако система харистикий сохраняется вплоть до XIV в. В 1317 г. митрополит Атталии принес жалобу, что в его митрополии иные клирики и светские лица подчиняют себе монастыри, что они передают эти монастыри по наследству и часто приводят их в полное расстройство².

Иногда в византийских актах термин прониар встречается для обозначения сборщика податей. В своей грамоте одному монастырю от 1080 г. император Никифор, даруя ряд податных льгот, освобождает монастырь от «вторжения» различных чиновников, в том числе прониаров³. В других грамотах мы также находим формулу освобождения от стратигов, градоначальников и прониаров⁴. Корабли Патмосского монастыря не подлежали обложению со стороны «имеющих пронию»⁵. «Дуки, переписчики, контролеры и стратиоты, имеющие пронию,— читаем в одном акте,— должны соблюдать настоящее постановление»⁶.

При этом возможно, что прониары взимали пошлины в свою пользу. Анна Комнина, как мы уже знаем, рассказывает о пожаловании «проний на море» (ἀπὸ θαλάττας πρόνοιαι), которые, скорее всего, представляли собой право на сбор пошлин с кораблей.

В XIII в. некто Калигопул имел пронию на р. Ермон и собирал пошлину за рыбную ловлю на этой реке⁷. Могли существовать и пронии на рынки⁸.

Термин *προνοητής* приобретал иной раз более широкое значение, обозначая вообще управителей и заместителей. Житие Павла Латрского X в. рассказывает о протоспафарии Михаиле, который получил пронию императорских имений⁹. Далее,

¹ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления Константинопольских поместных соборов, ИРАИ, V, 16.13. 19.5. См. Н. Скабаланович, назв. соч., стр. 442. Эту сторону харистикии особенно подчеркивает Ф. И. Успенский. Типик монастыря св. Маманта в Константинополе, Летопись ист.-фил. об-ва при Новороссийском ун-те, Визант. отд. I, 1892, стр. 77—78.

² MM, I, 77.1.

³ M. Goudas. Βυζαντινὰ ἑγγραφα, Ἑπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, III, 123, № 2.55.

⁴ L. Petit. Le monastère de Notre-Dame de Pitié. ИРАИ, т. VI, стр. 26.23. Ср. Лавра, № 46.13; Бакуп., 11.5.

⁵ MM, VI, 166.10.

⁶ MM, VI, 196.12. Ср. там же, стр. 178.33. См. еще Jus, III, 316.9.

⁷ MM, IV, 239.

⁸ А. Дмитриевский. Толпὰ, т. I, Киев, 1895, стр. 697.27.

⁹ Analecta Bollandiana, XI (1892), p. 138.18.

прония обозначает в IX—XI вв. управление фемой¹. Известны прониары Самоса², Болгарии³, Афин⁴ и Лакедемона⁵.

В своеобразном значении употребляет термин «прония» Скилица, который рассказывает, что Константин Лихуд получил при императоре Константине Мономахе пронию Манганов. Ф. И. Успенский не считал возможным привлечь это известие Скилицы для доказательства существования пронии-поместья в середине XI в., тогда как Н. Скабаланович и Г. Острогорский видят в этом рассказе Скилицы первое упоминание пронии. Однако сложность истолкования этого отрывка из Скилицы заключается в том, что хронист рассказывает о назначении Лихуда «хранителем пронии Манганов и документов»⁶. Далее, мы узнаем о том, что после прихода к власти Исаака Комнина император сам захотел владеть документами и Лихуд, принеся требуемое, отдал их императору⁷.

В этом рассказе Скилицы остаются непонятными два момента. Прежде всего неясно, если только мы будем продолжать истолковывать эту пронию как поместье, о каких документах идет речь. Далее неясно, как могла быть установлена прония на Манганы, ибо Манганы — один из крупнейших константинопольских монастырей-дворцов, который был приобретен императором Василием I у патриарха Игнатия⁸. По постановлению императора Василия I в Манганы должны были стекаться сельскохозяйственные продукты, которые шли на устройство императорских приемов⁹.

Кроме того, известно, что Константин Мономах перестроил монастырь Манганы (храм св. Георгия) с огромными затратами¹⁰, поэтому трудно предположить, что сам император отдал

¹ Theoph. Cont., p. 6.14, Трактат «О военных хитростях», изд. Б. Газе вместе с Leo Diaconus, Bonn. 1828, p. 186. 13; ср. *ibid.*, p. 191.22. *Analecta Bollandiana*, XI, p. 64.1.

² MM, VI, 39.19. «Стратиг и прониар Самоса» — там же, стр. 34.7.

³ G. Schlumberger, *op. cit.*, p. 240 sq., приводит печати прониаров Болгарии. Среди них — Иоанн Триаконтафил, который в другой печати назван претором Болгарии (*ibid.*, p. 241). G. Schlumberger, *op. cit.*, pp. 241, 575, хочет видеть в термине *προνοητής* — *un titre extraordinaire*, после окончательного завоевания Болгарии замененный термином претор. N. Bănescu, *La signification des titres de Πραιτωρ et de Προνοητής*, *Miscellanea G. Mercati*, III (1946), ошибочно полагал, что прониар мог быть только управляющим императорскими доменами.

⁴ Михаил Антипапа, X в. — G. Schlumberger, *op. cit.*, p. 170.

⁵ A. Papadopoulos-Kerameus, *BZ*, XIV, 1905, S. 564.

⁶ τῆς τῶν Μαγγάνων προνοίας καὶ τῶν δικαιομάτων φύλαξ — Scylitzes, p. 645.1.

⁷ Scylitzes, p. 645.

⁸ J. B. Bury. *The imperial administrative system in the 9th century*. Lond., 1911, p. 101.

⁹ Theoph Cont., p. 337.1.

¹⁰ Cedr., II, 608.13, *Joannis*, p. 63.12.

Лихуду свой любимый монастырь (в котором он впоследствии умер).

Однако оба эти затруднения сразу же разъяснятся, если мы примем, что Скилица, говоря о пронии Манганов, разумеет не что иное, как управление одним из многочисленных ведомств государственного бюрократического аппарата, так называемым секретом Манганов¹. Кураторы Манганов постоянно упоминаются в актах², в списках чиновников³, в надписях на печатах⁴ и в хрониках⁵. Так, на одной печати XII в. остиарий и гебдомадарий Феодор назван протонотарием храма св. Георгия (т. е. Манганов) и прониаром (προνοήτης)⁶. Этот прониар Манганов был одновременно и протонотарием, т. е., подобно Лихуду, ведал документами.

Таким образом, на основании приведенного нами материала мы убеждаемся, что термин *pronoia* сложен и обозначает различные институты. Общее, имевшееся во всех этих учреждениях, заключалось в праве извлечения доходов, осуществляемом в различных формах: прониар получал право извлекать доходы из монастыря, от сбора пошлин и т. п.

Прежде чем перейти к рассмотрению последнего значения этого термина, необходимо сделать одно предварительное замечание. В том же значении, что и прония, употребляется, как правильно указал Ф. И. Успенский, и другой термин — *oikonomia*⁷; то, что в одном документе называется пронией, в другом обозначается как экономия⁸.

Эти термины применяются довольно часто для обозначения несколько расплывчатого понятия — «господство». Близ Смирны находилась прония кавалария сир-Гари, который в актах выступает как господин некоторых местных крестьян⁹. В долине Стримона известны аналогичная экономия кавалария сир-Петра Мартина¹⁰, экономия кавалария сир-Мануила

¹ M. Gedeon. Βυζαντινὰ χρυσόβουλλα καὶ πिटτάκια, Ἐκκλησιαστικὴ Ἀρχαία, IV, 505, col. 2. 19.

² MM, VI, 48, 12; Лавра, № 36.84.

³ Philothei Kletorologium, ed. J. B. Bury, op. cit., p. 137.30, V. Benešević. Die byzantinische Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei. Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, V (1926—1927), S. 128.

⁴ G. Schlumberger, op. cit., p. 151.

⁵ Theoph. Cont., p. 397.5.

⁶ G. Schlumberger, op. cit., p. 151.

⁷ Ф. И. Успенский. Значение византийской пронии, стр. 21. Ср. П. Мутафчиев, назв. соч., стр. 38. Б. А. Панченко, Крестьянская собственность в Византии, ИРАИ IX, стр. 194, неправильно переводит *oikonomia* как «вотчинный комплекс».

⁸ Хил., № 46.6 и № 47.6.

⁹ MM, IV, 39—42, 81.

¹⁰ Ксен., № 3.52.

Месопотамита¹. Но некоторые акты позволяют уточнить значение этих терминов, определить характер власти прониара. Акты говорят, что такой-то имеет «в деревне Худина экономию сорока перперов»², и еще чаще: «экономии количеством (ποσότητος) столько-то перперов»³.

Эти факты показывают, что в некоторых случаях содержание терминов пронии-экономии связано было с каким-то количеством денег. Самое слово «количество», ποσότης, приобретает специальное значение и употребляется вместо терминов прония и экономия⁴.

Но это «число», «количество» пронии отнюдь не представляет собой цену владения; известно, что посотис 300 перперов продается за 3000 перперов⁵.

Определение понятия ποσότης мы встречаем в памятнике — X в. — «Трактате об обложении». Император, — говорится там, — жалуется тому или иному храму по просьбе его монахов ποσότης из государственного канона некоторых деревень, не подчиненных этому храму⁶. Это определение подтверждается и поздними памятниками. Когда в 1272 г. Михаил Палеолог назначил своего сына Андроника соправителем, он издал указ, определявший объем власти соправителя. Император разрешал ему награждать отличившихся воинов прибавкой к их экономии до 24 или 36 перперов, — пожалование больших экономий составляло привилегию самого императора⁷. Далее Михаил указывает, что средства для пожалования надо черпать не из налогов, а, «насколько это будет возможно, из незаконных владений (экономиями. — А. К.) или из обнаруженных переписчиками свободных от обложения земель»⁸.

Своего рода иллюстрацию к постановлению Михаила Палеолога дает грамота Иоанна V от 1342 г. Из этой грамоты мы узнаем, что жившие в Серрах стратиоты получали определенные доходы, которые они называют «посотис экономии» (δὲ ὁικονομίας ποσότητος): одни получали 10, другие 12 перперов. Но их

¹ Хил., № 132.6.

² Хил., № 126.11.

³ Зогр., № 27.30; Ксеп., № 6.3; Зогр., № 15.2; ММ., V, 117.25.

⁴ Хил., № 45.7, № 101.11; Зогр., № 22.3; Фил., № 8.22; Jus, III, p. 620.

В этом же смысле употребляет этот термин и Иоанн Кантакузин: он говорит об определенном «числе» (ἀριθμός) пронии: τῆς τε παρὰ βασιλείως ἀποτεταγμένης ἐκάστῳ προνοίας ἐπυνθάνετο ἀριθμὸν καὶ εἰ τοσοῦτον κέχτηται νῦν ἢ τοῦ τεταγμένου ἤττον — Cantac., II, 63.14.

⁵ Зогр., № 22.3—10.

⁶ Тракт., стр. 117.38.

⁷ A. Heisenberg. Aus der Geschichte u. Literatur der Palaiologenzeit. Sitzber. d. Bayer. Akad. d. Wissenschaften, Phil.-hist. Kl., 1920, H. 10, S. 40.78.

⁸ Там же, стр. 40.87.

права на получение этих доходов не были прежде юридически оформлены; поэтому они просили императора издать грамоту, чтобы их владения превратились во владения по грамоте (*διὰ χρυσοβούλλου*)¹. Иоанн V в соответствии с их просьбой издал сигиллий, в котором было указано, что они должны владеть этой посотис без каких-либо препятствий с чьей-либо стороны². Таким образом, содержание пронии — экономии — посотис состояло (во всяком случае, теоретически) во взимании прониаром в свою пользу определенной денежной суммы из числа податей. Отсюда становится понятным, почему крестьяне деревни Малахий в XIII в. платили ренту то в казну, то тем лицам, которые получали пронию этой деревни³.

Институт пожалования определенной ренты частному лицу или монастырю возник не в XIII—XIV вв. Он хорошо известен уже по актам XI—XII вв. Император Михаил Мономах (1056—1057) пожаловал монахам Ватопедского монастыря *σολέμνιον* в 50 перперов⁴. Хиосский монастырь Неа Мони получил в конце XI в. право на ежегодное пожалование 72 перперов⁵. Иногда такой солемнион состоял из хлебных поставок⁶, а подчас можно даже проследить превращение хлебного солемниона в денежный⁷.

Солемнион выплачивался из налогов определенных областей. Никифор Фока (963—969) пожаловал Лавре св. Афанасия солемнион в 244 перпера, которые поступали из налогов, взимавшихся на острове Лемнос⁸. Известно, что диойкет Кикладских островов в XI в. выплачивал солемнион в 16 перперов⁹. Монастырь Богородицы Милостивой получил в 1160 г. права на ежегодное пожалование 30 перперов из суммы налогов своей фемы¹⁰.

Солемнион хорошо известен «Трактату об обложении». Если обычно солемнион выплачивал диойкет (податной чинов-

¹ Кутл., № 20.1—3.

² *καθέξουσι μὲν οὗτοι καὶ γεμνηθήσονται τὰς ῥηθεῖσας ποσότητες ἀνενοχλήτως παντάπασι* — Кутл., № 20.14.

³ MM., VI, 211.6.

⁴ M. Goudas, *op. cit.*, № 3.5.

⁵ MM., V, 1.8; 8.18; 9.3. При этом монастырь был занесен в кадастр секрета вестарха Евстафия, где «стояли имена протоспафариев» — там же, стр. 1.12.

⁶ *σολέμνιον τοῦ σίτου* — Ph. Meyer. *Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster*. Lpz., 1895, S. 117. 10; А. Дмитриевский, назв. соч., 717.5.

⁷ Cp. Attaleiates, p. 51.5; Nicetas Choniates, p. 272.10; Pachymeres, I, 97.22.

⁸ MM., VI, 117.25.

⁹ Ph. Meyer, *op. cit.*, S. 114.33.

¹⁰ MM., VI, 22.7.

¹¹ L. Petit. *Le monastère de Notre-Dame de Pitié*, p. 31.14.

ник) из доходов фемы, то один из видов солемниона, так называемый *λογίσμιον σολέμνιον*, взимался монастырем непосредственно с крестьян¹.

Таким образом, термин «прония» имел первоначально различные значения, ни одно из которых не заключало в себе понятия земельной собственности. Наоборот, прония постоянно противопоставляется земельной собственности. «Трактат об обложении» указывает, что *λογίσμιον σολέμνιον* должен выплачиваться крестьянами не подчиненных деревень². Известный уже нам диплом Льва VI противопоставляет пронию и настоящее владение. Это противопоставление земельной собственности и пронии проявляется и в дожившем до XIII в. запрещении прониарам скупать земли зависимых от них крестьян: крестьяне, находящиеся под пронией, не должны были продавать своих наделов прониарам, чтобы земля эта не вышла из подчинения государству³.

Все эти факты показывают, что прония в IX — XII вв. не представляла собой юридически собственности на землю. Прония возникает как пожалование частному лицу известной ренты из суммы государственных податей церковного учреждения той или иной деревни. Однако мы видели, что уже в это время прониары на деле превращают пронию в собственность, данников — в париков. В XIII — XIV вв. византийское право приходит к признанию прониара, получателя податей, собственником земли. В решении тяжбы крестьян деревни Малахий с монастырем Иоанна Богослова прямо сформулировано, что земля принадлежит не крестьянам, кото-

¹ Тракт., стр. 118.1.

² Тракт., стр. 117. 40.

³ *μη ὀφείλειν τοὺς ὑποτελεῖς πηράσκειν τὰ παρ' αὐτῶν κατεχόμενα πρὸς τοὺς κατὰ λόγον προνοίας ἔχοντας αὐτὰ, ὡς ὑπὸ τὴν τοῦ δημοσίου χεῖρα ἀείποτε τελοῦντα* — MM, IV, 199. А. Вишнякова, Хозяйственная организация монастыря Лемвотииссы, ВизВ, XXV, 1927, 40, ошибочно переводит это место: «Не могут плательщики податей продавать (что?— А. К.) без согласия прониаров, которые их (средний род!— А. К.) имеют как подчиненных государству постоянными плательщиками». Почему *πρὸς τοὺς ἔχοντας* нужно переводить «без согласия»? Самая ссылка на согласие прониара здесь совершенно неуместна: в акте идет речь об объявлении недействительной продажи земли крестьянами прониару их деревни Вари. Естественно, что прониар был «согласен» на эту продажу, но монастырь добился объявления ее недействительной на основании того правила, что эта земля должна была всегда находиться под властью государства. См. совершенно правильный перевод Ф. И. Успенского, Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, ССХХХI, 1884, стр. 314. Наконец, *ὕπο τὴν χεῖρα τελεῖν* не означает «платить», но «быть подчиненным». G. Ostrogorsky, op. cit., 185, вкладывает в этот документ противоположный смысл, утверждая, что пронии якобы рассматривались как земли, подчиненные фиску.

рые платят ренту, но тому кто ее получает¹. Парикия, крестьянская зависимость, теперь постоянно сопутствует пронии². Парики в некоторых случаях не могли отчуждать земли без разрешения прониара³. Прониары захватывали выморочные земли париков⁴. Прониары могли строить мельницу на пожалованной им земле⁵, могли производить на этой земле улучшения и насаждения⁶. Наконец, прониар получает элементы юрисдикции: он мог созывать суд «людей своей пронии»⁷.

Прония оформилась к XIII — XIV вв. как феодальное поместье. Представление же о пронии как о *ποσότης* оставалось в это время лишь терминологическим пережитком.

Эта старая, уже отжившая терминология начинает уступать место новой, которая действительно соответствует реально существующим отношениям. Кантакузин рассказывает о различных награждениях византийских воинов. Одним из них было увеличено жалование (*μισθός*), другим же были даны «плефры земли, [приносящие доход в] десять золотых»⁸ каждому. Земля здесь, как это обычно бывает при пожаловании проний, оценена в деньгах, однако уже самая формулировка подчеркивает, что в этом положении на первый план выдвигается не рента, *ποσότης*, но реальное владение «плефрами земли». Составленный в январе 1333 г. документ знакомит нас с пронией Михаила Мономаха, которая характеризуется в источнике как *посотис* 50 перперов; подсчет всех статей дает, действительно, 50¹/₂ перперов дохода. Однако эти доходы складываются из таких статей, как подворная плата крестьян в деревнях Хандак и Нисий, рента их за землю в 575 модиев, плата за пользование выморочной землей, дополнительные повинности: зевгаратикий, азрикон и пр.⁹ Таким образом, крестьяне Хандака и Нисия должны были нести в пользу прониара обычные повинности, за исключением барщины.

Так прония превращается из права на получение известной доли государственных налогов в феодальную собственность на землю, в орудие для выжимания феодальной ренты. Однако сохраняющаяся еще и в XIV в. старая, архаи-

¹ ММ, VI, 213.28.

² Зогр., № 53.3; Фил., № 10.126; ММ, IV, 37.10; 199.23.
Ср. *ἀνδρῶν τοῦ τῆς προνοίας* ММ, V, 66.3.

³ Парики Амнона просят господина о конфирмации — Эсф. № 4 (О пронии Амнона — Хил., № 66.10, 77.4).

⁴ ММ, IV, 71.6.

⁵ Экономика Петра Дукопула была передана иеромонаху Матвею, который выстроил там мельницу — Зогр., № 34.24.

⁶ Хил., № 45.18; Кутл., № 20.8.

⁷ ММ, IV, 81.20.

⁸ *γῆς ἐκδοτῶν πλέθρα χρυσίων δέκα* — Сантац., I, 164.23.

⁹ Зогр., № 29.

ческая терминология позволяет нам восстановить прежнее значение этого термина.

И юридический статус пронии XI—XII вв. не был в действительности таким, как его рисовал Ф. И. Успенский. Нам представляется более близким к истине мнение Н. Скабалановича, считавшего, что прония в изученное им время не носила исключительно военного характера. И в более поздний период прония также не представляла собой исключительно вознаграждения за личную военную службу. Разумеется, мы знаем, что воины могли получать и часто получали пронии-экономии. Об этом прежде всего свидетельствует уже названная нами простагма императора Михаила Палеолога. Кантакузин рассказывает о награждении архонтов и архонтопулов экономиями с пожалованием им хрисовулов¹. Известная грамота, пожалованная жителям Янины в 1319 г., устанавливает, что нести военную службу за пределами городских стен должны были только те граждане, которые имели экономии². Как мы уже знаем, стратиоты в городе Серры получали посотис.

Но было бы совершенно неправильно думать, будто пронии в это время получали одни только воины. Наряду с воинами (рыцарями), обладателями проний оказываются и такие лица, которые не несли военной службы: женщины, духовные лица и церковные учреждения, чиновники.

В середине XIV в. вдова некоего Алексея Султана Палеолога получила посотис 100 перперов³. Кантакузин сообщает в своей «Истории» об обещании Апокавка наградить пронией (προνοίας ἀξιώσειν) сестру Асеня и ее детей⁴. Дочь некоего Романа была владелицей экономии⁵. Игумен Хиландарского монастыря обладал экономией в деревне Худина⁶. Часто в актах XIV в. идет речь об экономии того или иного монастыря⁷. В конце XIII в. была составлена опись монастырских и церковных проний, а также проний вельмож и стратиотов⁸ в Солунской феме. Пронии были у трапезундского монастыря Сумела⁹. Солунский архиепископ Григорий Палама, изгнанный зилотами из Солуни, бежал на Лемнос, после чего получил от императора пронию (προνοίας ἡξιοῦτο)¹⁰. Пахимер рас-

¹ Cantac., I, 236.7.

² MM, V, 81.17.

³ Ватоп., стр. 20.14.

⁴ Cantac., II, 278.5.

⁵ Хил., № 126.11.

⁶ Ксен., № 1.221.

⁷ Зогр., № 15.1, № 27.30.

⁸ Зогр., № 53.3.

⁹ προνοιαστικὰ δίκαια — MM, V, 279.5.

¹⁰ Cantac., III, 105.12.

сказывает о пожаловании пронии монастырям, церквям и царским телохранителям¹. Получали пронии и члены синклита².

Прония не была неотчуждаемой: мы уже упоминали посотис 300 перперов, которая была продана за 3000 перперов. Игумен Гервазий, обладатель экономии в 40 перперов, мог отчуждать ее, кому захочет³. Вдова Алексея Султана Палеолога имела право отдать свою посотис в приданое, продать, обменять, пожертвовать храму⁴. Меникийский монастырь получил в дар от частного лица экономию 100 перперов⁵. Процесс мобилизации проний проходил еще в XIII в. так интенсивно, что к моменту воцарения Андроника II (1282—1328) одни стратиоты настолько увеличили размеры своих проний, что даже перестали отправляться на военную службу, подкупая начальников, другие же, лишившись своих экономий, находились в крайней бедности⁶. Прония не была пожизненным владением; она передавалась по наследству. Византийское государство признавало право прониаров передавать пронию своим наследникам⁷. Пахимер сообщает, что Михаил Палеолог передал пронии павших воинов их детям⁸. Стратиоты из города Серры в XIV в. имели право передавать свою посотис по наследству⁹, но были обязаны, равно как и их наследники, отправлять определенную службу (τὴν ὀφειλομένην αὐτῶν δουλείαν)¹⁰.

Представление об условном характере пронии в значительной мере базируется на противопоставлении пронии и так называемого γονικόν, в котором Ф. И. Успенский хотел видеть вотчину. Но термин γονικόν сложен и многозначен, и было бы поспешно переводить его как «вотчина». Этот термин употребляется прежде всего как *titulus acquirendi*: им обозначается земля, приобретенная от родителей¹¹, по аналогии с землей, приобретенной от тестя¹², от матери¹³, от брата¹⁴. Гоникон

¹ Pachymeres, II, 390.3.

² Attaleiates, p. 122.14; Pachymeres, I, 97.16.

³ Хил., № 126.18.

⁴ Ватоп., стр. 21.2 Б. А. Панченко, назв. соч., стр. 205, говорит даже о «вотчине Султана Палеолога».

⁵ MM, V, 133.8.

⁶ Pachymeres, II, 258.13. G. Ostrogorsky, op. cit., p. 186, произвольно отрицает существование у прониаров права отчуждать землю.

⁷ παραπέμπειν ταύτην... πρὸς τοὺς ἐξ ὁσφύος γνησίους παῖδας καὶ κληρονόμους αὐτοῦ — Хил., № 132.13; Фил., № 7.16, № 8.28; MM, V, 90.5 и 109.3.

⁸ Pachymeres, I, p. 92.9.

⁹ Кутл., № 20.11.

¹⁰ Кутл., № 20.18.

¹¹ γονικὴ κληρονομία — MM, VI, 125.12.

¹² πενθερικὴ γῆ — Хил., № 40.118; MM, VI, 157.5 и 161.7.

¹³ μητρικὴ γῆ — Хил., № 155.19; Вазел., № 34.5.

¹⁴ ἀδελφικὸν χωράφιον — MM, IV, 157.25.

противопоставляется купленной земле¹, именно поэтому мы встречаем гоникон и у зависимых крестьян деревни Мамициона².

В актах гоникон противопоставлялся благоприобретенной земле; когда некто Врана подарил Лемвийскому монастырю оливы, приобретенные им у одной женщины за 1¹/₃ литры серебра, он указал, что в случае предъявления на них иска, монастырь должен вернуть эти оливы и получить уплаченную Враной сумму в 1¹/₃ литры; того же, кто возбудит иск из-за олив, принадлежавших к гоникону Враны и подаренных им монастырю, следует просто подвергнуть штрафу³.

Иное значение имеет этот термин в трапезундских актах, где он не противопоставляется благоприобретенной земле⁴ и может быть применяем к землям, полученным от мужа⁵. Иногда здесь с этим термином связывается даже представление об определенном виде угодий: «Сады, дома, деревья и гоникон» — перечисляет один акт⁶.

Термин гоникон применялся также к церковным землям⁷, и в этом случае, он, разумеется, не мог означать землю, полученную от родителей. Обозначал он и те церковные земли, которые были получены от ктитора⁸. Но особенно часто этот термин применяется при характеристике императорского дарения⁹. В рассказе о въезде императора Михаила Палеолога в Константинополь Пахимер повествует о том, что император пожаловал знати земли за ее старания и благорасположение; эту землю Пахимер называет γονικουθεΐα¹⁰, что надо переводить, как подсказывает контекст, «пожалованная», «выделенная». Такое императорское пожалование земли в качестве γονικόν часто связано с освобождением от всяких повинностей¹¹.

¹ ἀπὸ τε προικὸς αὐτοῦ καὶ γονικότητος καὶ ἐξ ἀγορασίας — А. Соловьев — В. Мошин, назв. соч. № 18.69. Ср. Jus, III, 298.9.

² Хил., № 92. Парики сир-Гари имеют γονικά — ММ, IV, 37.23. Отмечу, между прочим, что наличие у париков γονικόν послужило для Б. А. Панченко, видевшего в этом термине «родовую собственность», основным аргументом для доказательства существования в Византии частной собственности. Б. А. Панченко не смог пойти дальше филологического толкования этого термина и разобраться в существе явлений.

³ ММ, IV, 114—115.

⁴ Вазел., № 25, № 52.12, № 77.6, № 100.11. Ср. ἡ ἀγοραστικὴ γονικεΐα — ММ, V, 278.6

⁵ Вазел., № 8.8.

⁶ Вазел., № 143.54.

⁷ ММ, V, 277.24; ММ, VI, 228.33; Ксен., № 10.86; ММ, V, 123.4.

⁸ ἀπὸ κτητορικῆς γονικότητος — Фил., № 6.34.

⁹ ἀπερ ἔδωρήσατο... ὁ βασιλεὺς... ὡς γονικά μου — ММ, IV, 267. γῆν... ὡς γονικὴν διὰ θεοῦ καὶ προσκυνητοῦ προσταγματος — Зогр., № 28.58. Ср. Пандокр., № 3.15 и № 5.13; Хил., № 96.15.

¹⁰ Pachymeres, I, 164.

¹¹ ὡς γονικὴν αὐτοῦ καὶ ἀνευ δουλείας — Зогр., № 29.5; Хил., № 96.6.

В то же время у нас есть прямые известия, что термин гоникон применялся к землям, которые представляли собой условное и ограниченное сроком владение за службу. Хрисовул императора Иоанна Палеолога монастырю св. Павла от 1405 г. рассказывает о пожаловании Радославу и его сыновьям, «подчиненным Ромейскому царству и служащим», двух деревень — Аврамиты и Неохори — в качестве гоникон. Половину своих владений Радослав передал еще при жизни монастырю св. Павла; вторую половину монастырь, по предписанию императора, должен был получить после смерти сына Радослава¹. Здесь гоникон — владение, пожалованное за службу на срок двух поколений, — владение, право распоряжения которым остается за императором.

Как бы сложно ни было истолкование термина гоникон, все же мы можем видеть, что понятие вотчины, т. е. безусловного, полного права собственности на землю, не совпадает с гониконом, поэтому противопоставление гоникона и проний не позволяет еще рассматривать пронию как условную земельную собственность.

Далее, следует отметить, что условная феодальная собственность не исчезает в Византии в XIV в. Ее существование засвидетельствовано известиями, относящимися к XV в. Таков только что упомянутый хрисовул императора Иоанна Палеолога от 1405 г. Такова грамота 1450 г., по которой сыновьям Георгия Гемиста Плифона передается ряд земель и прав под тем условием, что наследование их будет проходить исключительно по мужской линии (ἐξ ἀρρενογονίας)². Типичная условная феодальная земельная собственность существовала на бывших византийских территориях в XV—XVII вв.³

В заключение следует отметить, что термин *πρόνοια* в особом значении употреблялся на Западе. В одном акте из Южной Италии XII в. мы встречаем его в значении «пожалование»⁴. То же самое значение придавал ему и автор Морейской хроники⁵. Здесь этот термин с пожалования был перенесен на объект пожалования, на земельную собственность в той ее форме, которую знала Морея, — на феодальную условную собственность, ибо Морейская хроника создавалась в условиях, отличных от Византийской империи, в условиях образцовой

¹ А. Каждан. Два поздневизантийских акта. ВизВ, II (1949), стр. 314—315.

² MM, III, 227.5.

³ Π. Ζερλέντος. Γράμματα Φράγκων δουκῶν τοῦ Αἰγαίου πελάγους. ВЗ, XIII, 1904, S. 139.

⁴ τὸ ἀσφαλὲς αὐτοῖς πάντοθεν προνοεῖν καὶ ἐπιβραβεύειν — F. Trinchera. Syllabus graecarum membranarum. Napoli, 1865, № 106.

⁵ προνοίασις καὶ ἡ εὐεργεσία καὶ ποιήσις — The Chronicle of Morea, Lond., 1904, vers. 4573.

ленной системы. В Морейской хронике прония выступает как синоним фьефа, по гречески: *φίε*¹. Мы узнаем из нее, что Гильом Шамплит оставил греческим архонтам их пронии²; мы находим в ней правило, по которому владелец пронии должен нести военную службу там, где укажет ему сеньер³. Повествуя о столкновении Жоффруа II Виллардуэна с клиром, который отказал принцу в военной помощи, Морейская хроника рассказывает, что Жоффруа в гневе отнял у клира земли и пронии⁴ и владел ими сам в течение трех лет. Он вернул их клиру лишь тогда, когда последний обещал и впредь нести за них военную службу.

Итак, в Морее прония обозначала условное владение за военную службу, фьеф, ибо иной формы земельной собственности здесь не существовало.

Подводя итоги, можно видеть, что

1) представление о византийской пронии как условной земельной собственности, даваемой в вознаграждение за военную службу, возникло на основании сербских и венецианских памятников XV в.;

2) в византийских источниках XI—XII вв. мы не находим данных, которые подтверждали бы мнение о том, что прония являлась условной земельной собственностью;

3) в XIV в. византийские прониары имеют право распоряжаться своими владениями;

4) условное владение землей не исчезает на византийской территории и в XIV—XV вв.

Все это показывает, что представление Ф. И. Успенского об эволюции пронии не соответствует действительности: источники не дают оснований утверждать, что прония превращается из условной собственности («поместье») в полную собственность («вотчина»).

Глубоко порочны извращающие историческую действительность искусственные построения в этом вопросе современных буржуазных византинистов, отрицающих феодальный характер пронии. Действительная эволюция пронии сводится к следующему: в IX—XII вв. (а может быть, и ранее) Византийское государство проводит систему раздачи в частные руки государственных податей; оно раздает светским и церковным феодалам париков, позволяет им устанавливать патронат над теми или иными деревнями, наконец, передает им права на те или иные доходы: от монастыря, от морских пош-

¹ The Cronicle of Morea, vers. 1939—1940.

² Там же, стк. 1644 и слл.

³ *ἐνθα χρῆζει καὶ βοῦλεται τοῦ προνοιατέρου ἀφέντης*. — Там же, стк. 1999.

⁴ Там же, стк. 2648 и слл.

лин, от рынков, а иногда и просто права на определенную долю государственных податей с той или иной деревни или фемы. Все эти права объединяются понятием «прония», включающим в себя и харистикию, и солемнион. Но уже в это время в процессе феодализации происходит постепенное изменение прав прониара: из права на определенную долю податей прония превращается, часто в результате прямого насилия, в право на самих крестьян и их землю, в орудие присвоения феодальной ренты, в феодальное поместье. Прония XIII в. — это подлинное феодальное поместье, обладатель которого — феодал — имеет все средства для осуществления внеэкономического принуждения — вплоть до суда над зависимыми от него людьми; старая терминологическая шелуха, старое представление о пронии как определенной доле податей в это время еще сохраняется, но оно уже не соответствует действительности.

УКАЗАТЕЛЬ

Указатель содержит важнейшие термины, собственные имена и географические названия. В указатель не включены термины и названия, повсеместно встречающиеся в книге (как Византия, крестьяне, феодалы, деревня, монахи, монастырь), имена крестьян и феодалов, упомянутые лишь однажды, обычные названия чинов, монет и мер. Указатель составлен Р. А. Ивянской.

- авиотикий — 94—95, 126, 147, 200
авлиты — 132
Аврамиты, деревня — 68, 79, 221
автургии — 47, 50
агиографическая литература — 37, 51
агиодулы — 132
Агиопатита монастырь — 68
административное единство деревни — 87
Адрианополь — 49, 184
 восстание в Адрианополе — 185—187
Аздравикий, деревня — 69, 71
Акарания, область в Греции — 48
Акоминат Михаил, писатель и архиепископ XII в. — 7, 37, 105, 144, 150, 166
Акоминат Никита, историк — 41, 47, 54, 101
албанцы, Албания — 51, 84, 202
Александр Афонский, издатель актов — 26
Алексей Комнин, император (1081—1118) — 51, 58, 133, 151, 210
Алипийский монастырь — 68, 72, 106, 135, 160, 191
аллиленгий — 88, 94
алониятик — 122, 142
анабаптизм (во время восстания зилотов) — 192—193
ἀναχοίνωσις — 81—82
ангарии — 117, 119, 129, 136
Ангелов Д., болгарский историк — 19, 84
Андреадис А., греческий экономист — 18, 148
Андрея св. монастырь — 92, 102, 103
Андроник I Комнин, император (1182—1185) — 167
Андроник II Палеолог, император (1282—1328) — 70, 71, 77, 94, 99, 147, 214, 219
Андроник III Палеолог, император (1328—1341) — 134
Анна Комнина, историк — 50, 204, 211
Антигония, деревня — 154
Апокавк Иоанн, политический деятель середины XIV в. — 188—189, 194—195, 218
Апокавк Иоанн, митрополит Палпакта — 55
аренда (арендуемая земля) — 61, 93, 111, 162—163, 181
 сдача в аренду дома — 128—131, 150, 177, 182, 201
 аренда на срок жизни — 163
 межкрестьянская аренда — 175—177
 аренда лавок и пекарен — 169
 арендатор — 61, 129, 150, 163
ἀριθμός париков — 102
ἀριθμός пронии — 214
Арта, город в Эпире — 147, 150
археологический материал — 40, 41, 58
Архонтица, крестьянин — 59, 112
архонтопулы, мелкие феодалы — 191, 218

- архонты — 64, 101, 103, 123, 195, 218
- архонты Солуни (главы городского управления) — 188, 189, 195, 196
- Атталиата Михаил, историк и политический деятель XI в. — 121, 166, 204, 210
- Афанасий, патриарх — 94, 147
- Афанасия Афонского лавра — 51, 71, 85, 111, 113, 114, 117, 128, 140, 143, 151, 163, 215
- Афет, деревня — 59—62, 173, 176
- Афины — 212
- афиныне, их роль в торговле — 166
- Афинская митрополия — 128
- Афон, Афонские монастыри — 47, 50, 70, 75, 79, 87, 132, 156, 191, 192, 210
- торговля афонских монахов — 168
- аэрикон — 7, 11, 16, 56, 98, 99, 126, 145—148, 217
- Бакуриани Григорий, полководец XI в. — 121, 131, 209
- Балканы, балканские владения Византии — 45, 46, 56, 57, 69, 74, 75, 89, 100, 115, 129, 199, 200
- бапалитет — 125—126
- барщина, отработочная рента — 27, 28, 86, 95, 101, 104, 117—121, 126, 161, 182, 200, 217
- виды барщины — 117—118
- размер барщины — 118, 121, 127
- отказ выполнять барщину — 108—109, 115
- батраки — 177
- батраки с наделом — 136
- бегство крестьян — 105—107, 114, 135
- «бедные», категория крестьянства — 137
- Безобразов П. В., русский византист — 10, 13, 20, 27, 79, 129, 139, 146, 147, 155, 157
- бенефиций — 10
- Бергер А. К., советский историк — 186—188
- береговое право — 167
- богородичные монастыри:
- Всечистейшей — 28
 - Космосотиры (Спасительницы мира) — 57, 88, 107, 121
 - Мегаспилиотиссы — 69
 - Милостивой — 7, 75, 102, 142, 144, 215
 - Спилиотиссы — 68, 106, 136
- «божий суд» — 89
- Болгария, болгары — 50, 105, 144, 212
- большая семья — 74—76, 180
- Босота Кирилл, ересиарх — 191
- Братиану Ж., реакционный румынский историк — 17
- Вазелонский монастырь — 7, 16, 26, 55, 74, 178—180
- Вальсамон, юрист-канонист XII в. — 38, 163
- Вардан Георгий, феодал — 65, 77, 154
- Вардар, река — 70
- Вари, деревня — 52, 53, 55, 62, 66, 79, 108, 109, 113, 114, 131, 143, 179, 216
- Варис, поместье — 44, 122, 125, 127, 131, 132
- Василий I Македонянин, император (867—886) — 210, 212
- Василий II Болгаробойца, император (976—1025) — 133
- Васильевский В. Г., русский византист — 4—6, 8—11, 16, 19, 26, 35, 37, 54, 90, 94, 139, 143, 145—147, 149, 158, 202
- вассал — 107, 125
- вассалитет — 160
- Ватопедский монастырь — 26, 69, 71, 87, 91, 167, 168, 215
- Велчица, деревня — 56
- Вепикия, деревня — 64
- верблюды — 48
- Вернадский Г., американский реакционный историк — 158
- виварий, рыбный садок — 130
- винный рынок — 168
- виноградарство — 40, 46, 52, 53
- виноградники — 28, 46, 47, 67, 70, 72, 141, 156, 171—173, 202
- виноградник как часть стаси — 59, 83
- дробность виноградников — 60—61
- цена виноградников — 157
- доминальные виноградники — 127, 132
- виноградники зависимых крестьян — 111, 114, 117
- аренда виноградников — 111, 128, 163

- обеспеченность крестьян вино-
градниками — 171, 172
βιολόγιον — 147
Вифиния — 53, 84, 110, 115
Вишнякова А. Ф., советская ви-
зантинистка — 24, 216
вклады — 68—72, 161, 162
мелкие вклады — 69, 72
влахи — 50, 51, 92, 132
Влахна монастырь — 82, 83
внеэкономическое принуждение —
21, 95, 96, 116, 223
военная служба (воинская повин-
ность):
крестьян — 119, 145
вооруженные отряды париков —
98
прониаров — 202, 203, 206, 207,
218, 222
воидат — 143, 144
волы (быки, буйволы) — 48, 49,
64, 65, 152, 177
подать с упряжек волов — 123,
143. См. зевгаратикий
обеспеченность крестьян вола-
ми — 171, 173, 176, 177
вотчинная теория — 9, 13, 17, 18
вотчина — см. феодальное поместье
вотчина мелкая и крупная —
38, 168, 182, 201
вотчина как наследственная соб-
ственность — 203, 204, 207,
219, 222
Вранос, вождь восстания в Адриа-
нополе — 185
выморочные земли — 93, 94, 113,
126, 217
Гавала, солунянин — 194
Гари (сир-Гари), феодал — 66, 97,
113, 114, 213, 220
Гельцер М., немецкий историк —
54
«Геопоники», сочинение по агро-
номии X в. — 38, 41, 43, 44
Георгила, деревня — 71, 103
Георгия св. метох — 65
Георгия Аскурвуллита монастырь —
67
Гиббон Э., английский историк — 5
Гильом Шамплит, морейский фео-
дал — 222
Гильом II, правитель Морейского
княжества — 119
Гир, виварий — 52
Гомата, метох — 119
гоникон — 219—221
Гордата Феодор землевладелец —
76, 87, 180
город, его роль в экономике Ви-
зантии — 165—166
«городской воздух делает сво-
бодным» — 101
Горянов Б. Т., советский визан-
тинист — 24—26, 78, 134, 139,
155, 187, 208
государство феодальное — 115
подчинение им общины — 88,
199
раздачи государством париков
и податей феодалам — 101—
104, 214—216, 222
идеализация государства в бур-
жуазной исторической науке —
5, 6, 8, 18
Градец, село — 57, 65, 66, 77,
170, 176
границы — см. межевые столбы
Греция — 125
Григора Никифор, историк — 42,
46, 50, 51, 177, 183, 187, 188
Григорович-Барский В., путеше-
ственный — 44, 45
груша — 46
Гунароулы, крестьянская семья:
Мария — 112
Михаил — 160, 161
Даниил, афонский прот — 68
Данилов А. И., советский меди-
евист — 96
друзевгараты, категория крестьян-
ства — 143
δεκατημύριον — 128
Декеля, деревня — 128
Дёльгер Ф., немецкий реакцион-
ный историк — 15—17, 20, 27,
94, 118, 143, 148, 151, 158, 207
демос (солунский) — 185, 186
деревня, ее соотношение с поме-
стьем — 54, 63—66, 72
деревня большая — 54—58, 72
деревня малая — 56, 57
держание (условная собствен-
ность) — 125, 164, 221, 222
десятина:
урожая (рента с земли) — 128—
130
скота (рента с пастбищ) — 51,
123, 125
зевгарей — 143, 144
«дешевая церковь» — 192
диаконы, младшие монахи —
131, 132

Димитрия св. метох — 65, 70
Димитрия св. монастырь — 131
δικονατοῦ — 121
динаты — 4, 69, 92, 93, 103, 105,
185, 186, 196
Диоклетиан — 14
диоклетианова податная систе-
ма — 139
дипломы императорские — 26, 27.
См. хрисовул
дифференциация крестьянства —
см. расслоение крестьянства
доля — 61, 81. См. надел
домов, домениальные земли — 16,
64, 68, 86, 117, 127—129, 131,
132, 136, 137, 182, 201
домениальные упряжки (плуги) —
64, 131, 182. См. холопы
обеспеченность домена рабо-
чей силой — 127, 128
Допш А., австрийский историк —
11
дороги — 63
Дрианувена, деревня — 59, 80, 84,
112
Друнг, область в Пелопоннесе — 84,
119
дубник — 49, 124
дукат, монета — 70, 117, 150, 157
дулопарики (дулевты) — 132, 167
«дурные обычаи» — 125
Евнух, деревня — 52, 71, 154, 172,
173, 175
Евнух Григорий, скупщик земли —
180
евреи — 79, 148
ереси — 38, 191, 192
Ерисс, деревня — 71, 76, 81, 154,
174, 175, 180, 210
Ермон, река — 52, 131, 211
жатва — 44
животноводство (скотоводство) —
48—51, 53
жития святых — 37, 133. См. агно-
графическая литература
Жоффруа II Виллардуэн, мо-
рейский феодал — 222
жула-комитур — 78, 79
зависимость — см. личные отно-
шения, феодальная зависимость
задруга — 75
запрещение свободы перехода —
95, 100
заселье — 57

А. П. Каядан

засуха — 48
зевгарь — 7, 43, 65, 122, 123,
127, 137, 141—144, 177
зевгарат — 143—144
зевгаратикий — 122, 123, 142,
148, 149, 217
зевгилатий, поместье — 64, 67—69
зевгилатий, поле — 150
зевгологий — 122, 123
«Земледельческий закон» — 4, 14,
40, 80, 83, 130
зилоты (в Солуни) — 22, 186—
195
Зографский монастырь — 65, 70,
72, 99, 111, 113, 114, 127, 142,
168, 177
Зонара, канонист — 38
ибн-Хордадбе, арабский географ —
149
Иверский монастырь — 71
игумен
управляет хозяйством монасты-
ря — 136, 209
барщины монахов на игумена —
117
идиоритм — 192
измерение земли — 144, 145
иммунист — 95, 96, 99
иммунитет — 95—100, 201
Иоанн I Цимисхий, император
(969—976) — 117, 149
Иоанн III Дука Ватац, император
(1222—1254) — 51
Иоанн V Палеолог, император
(1341—1391) — 57, 184, 187, 196,
214, 215
Иоанн VI Кантакузин, историк
и император (1341—1355) — 48,
69, 106, 182, 185—190, 192—
196, 214, 217, 218
Иоанн VII Палеолог, соправитель
императора Мануила II — 129,
130, 221
Иже-Иоанн Ласкарь — 109, 110
Иоанн, патриарх — 91
Иоанн Геометр, поэт X в. — 55, 178
Иоанна Богослова монастырь на
острове Патмос — 77, 82, 101,
108, 117, 136, 142, 144, 211,
216
Иоанна Ватского монастырь — 91
Иорга Н., румынский историк —
207
ипотека — 179
ὑποτέτακτος — 105
Ираклий, император (610—641) — 15

- Исаак Комнин, император (1057—1059)—209
Исидор Солунский, ритор — 47, 178
Ихтиофага монастырь — 68
- Кавасила Николай, ритор — 37, 178, 179, 189—191
казна — 30, 75, 99, 101—104, 130, 144, 149, 202, 215
Какава, парик — 103, 145, 160
каливноты, категория крестьянства — 137
«Каллимах и Хрисороя», сказка в стихах — 93
каниский, рента натурой — 120, 121, 125
канон, государственный налог — 151
каноникон, налог в пользу церкви — 150
Кантакузин — см. Иоанн Кантакузин
Кантакузина Феодора — 72, 169
Канти (Ханте Иоанн), землевладелец — 34
капникон — 13, 149—151
Карава Феодор, землевладелец — 60, 163
Каракала, монастырь — 94
Кассандра, полуостров — 119, 142
Кастрион, деревня — 70
каштаньы — 46, 59, 85, 86
Кедрин Георгий, хронист — 56, 98, 146, 149
келлиоты — 117
Керамари, номик (писец) — 51, 107
Кесарополь — 91
кефалеон — 145, 147—149
Кефалонийская опись 1262 г.— 62, 63, 75, 101, 104, 106, 145
Кидонис Димитрий, ритор — 37, 178, 184
Киприяновы дети, помещики — 65, 142, 154, 170
классификация земель (угодий) по разрядам — 139—141, 156
классовая борьба — 9, 18, 21—23, 106, 107, 115, 183—199, 201
Клим (Климент), игумен — 35, 36
клирики — 97, 126, 133, 211
кодик, сборник грамот — 31, 33, 52, 69, 74
Кокала Георгий, вождь зилотов — 195
коккия, монета — 156
- Колову Иоанна монастырь — 210
колонат — 4
колоны — 5, 23
команы — 107. См. половцы
коммутиация — 120, 126, 200
Комнины, императорская династия — 14, 207
Комнины Враны, феодальный род — 98
комополис — 54—55
кони (лошади, кобылицы) — 48—49, 64
Константин Багрянородный, писатель и император (913—959)— 102, 150
Константин Мономах, император (1042—1054)—101, 121, 166, 212
Константинополь — 45, 79, 129, 166, 220
конфирмация, подтверждение — 162
концентрация земельной собственности — 69
корабли монастырские — 167
Кориф — 165
Косна, деревня — 64
Косьма, магистр, юрист X в.— 80—83, 100, 105
крепостное право (крепостная зависимость)—4, 5, 14, 15, 21, 101, 106, 200, 201
крестьяне:
свободные — 4, 8, 10, 11, 23, 69, 77, 78, 84, 96, 98, 114, 135, 151, 199
государственные (казенные) — 100, 101, 103, 105
зависимые — 10, 16, 77, 92, 93, 95, 96, 105, 133, 160, 200.
См. парики, обычки
категории зависимого крестьянства — 116—137, 200
крепостные — 10, 78, 92, 98, 100, 135, 136, 138, 167
чиншевики — 131, 137, 200
закиточные — 172, 174, 181
средние — 171, 174, 181
беднейшие — 156, 171, 173, 174, 177, 180, 181
крестьянская собственность — 25, 111—113, 129
крестьянский суд — 89, 97—99, 146
Крит, остров — 113, 142
Криц, парик — 113, 115
Крициана, деревня — 71
круговая порука — 88, 100
Крусово, деревня — 64

- Ксенофонов монастырь — 48, 68, 71, 111, 126, 127, 135, 145, 173, 210
 ктитор — 126, 210, 220
 ктиторское право — 209, 210
 Кукул, село — 129
 Кумица, деревня — 173
 Кумуцул, деревня — 71
 Куник А. А., русский историк — 6
 купчие грамоты — 26, 28—36, 74, 75, 112, 145
 Кутлумуш, монастырь — 26, 64, 68, 71, 72, 157, 169
 Кутул, парик — 51, 107
 Кутци, деревня — 70

 Лазарь, ересиарх — 191
 Ламбоны, крестьянская семья — 91, 162
 Ламисакская опись — 98, 118, 121, 143, 146
 латинское завоевание — 38
 латинские феодалы — 70
 латинские порядки — см. Морей, см. франки
 Латрский монастырь — 102, 162
 Лев VI, император (886—912) — 133, 210, 216
 Лев Диакон, историк — 55
 Левченко М. В., советский византист — 23
 Лега Ксеп, парик — 112, 114, 158
 легат — 133
 Лемвийский монастырь (монастырь Лемвийотиссы) — 16, 34—36, 46, 49, 51, 52, 55, 63, 64, 66, 67, 69, 74, 76, 84, 87—89, 91, 94, 97, 98, 103, 106—108, 112, 114, 119, 129, 131, 132, 160, 161, 169, 179, 220
 Лемнос, остров — 101, 108, 142, 215, 218
 Ленин В. И. — 5, 6, 11, 13, 95, 96, 101, 116, 126, 131, 175, 176, 181
 лениники — 4
 Леонтий, патриарх — 105
 Лерос, остров — 92
 лес — 58, 59, 72
 Липсо, остров — 140
 Липсохорий, деревня — 52, 71, 172, 173
 Липшиц Е. Э., советская византистка — 23, 40, 41, 80, 81
 литы — 10
 личные отношения — 160—162, 164, 200
 личная зависимость — 95
 лодки-однодеревки — 52
 Лозикий, деревня — 64—66, 113, 128, 142
 Лопарев Х. М., русский византист — 37, 133
 лопаты — 47
 луга — 50, 86, 140, 141
 laesio enormis — 156

 Майков А., русский славист — 202
 Македония — 53, 69, 72, 92, 184, 186, 187, 194, 199
 Макушев В., русский историк — 202
 Малала, хронист — 149
 Малахий, деревня — 129, 215, 216
 Малая Азия, малоазиатские области Византии — 52—54, 74, 84, 115, 199, 200
 Малиасин, феодал — 112
 Малука, деревня — 71
 Маманта св. монастырь — 7
 Мамицона, деревня — 56, 57, 64, 76, 94, 111, 113, 117, 129, 131, 141, 154, 170, 172, 175, 220
 Манганы (прония Манганов) — 212, 213
 Мантея, деревня — 46, 52, 53, 55, 66, 67, 89, 91, 98, 112, 114, 131, 158, 180
 Мануил I Комнин, император (1143—1180) — 41, 75, 81, 101, 102, 104, 206
 Мануил II Палеолог, император (1391—1425) — 120
 Мануил, сын Иоанна Кантакузина — 194
 Мануил, митрополит — 28, 89, 91
 марка — 74, 77, 83, 199
 Маркс К. — 40, 73, 95, 97, 102, 110, 138, 160, 169, 178, 179
 маслина — 46, 125. См. оливы
 Матвей, патриарх — 94
 Матвей, игумен — 65
 межевые столбы (границы, камни, рвы, заборы) — 28, 47, 62, 72, 83
 мелкий рогатый скот — 48, 64
 мельница — 53, 59, 66, 67, 70, 125, 126, 128, 177, 217
 ручная — 40, 45, 53
 приводимая в движение силой животных — 45
 водяная — 46
 паровая — 40

- пакт за мельницу — 130
 См. баналитет, эксагий
 Меникийский монастырь — 69, 154, 169, 219
 μέρος — 74, 75
 меры земли — 60
 метох — 28, 67—70, 134—136
 Метохит Алексей, солунский архонт — 188, 196
 Милассы и Меланудия фема — 102
 Милет — 29, 31, 49, 129, 157, 180
 «миротворящие люди» — 89
 мистии — 135, 136, 200
 Михаил VI Мономах, император (1056—1057) — 215
 Михаил VII Дука, император (1071—1078) — 204
 Михаил VIII Палеолог, император (1259—1282) — 109, 110, 131, 214, 218—220
 мобилизация земли — 180
 Моглены, область в Македонии — 51, 113
 модий — 60, 145
 Модин Василий, землевладелец — 69, 71, 161
 молотьба — 45, 53
 молочное хозяйство — 49
 монастырь:
 монастырское хозяйство — 12, 38, 131, 136, 179, 182
 монастырские пронии — 218, 219
 конфискация монастырского имущества — 190, 191, 196, 197
 монастырские уставы — 38
 Монемвасия, город — 79, 101, 167
 Мономах Михаил, проиар — 64, 118, 122, 125, 217
 Моноспития, деревня — 56
 Монье А., французский юрист — 67
 Морей, Морейское княжество — 44, 46, 125, 140, 221, 222
 Морейская хроника — 119, 221, 222
 морта — 129—131
 мотыги — 47
 Мошин В., югославский византист — 114, 120, 123, 139, 146, 147, 155
 Музалон Николай, писатель XII в. — 88
 мулы — 48
 Мурмунты, деревня — 100, 107
 Мутафчиев П., болгарский историк — 15, 206, 207
 падел, надельная земля — 59, 61, 64, 68, 82, 116, 127, 131, 133, 135, 136, 141, 170
 налоги — см. подати
 натуральная рента — см. оброк
 натуральное хозяйство — 53, 110, 165, 181, 197
 Неа Мони (Новый монастырь на Хиосе) — 101, 121, 167, 215
 «неимущие», категория крестьянства — 170
 Неохори, деревня в Македонии — 221
 Неохория, деревня в М. Азии — 129
 «неплательщики», категория крестьянства — 170
 Нестонг, Константин Дука, сналанничий Большой печати — 98, 108
 Неусыхин А. И., советский историк — 96
 Никей — 109, 110, 115, 165, 199
 Никифор II Фока, император (963—969) — 105, 215
 Никифор III Вотаниат, император (1078—1081) — 211
 Никифор, игумен — 163
 Николая св. метох — 70
 Николая св. церковь — 118
 Нимфей — 100, 107, 169
 Нимфейский договор 261 г. — 167
 Нисий, деревня — 56, 114, 127, 154, 170, 172, 217
 Ниссен В., немецкий историк — 210
 Нифон, патриарх — 109
 Новой Петры монастырь — 59, 112
 новь — 41
 нотариус деревенский — 88
 оброк, рента продуктами, натуральная рента — 27, 95, 119—121, 126, 132, 182, 200
 обычки — 117, 127, 131, 137, 182, 200
 община домашняя — 74—76. См. большая семья
 община сельская — 5, 8, 9, 12, 13, 23, 26, 73, 74, 77, 80—86, 88—90, 116, 169, 180, 197—199
 интерес русских византистов к общине — 4
 идеализация общины реакционным мещанством — 6, 90
 пересмотр отношения к общине в русской буржуазной исторической литературе — 11
 фискальная теория общины — 15, 89

- дуализм сельской общины — 5, 13, 26, 74
 общинные земли (угодья) — 85—87, 92, 93, 203
 община и феодал — 90, 93, 95, 115, 199, 202, 203
 роль общины в крестьянском сопротивлении — 107—109, 164, 199
 община зависимая — 90, 108
 общинники — 77—80, 92, 95.
 См. крестьяне свободные
 овощи — 47
 овцеводство, овцы — 48—51, 64
 огороды — 44, 62
 οἰκονομοπαράσπορος — 119
 οἰονέτριον — 119, 120
 оливы — 46, 47, 63, 67, 69, 70, 91, 156—158, 163
 оливковая роща — 66
 цена на оливы — 157, 159
 ὀρυστελεῖς — 105
 описи — 27, 28, 52, 55, 59, 112, 127, 151, 158, 170, 174. См. практик
 опсопий, рента — 124
 орешник — 46, 86
 орошение — 47, 53
 Острогорский Г., югославский византист — 14, 15, 18, 54, 55, 75—77, 85, 89, 99, 120, 122, 127, 135, 136, 141, 143, 148, 149, 151, 155, 157, 170, 207, 208, 212, 216, 219
 открытые поля — 62, 63, 72
 отпускные грамоты — 133
 отчуждение земли, его феодальная сущность — 161—163
 офелия — 122
 охота — 52
 очаг как объект обложения — 149, 150
 Павла св. монастырь — 26, 104, 134, 148
 пакт — 130, 131
 Палама Григорий, богослов XIV в. — 37, 177, 190, 196, 218
 Палеологи, императорская династия — 24, 25
 Палолог, Алексей Султан, пропиаир — 218, 219
 Палеолог Андрей, вождь зилотов — 188, 192, 195, 196
 Палеолог Михаил, вождь зилотов — 188, 189, 194
 Палеолог, солунянин — 194
 Пандократора монастырь — 72, 92, 117, 169
 Панкалос Косьма, феодал — 71, 169
 Пантелеймона св. Русский на Афоне монастырь — 50, 57, 64, 70, 120, 122, 142, 144, 156, 160
 Пантелеймона св. монастырек близ Смирны — 67, 160
 Пандченко Б. А., русский византист — 11—15, 20, 26, 27, 69, 78, 89, 96, 101, 103, 134, 139, 155, 158, 162, 219, 220
 Паракалам, деревня — 34
 парики — 4, 5, 10, 12, 15, 16, 23, 25, 28, 51, 64, 69—71, 97—104, 111—115, 127, 132—136, 143, 177, 216
 права париков на землю — 107, 111—113, 158, 162, 220
 общинные угодья париков — 92
 повинности париков (паричские повинности) — 79, 94, 95, 117, 119, 121, 124, 129, 145, 149, 151, 161
 парики беглые — 101, 107
 раздача париков феодалам — 101—104, 222
 дарение париков — 114
 парики «извечные», «прирожденные» — 104
 парики и эпики — 77
 парикия — 104, 117, 151, 217
 παροιχίατα — 104
 παροιχογονικόν — 111
 παροιχοτόπια — 111
 Парос, остров — 52
 Парфений, поместье — 92
 пастбища — 49—51, 58, 92, 123, 124
 Патмосский монастырь — см. Иоанна Богослова монастырь
 патронаг — 104—106, 117, 137, 222
 Пафлагония — 51, 53, 165
 Пахимер, историк — 52, 84, 103, 109, 120, 218—220
 пашаня, пахотное поле — 28, 44, 59—64, 67, 68, 86, 128, 130, 140, 141. См. хорафий
 превращение пашни в виноградник — 156
 обеспеченность крестьян пашней — 170
 крестьяне, не имеющие своей пашни — 176, 177
 Пеголотти, флорентийский купец и путешественник XIV в. — 167

- Пелопоннес — 44, 84, 101, 119
 Пергамен, составитель описи — 28
 переделы земли в общине — 80—83
 Петриц Георгий, стратигот — 76, 87
 Петрициссы монастырь — 121
 «пешеходцы» — 170
 Пигулевская Н. В. — 22, 23, 139
 Пира, сборник судебных решений XI в. — 4, 38, 77, 81—83, 105, 123, 133, 150, 163
 пираты — 48, 133
 писовые книги — 7, 27, 122, 144, 145, 155. См. описи
 Планит Максим, землевладелец — 91
 Платамон, город — 189, 195
 «плательщики» — 136
 плефр — 217
 Плифон Георгий Гемист, ученый XV в. — 120, 183, 221
 плуг — 43, 44, 53
 поборы дополнительные — см. пошлины
 «подарки» феодалу — 28
 подати (налоги, государственные повинности) — 5, 6, 23, 75, 76, 84, 88, 93, 97, 101—105, 123, 130, 134, 139, 149, 151, 158, 160, 214—217, 223
 подать подымная — 149
 подать подушная (поголовная) — 139, 145, 147—149, 151
 подать поземельная — 96, 97, 139, 143, 145, 149, 151
 подать и феодальная рента — 102, 122, 123, 129, 130, 139
 податные чиновники (сборщики налогов) — 88, 93, 102—104, 109, 144, 158, 167, 178, 211, 215
 подворное — 104, 121, 125, 154, 156, 200, 217
 поджог монастырских зданий — 88, 107
 подсечное земледелие — 41, 42
 Полея, священник — 98
 полиптики — 27
 половцы — 51. См. коаны
 Портарея, деревня — 103
 посотис — 214, 215, 217, 218
 Потам, деревня — 113
 Потамия, деревня — 113
 Пофолон, деревня — 64
 пошлины, поборы дополнительные — 56, 104, 121—126, 143, 144, 146—150, 200, 211, 217
 пошлины судебные — 98, 125, 146. См. аэрикон
 пошлины рыночные — 126
 пошлины за нахождение клада — 99
 право близости — 87, 93, 105
 отказ от права близости — 87
 право на чужую землю — 86
 практик — 7, 27, 28, 102, 125, 135
 практор общины — 88
 предпочтение — 84, 87
 Превиста, деревня — 142
 прекарная зависимость — 160, 161
 прелюбодейная денга — 99, 126, 146
 Преясница, деревня — 92
 прибыль эмбриональная — 138, 154, 164
 Приновари, деревня — 61, 84, 88, 98, 108
 приновариты — 94, 108
 проасти — 66, 67, 69, 118, 130, 163, 168, 199
 Продром, поэт XII в. — 133
 прония — 7, 12, 64, 65, 97, 118, 202—219, 221—223
 прониар — 12, 97, 211, 214, 216, 217
 проскафимены — 134, 135, 160
 просо — 43
 прот, глава афонских монахов — 68, 156, 163
 Пселл Михаил, политический деятель и писатель XI в. — 100, 209
 псомиари, транезундская мера — 145
 птицеводство — 51
 пчеловодство, пчелы — 51, 52, 67
 пшеница — 42
 рабы — 17, 101, 132—134
 рабство — 17, 48, 178, 194
 раздача имений — 101
 расчистка лесов — 42
 расслоение (дифференциация) крестьянства — 169—175, 180, 181, 201
 Регель В., русский византист — 26
 Редесто, город — 79, 166, 167, 184, 210
 ремесленник в деревнях — 168, 169
 рента — 70, 101, 107, 113, 122,

- 127, 128, 132, 151, 154, 156, 217
 рента и подать — см. подать
 рента феодальная — 5, 21, 25, 27, 96, 116, 123, 126, 130, 138, 139, 164, 198, 200, 206—208, 217
 рента денежная — 28, 117, 120, 131, 136, 162, 178, 200, 201
 рента с бывших общинных земель — 86
 рента клириков — 133
 рента в Морее — 125
 рента железом — 168
 рост феодальной ренты — 121, 125, 126, 200
 отказ платить ренту — 108, 109, 115.
 См. барщина, оброк, пошлыны, эпителлий
 Рентина, крепость — 189
 Риакия, деревня — 82
 риторы — 37, 178, 179
 Роман I Лекаппи, император (919—944) — 105, 210
 Роман II, император (959—963) — 77
 ростовничество — 178—181, 185, 201
 Рудава, деревня — 70
 Рудаков А. П., русский историк — 13, 20, 37
 Руналия, деревня — 70
 Руфинианов монастырь — 129
 «ручной заклад» — 179
 рыболовство — 52, 86, 103, 124, 132
 рыцари — 4, 202, 218
 Савва, основатель Хилапдарского монастыря — 85
 садоводство — 40, 46
 сады — 28, 47, 59, 61—63, 66, 67, 72, 83, 132, 141
 Салическая правда — 88
 Самона, судья — 92
 Сампсон, округа — 130
 саранча — 48
 Сафа К., издатель — 75
 Сахликис Стефан, критский поэт XV в. — 38, 61, 128, 168, 177, 182
 светское землевладение — 38, 91, 100, 122, 196
 борьба светского и церковного землевладения — 191, 211
 провинциальная феодальная знать — 184, 194
 свиньи, свиноводство — 48—49
 свобода передвижения париков — 113, 114
 свобода перехода — 4, 100
 Сгур, пелопоннесский феодал XII—XIII вв. — 205
 севооборот — 43
 сербы — 6, 70, 75, 194, 202, 222
 Серры, город — 29—31, 69, 135, 162, 169, 191, 214, 218, 219
 Сикрон, деревня — 166
 Силлам, деревня — 113
 синона — 149, 150
 Synopsis minor — 105
 сито — 46
 ситаркия — 122, 132, 142, 143, 148
 Скабалапович, Н. А., русский византист — 78, 206, 212, 218
 Скилица, хронист — 209, 212, 213
 Скордилы, критский феодальный род — 204, 205
 скотоводство — см. животноводство
 скотоводство пастушеское и стойловое — 50
 славяне — 7, 9, 22, 23, 84, 119, 143
 славянские вторжения — 4
 славянские крестьяне — 6, 77
 славянская община — 8, 84
 Смирна — 16, 29, 36, 46, 47, 51, 52, 55, 66, 69, 84, 86, 97, 98, 113, 129, 145, 156, 157, 199, 213
 Смирнская митрополия — 31—33, 36, 66, 97, 132
 смоковницы — 46, 67
 совет в Солуни, во время восстания зилотов — 188
 Соколов И. И., русский византист — 24, 78
 солемнион — 215, 216, 223
 Соловьев А., югославский византист — 123, 146, 147, 162
 Солунь — 29, 31, 52, 70, 71, 79, 85—87, 102, 166, 167, 177, 184, 186—189, 191, 193—196, 218
 Солунская тема — 28, 218
 сошник — 43—44
 Спан, хорафий — 61, 62, 84, 94, 98, 108
 ставродиабасия — 89
 Стаги, епископия — 127
 Сталин И. В. — 26, 97, 111, 165
 стась, часть деревни — 27, 55
 стась, крестьянское хозяйство — 55, 59, 86, 112

Стефан Душан, сербский царь — 57, 94, 118, 120, 135, 178, 193
стих, раздел описи — 75, 150, 151, 158

стихийные бедствия — 48

Стокий, метох — 68, 71, 127, 135, 173

стратиоты — 69, 89, 100, 103, 123, 128, 136, 218, 219

стрема, земельная мера — 117, 157

Стримон, река — 36, 51, 52, 64, 70—72, 103, 152, 157, 170, 213

субаренда — 163

субинфеодация — 159, 160, 200

суд духовный — 99

суд общинный — см. крестьянский суд

судебная реформа Андроника II — 99

Сумела, монастырь — 97, 103, 111

Сфурн, поместье — 66, 113, 129

Сюзюмов М. Я., советский византист — 23, 87, 166

«Тактика Льва», трактат по военному делу IX в. — 98

Тафрали О., французский византист — 186

Тесанты Алексей и Михаил, крестьяне — 160

торговля — 165—168, 201

«Трактат об обложении» X в. — 38, 77, 82, 105, 130, 144, 151, 214—216

трактаты землемеров — 140, 142, 143, 157

Трапезунд — 46, 55, 60, 74, 89, 97, 103, 111, 145, 220

«третья доля», арендная плата — 128, 177

«третья часть», рента — 124

трехполье — 42, 53

турки — 98, 110, 135, 177, 178, 181, 194

тягло — 12, 101, 103

тяжба из-за земли — 84, 85, 91, 108, 114

удобрение — 44, 53

урбарий — 10

Успенский К. Н., русский византист — 13

Успенский Ф. И., русский византист — 6—11, 13—17, 19, 20, 24—27, 37, 54, 55, 62, 65, 77—81, 83, 90, 121, 139, 141—143, 145, 202—209, 211—213, 218, 219, 222

Фарисей, составитель описи — 28

Фасос, остров — 92, 117, 178

фемы — 149, 212, 215, 216

феодальные отношения:

неспособность буржуазных ученых понять генезис феодальных отношений — 18

марксистско-ленинское учение о феодальных отношениях — 21, 22, 95, 110, 111, 198

феодальное поместье (владение) — 16, 69, 72, 116, 217

структура феодального поместья — 63, 116, 137, 177, 182, 198, 201

феодальная собственность — 12, 21, 85, 129, 217. См. держание двойственность феодальной собственности — 5, 10, 110, 111, 113, 161, 162

феодальная рента — см. рента захват земель феодалами — 90—92, 94, 115, 124, 199

феодал и община — см. община судебные и административные права феодалов — 96. См. имунитет

феодалы требуют запрещения свободы перехода — 100

феодальная традиция — 53, 110, 112—114, 121, 138, 199, 200

феодальный обычай — 110, 115, 139

феодальное поместье и рынок — 169

Феодосий, ересиарх — 192

Феофилакт Болгарский, писатель XI—XII вв. — 4, 37, 92, 103, 104, 123, 144

Феррари Дж., итальянский историк — 29

Фессалия — 44, 48, 51, 75, 84, 129, 193, 194

филархи — 51, 84

Филокинегит Николай, нотариус — 32, 33, 36

Филофеев монастырь — 148, 168, 169

фиск — 15, 94, 95, 216. См. казна, тягло

фискальная теория — 12, 14, 15, 17, 89

Фока Михаил, стратопедарх, составитель описи — 34—36, 112

Фоки св. монастырь — 163

Фоки, феодальный род — 205

Фокида, область в Греции — 88

Фома Магистр, ритор — 37, 109
Фома Славянин, вождь народного
восстания (821—824)—149
формально-юридический подход
к материалу — 5, 12, 13, 20,
25, 95, 207, 208
Фракисийская фема — 97, 109, 143
Фракия — 49, 53, 177, 184—186
«франки» — 125
фьеф — 207, 222
Хандак, деревня — 56, 64, 76, 114,
118, 127, 142, 143, 154, 170, 172,
217
харагма, рента — 145, 147, 148
Харанис II., реакционный амери-
канский историк — 17, 18
харистика — 7, 38, 209, 210, 223
Хиландарский монастырь — 52, 56,
57, 59, 64—66, 69—71, 75, 85,
87, 113, 123, 127, 128, 161, 163,
167, 173, 179, 218
хлебные подати — 120
хлебопашество — 40, 41, 46, 52,
170
хлены — 49
холопы — 132
хорафий — 13, 51, 61—63, 66, 68,
71, 72, 83, 84, 87, 94, 107, 113,
129, 145, 162
цена хорафия — 157
хорафии внутренние и внеш-
ние — 62
Христула, устав для монастыря
Иоанна Богослова — 136
Худина, деревня — 214, 218
Хулион, стась — 55, 56, 74
хутор — 54, 68, 198
Цахариэ фон-Лингенталь К. Э.,
немецкий византист — 54, 81,
105, 139
цена земли — 113, 157—161, 164,
200
цистерна для воды — 47, 193
Частная собственность на землю —
11—13, 73, 74, 156

чересполосица — 59, 72
Черная река — 49
чужаки в общине — 88
чужаки, не записанные в государ-
ственных описях — 134, 136
штраф за убийство — 99, 146
Эвбея, остров — 52
Эгина, остров — 105
экзимированность феодального по-
мestья — 96, 97
экономия, прония — 213—215, 218,
219
эксагий, рента — 126
экскуссия — 96, 97, 124, 150
экстенты — 27
элеутеры — 134—136, 178, 201
эмфитевса — 162
Эп, город — 57
Энгельс Ф.—40, 73, 83, 90, 92,
97, 110, 191, 197, 206
эпномий — 123, 124
эпномий пчел — 124
эпики — 13, 77—80, 109
эпителія — 158, 159
Эсфигмен, монастырь — 64, 71, 91,
103, 107, 113, 119, 168
Эфериса, стась — 56
эфор — 210
Эпбернер В., издатель источни-
ков — 54
Юлии св. метох — 70
jugum — 141, 144
Ю. Италия — 221
Яковенко П. А., русский визан-
тинист — 11, 16, 26, 27, 95,
97, 139
Янина, город — 51, 77—79, 101,
147, 150, 168, 218
Янинская церковь — 56, 64, 97,
126
Ялчица, деревня — 69
ярмарка — 126, 166—168, 182
ячмень — 42, 43

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Бакур. — L. Petit. Typicon de Grégoire Rasourianos. ВизВ, XI (1904). Приложение.
- Вазел. — Ф. Успенский — В. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927.
- Ватоп. — W. Regel. Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει ᾿Αθῶ μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. СПб., 1896.
- ВизВ — Византийский временник.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- Зогр. — W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev. Actes de Zographou, ВизВ, XIII (1907). Приложение.
- ИРАИ — Известия Русского археологического института в Константинополе.
- Косм. — L. Petit. Typicon de monastère de la Kosmosotira près d'Aenos (1152). ИРАИ, XIII (1908).
- Ксен. — L. Petit. Actes de Xénophon. ВизВ, X (1903). Приложение.
- Кутл. — P. Lemerle. Actes de Kutlumus. Paris, 1946.
- Лавра — G. Rouillard — P. Collomp. Actes de Lavra, I, Paris, 1937.
- Пандокр. — L. Petit. Actes de Pantocrator. ВизВ, X (1903). Приложение.
- Русик — Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика Пантелеймона. Киев, 1873.
- Тракт. — «Трактат об обложении», изд. F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, Münch. 1927.
- Фил. — W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev. Actes de Philothée, ВизВ, XX (1913). Приложение.
- Хил. — L. Petit. Actes de Chilandar. I, ВизВ, XVII (1911). Приложение.
- Эсф. — L. Petit, W. Regel. Actes d'Esphigménou, ВизВ, XII (1906). Приложение.
- AASS — Acta Sanctorum Bollandiana.
- Buchon — J. A. C. Buchon. Nouvelles recherches historiques sur la principauté française de Morée, II, (1843).
- Byz — Byzantion.
- BZ — Byzantinische Zeitschrift.
- Jus — K. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum.
- Migne PG — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca.
- MM — F. Miklosich — J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi.

В тех случаях, когда издание специально не оговорено, византийские авторы цитируются по Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, Bonnae.

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТРУДЫ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- К. Маркс. Дебаты по поводу закона против кражи леса. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Сочинения, т. IV.
- К. Маркс. «Нищета философии». Ответ на «Философию нищеты г-на Прудона». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Сочинения, т. V.
- К. Маркс. Традиционная политика России. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX.
- К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Пролетарская революция», 1939, № 3.
- К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII.
- К. Маркс. Капитал, т.т. I—III. Госполитиздат, 1949.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1947.
- Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII.
- Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV.
- Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV.
- Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1.
- В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Сочинения, т. 1.
- В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? Сочинения, т. 2.
- В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения, т. 3.
- В. И. Ленин. К деревенской бедноте. Сочинения, т. 6.
- В. И. Ленин. Аграрные прения в III Думе. Сочинения, т. 15.
- В. И. Ленин. Карл Маркс. Сочинения, т. 21.
- В. И. Ленин. О государстве. Сочинения, т. 29.
- И. В. Сталин. Заключительное слово (на VII расширенном пленуме ИККИ). Сочинения, т. 9.
- И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Сочинения, т. 13.
- И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951.
- И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, изд. 11-е.

ИСТОЧНИКИ

А. Акты

1. Общие издания

- F. Miklosich—J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi. Vindobonae, 1870—1890, voll. IV—VI.
K. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum. Lpz., 1857, vol. III.
C. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi. Venezia—Paris, 1872—1894, voll. I—VII.
G. L. F. Tafel—G. M. Thomas. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Wien, 1856—1857, III. I—III.
J. A. C. Buchon. Nouvelles recherches historiques sur la principauté française de Morée. Vol. II, Paris, 1843.
А. Соловьев—В. Мошин. Гречке повеље српских владара. Београд, 1936.

2. Афонские акты

- Т. Флоринский. Афонские акты и фотографии с них в собраниях П. И. Севастьянова. СПб., 1880.
Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athoskloster. Lpz., 1894.
В. Мошин. Акты из светогорских архива. Споменик Српске Академије, XCI, 1939.
F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. Münch., 1948.
Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. Киев, 1873.
Александр Лаврский. 'Αθωίτις στοά, ВизВ, V, 1898; VI, 1899; IX, 1902.
W. Regel. Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει "Αθῶ μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. СПб., 1896.
L. Petit. Actes de Pantocrator. ВизВ, X, 1903. Приложение.
L. Petit. Actes de Xénophon. ВизВ, X, 1903. Приложение.
L. Petit—W. Regel. Actes d'Esphigménou. ВизВ, XII, 1906. Приложение.
W. Regel, E. Kurtz, B. Korablew. Actes de Zographou, ВизВ, XIII, 1907. Приложение.
L. Petit. Actes de Chilandar. ВизВ, XVII, 1911. Приложение.
W. Regel, E. Kurtz, B. Korablew. Actes de Philothée. ВизВ, XX, 1913. Приложение.
M. Goudas. Βυζαντινὰ ἐγγράφα τῆς ἐν "Αθῶ μονῆς τοῦ Βατοπεδίου, 'Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, III, 1926.
Chr. Ktenas. Χρυσόβουλλοι λόγοι τῆς ἐν "Αθῶ μονῆς τοῦ Δοχειαρίου, 'Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, IV, 1927.
G. Rouillard—P. Collomp. Actes de Lavra, vol. I, Paris 1937.
P. Lemerle. Actes de Kutlumus, Paris, 1945—1946.
F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. N. F. 28, Münch., 1949.

3. Прочие акты

- Ф. Успенский—В. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927.
Ф. Успенский. Акт отвода земли монастырю богородицы Милостиной (в Струмице). ИРАИ, I, 1896.

L. Petit. Le monastère de Notre-Dame de Pitié. ИРАИ, VI, 1900.
N. A. Bees. Σερβικά καὶ βυζαντινὰ γράμματα Μετσώρων. Βυζαντίς, II, 1911—1912.

4. Монастырские уставы

- А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного востока, т. I. Типик. Киев, 1895.
Ф. И. Успенский. Типик монастыря св. Маманта в Константинополе. Летопись Историко-филол. общества при Новоросс. ун-те, II, 1892. Визант. отд., № 1.
И. Г. Троицкий. Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua opusculum necnon regulae quam ipse monasterio S. Demetrii praescripsit fragmentum. СПб., 1885.
L. Petit. Typicon de Grégoire Paeourianos. ВизВ, XI, 1904.
L. Petit. Typicon de monastère de la Kosmosotira près d'Aenos. ИРАИ, XIII, 1908.

Б. Тракаты

- Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. Труды VI археологического съезда, т. II, Одесса, 1888.
Geoponica, sive Cassiani Bassi scholastici de re rustica eclogae, rec. H. Beckh, Lpz. 1895.
Трактат об обложении, изд. F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Münch., 1927.

В. Нарративные источники

- Georgii Pachymeris. De Michaelis et Andronico Palaeologis libri 13. Bonn., 1835, voll. 1—2.
Nicephori Gregorae. Historia Byzantina, Bonn., 1829—30, 1855, voll. 1—3.
Joannis Cantacuzeni eximperatoris, Historiarum libri 4, Bonn., 1828—32, voll. 1—3.
J. Schmitt. The Chronicle of Morea. Lond., 1904.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- А. К. Бергер. Демократическая революция в Византии в XIV в. Архив Маркса и Энгельса, т. V, 1930.
А. Ф. Вишнякова. Хозяйственная организация монастыря Лемвотииссы. ВизВ, XXV, 1927.
А. Ф. Вишнякова и А. П. Каждан. Новые материалы по аграрной истории Византии в XIII—XIV вв. ВизВ, IV, 1951.
Б. Т. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. Вопросы истории, 1945, № 3—4.
Б. Т. Горянов. Восстание зилотов в Византии (1342—1349). Известия АН СССР, сер. истории и философии, III, 1946.
Б. Т. Горянов. Первая гомилия Григория Паламы как источник к истории восстания зилотов. ВизВ, I, 1947.
Б. Т. Горянов. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении. ВизВ, I, 1947.
Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах, ВизВ, III, 1950.
А. П. Каждан. Византийское сельское поселение. ВизВ, II, 1949.

- А. П. Каждан. Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севастьянова. ВизВ, II, 1949.
- А. П. Каждан. Локальные формуляры поздневизантийских грамот, ВизВ, III, 1950.
- М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940.
- И. И. Соколов. Крупные и мелкие властели в Фессалии в эпоху Палеологов. ВизВ, XXIV, 1923—26.
- И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. Известия АН СССР, ООН, 1931.
- З. В. Удальцова. К вопросу об оценке трудов академика Ф. И. Успенского. Вопросы истории, 1949, № 6.
- К. Н. Успенский. Экскурсия — иммунитет в Византийской империи. ВизВ, XXIII, 1923.
- Е. Черноусов. Вновь об экономической истории Византии. Труды ассоциации Института научных разысканий на Сев. Кавказе, XLIII, 1928.
- Д. И. Азаревич. История византийского права. Т. I, ч. 1—2, Ярославль, 1876—77.
- П. В. Безобразов. Материалы для истории Византийской империи. Неизданные монастырские уставы, ЖМНП, 1887, № 11.
- П. В. Безобразов. Крестьяне. Приложение к книге Г. Ф. Герцберг, История Византии, М., 1896.
- П. В. Безобразов. Патмосская писцовая книга. ВизВ, VII, 1900.
- П. В. Безобразов. Об актах Зографского монастыря. ВизВ, XVII, 1910.
- П. В. Безобразов. Завещание Воилы. ВизВ, XVIII, 1911—13.
- П. В. Безобразов. 'Αερκόν, в сб. „Н. И. Карееву — ученики и товарищи“, СПб., 1914.
- П. В. Безобразов. Афонские документы. Византийское обозрение, 1, 1915.
- В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. Властели, монастыри и сборщики податей в XI и XII вв. ЖМНП, 1879, № 4.
- В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства (Обозрение документов, относящихся к монастырскому землевладению). ЖМНП, 1880, № 7—8.
- В. Макушев. О пронии в древней Сербии. ЖМНП, 1874, № 9.
- И. М. (Иеромонах Михаил). К вопросу о значении термина ζευγάριον. ВизВ, IX л., 1903.
- Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. ИРАИ, IX, 1904.
- С. Пападимитриу. Стефан Сахликис и его стихотворение 'Αρτύτης παρὰξενος. Летопись Ист.-филол. об-ва при Новоросс. ун-те, VI, 1896. Визант. отд., 3.
- А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.
- Н. А. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884.
- П. Л. Соколов. Церковно-имущественное право в греко-римской империи. Новгород, 1896.
- Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, 1883, № 1—2.
- Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской пронии. Сб. статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского, СПб., 1883.
- Ф. И. Успенский. Материалы для истории землевладения XIV в. Зап. Новороссийского ун-та, XXXVIII, 1883.

- Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии, ЖМНП, 1884, № 1—2; 1885, № 7.
- Ф. И. Успенский. Мнения и постановления Константинопольских поместных соборов XI—XII вв. о раздаче церковных имуществ (харистикарий). ИРАИ, V, 1900.
- Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация в Византии. Анналы, II, 1922.
- Ф. И. Успенский. Центробежные и центростремительные силы в истории Византии. Изв. АН СССР ООИ, 1931.
- Ф. И. Успенский. История Византийской империи. Т. III, 1948.
- П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908.
- П. А. Яковенко. Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на Хиосе, Юрьев, 1917.
- Д. Ангелов. Феодализъмът в Византия. Исторически преглед, III, 1946—1947, кн. 2.
- Д. Ангелов. Принос към народностните и подземелни отношения в Македония (Епирския деспотат) през първата четвърт на XIII в. Известия на Камарата на народната култура, София, 1948.
- Д. Ангелов. История на Византия, ч. 2. София, 1948.
- A. Andréadès. Deux livres récents sur les finances byzantines. BZ, XXVIII, 1928.
- N. Вее. Ὑπὸς τοῦ πρώτου τοῦ νυκτὸς παρὰ Βυζαντίου. BZ, XXI, 1912.
- Г. Браунинг. Комуната на зилотите в Солуни. Исторически преглед, VI, 1950, № 4—5.
- P. Charanis. The monastic properties and the state in the Byzantine empire. Dumbarton-Oaks Papers, 1948, № 4.
- N. Constantinescu. La communauté de village byzantine, Académie Roumaine. Bulletin de la section historique, XIII, 1927.
- J. Danstrup. The state and feudal property in Byzantium. Classica et Mediaevalia, VIII, 1946.
- F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Münch., 1927.
- F. Dölger. Chronologisches und prosopographisches zur Geschichte des XIII. Jhdts, BZ, XXVII, 1927.
- F. Dölger. Das ἀστικόν. BZ, XXX, 1930.
- F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. Bulletin of the International Committee of Historical Sciences, V, 1933.
- F. Dölger. Zu dem Abdankungsgedicht des Nicolaos Muzalon, BZ, XXXV, 1935.
- F. Dölger. Die Urkunden des Johannes-Prodromosklosters bei Serrai, Sitzungsberichte d. Bayer. Akad. d. Wissenschaften, Phil.-hist. Abt., 1935, H. 9.
- F. Dölger. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden. BZ, XXXIX, 1939.
- A. Heisenberg. Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit, Sitzungsberichte d. Bayer. Akad. d. Wissenschaften, Phil.-hist. Kl. 1920, H. 10.
- P. Lemerle. Un chrysobulle d'Andronic II Paléologue pour le monastère de Karakalla. Bulletin de Correspondance Hellénique, 60, 1938.
- P. Lemerle. Philippe et Macédoine Orientale. Paris, 1945.
- В. Мошин. Δουλικόν ζευγάριον. К вопросу о серваже в Византии, Seminarium Kondakovianum, X, 1938.
- В. Мошин. Зографские практики. Сборник в память на проф. П. Ников, София, 1940.
- П. Мутафчиев. Воинишки земи и воиници в Византия през XIII—XIV вв. Списание на Българската Академия на Науките, XXVII, 1923 (Кл. истор.-филол.).

- II. Мутафчиев. Пронията в Византия и отношението и към военная служба. Известия на Истор. Дружество, 1924, № 6.
 - Г. Острогорский. Византийский податный устав. Сб. в честь Н. П. Кондакова (Recueil N. Kondakov), Прага, 1926.
 - Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX, 1948, № 2.
 - Г. Ostrogorsky, Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jhd. Vierteljahrschrift für Social- u. Wirtschaftsgeschichte, 20, 1927.
 - Г. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. Münch., 1940.
 - Г. Ostrogorsky. Agrarian conditions in the Byzantine empire. Cambridge Economic History, vol. I, 1942.
 - Г. Ostrogorsky. La système de la pronioia à Byzance et en Serbie médiévale. Actes du VIe Congrès International d'Etudes Byzantines, t. I, 1950.
 - Г. Rouillard. L'épibolè au temps d'Alexis I Comnène. Byz., X, 1935.
 - Г. Rouillard. Recensement de terres sous les premiers Paléologues. Byz., XII, 1937.
 - Г. Rouillard. Les actes de Lavra à l'époque des Paléologues. Atti del V Congresso Intern. di Studi bizantini, I, 1939.
 - А. Соловьев. Фессалийские архонты в конце XIV в. Byzantinoslavica, VI, 1932.
 - Е. Stein. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- u. Wirtschaftsgeschichte. Wien, 1923.
 - Е. Stein. Vom Altertum im Mittelalter, Vierteljahrschrift für Social — u. Wirtschaftsgeschichte, 21, 1928.
 - О. Tafrali. Thessalonique au XIVe siècle. Paris, 1913.
 - А. Vasiliev. On the question of Byzantine feudalism, Byz., VIII, 1933.
 - Г. Вернадский. Заметки о крестьянской общине в Византии. Ученые записки русской учебной коллегии, т. I, ч. 2, Прага, 1924.
 - Г. Вернадский. Заметки о византийских купчих грамотах XIII в. Сб. в честь на проф. В. Н. Златарски, София, 1925.
 - Д. Xanatalatos. Beiträge zur Wirtschafts- und Socialgeschichte Makedoniens. Münch., 1937.
 - Ж. E. Zachariä von Lingenthal. Geschichte des griechisch — Römischen Rechts, Berl., 1892.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Сельскохозяйственная техника	40
Глава 2. Сельское поселение	54
Глава 3. Община	73
Глава 4. Община и феодал	90
Глава 5. Категории феодального крестьянства	116
Глава 6. Феодальная рента	138
Глава 7. Разложение феодальной деревни	165
Глава 8. Народные движения в середине XIV в.	183
Заключение	198
Приложение: Прония	202
Указатель	224
Список сокращений	236
Указатель основной литературы	237

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Н. А. Боровская*
Технический редактор *Т. А. Землякова*
Корректор *А. В. Ключарев*

*

РИСО АН СССР № 4906, Т-01356. Издат. № 3349
Тип. заказ № 1574. Полп. к печ. 21/II 1952 г.
Формат бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 15¹/₄ + 1 вкл. Бум. л. 7,62
Уч.-издат. 16 5 Тираж 3000
2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., 10

Номинал по Прейскуранту 1952 г. 11 руб.

11 руб.